

83  
262.

# ИСТОРИЯ СЕВАСТОПОЛЯ, КАКЪ РУССКАГО ПОРТА.

---

В. Ф. ГОЛОВАЧОВА.

---

Издание Севастопольскаго отдѣла на политехнической  
выставкѣ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровитель-  
ствомъ Его Императорскаго Высочества Государя  
Наслѣдника Цесаревича.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ  
1872.

Купилъ обр. 1872

85  
262

# ИСТОРИЯ СЕВАСТОПОЛЯ,

КАКЪ РУССКАГО ПОРТА,

В. Ф. ГОЛОВАЧОВА.

Изданіе Севастопольскаго отдѣла на политехнической  
выставкѣ, состоящаго подѣ Августѣйшимъ покровитель-  
ствомъ Его Императорскаго Высочества Государя  
Наслѣдника Цесаревича.



— ❦ —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП. Д. № 39.

1872.

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ. . . . .	страница I
I. Вступленіе.	
Россія вмѣстѣ съ Тавридой, и Россія безъ Тавриды — Политическая программа Петра I. . . . .	1
II. Черное море, Крымъ и Ахтиарь.	
Юго-западные границы Россіи въ 1768 году.—Объявленіе войны съ Турціей.—Постройка нашихъ судовъ на Дону для дѣйствій на моряхъ; Азовскомъ и Черномъ.—Занятіе Крыма и его современные кораблестроительныя средства.—Движеніе нашихъ военныхъ судовъ и наши первыя военныя дѣйствія на Черномъ морѣ.—Сраженіе при Суджукъ-Кале.—Опись Херсонійской или Инкерманской бухты.—Условія мира при Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году.—Нашъ первый черноморскій флотъ, поставленный на мирную ногу. . . . .	7
III. Приобрѣтеніе Севастополя.	
Смутное понятіе о первобытномъ населеніи Тавриды.—Политическія отношенія Россіи къ татарскому Крыму и личность Потемкина.—Заведеніе порта въ Херсонъ; его строители: Шубинъ и Ганибаль.—Личныя наши отношенія къ Турціи.—Суда нашего черноморскаго флота въ 1782 году.—Что такое былъ Крымъ для западной Европы.—Возмущеніе татаръ въ Крыму противъ хана — Мѣры, принятыя русскими властями для успокоенія Крыма.—Первый начальникъ дѣйствующаго черноморскаго флота капитанъ Козлявиновъ.—Ахтиарская бухта дѣлается убѣжищемъ для русскихъ военныхъ судовъ; первыя наши суда, оставшіяся въ ней на зимовкѣ.—Приобрѣтеніе Крыма и первые отзывы о достоинствахъ севастопольскаго залива, какъ порта. . . . .	43
IV. Учрежденіе порта на Ктенусѣ.	
Судьбы греческаго Ктенуса—Окончательный актъ утвер-	

жденія за нами Крыма.—Вице-адмиралъ Флокачевъ учреждаетъ въ Инкерманской бухтѣ портъ.—Первый строитель порта—контръ-адмиралъ Мекензи.—Процессъ заведеніи порта.—Первая эскадра, зимующая въ «Южной» бухтѣ.—Имя собственное «Севастополь».—Спускъ первыхъ черноморскихъ кораблей и первая портовая администрація въ Херсонѣ и Севастополь.—Второй годъ зимованія нашего флота въ Севастополь.—Ожиданіе пріѣзда императрицы.—Третій годъ зимованія.—Первые штаты черноморскаго флота и переменны въ главномъ его управленіи.—Кончина Мекензи. . . . . 73

#### V. Война за Тавриду.

Существенные и общіе поводы къ войнѣ за Тавриду.—Наличныя суда нашего черноморскаго флота, готовыя на оборону Крыма.—Состояніе портовыхъ и городскихъ строеній въ Севастополь въ 1787 году.—Пріѣздъ императрицы въ Севастополь.—Мѣры, принятыя къ оборонѣ Севастополя.—Объявленіе войны и начало военныхъ дѣйствій.—Неудачное выступленіе нашего флота.—Суворовъ и дѣла на Днѣпровскомъ Лиманѣ.—Общее настроеніе нашихъ флотскихъ офицеровъ.—Ломбардъ—Верекинъ.—Образцы первобытныхъ военныхъ судовъ, на которыхъ мы открывали кампанію. . . . . 96

#### VI. Дѣйствія черноморскаго флота.

1788 годъ: Работа въ портахъ.—Общій составъ нашихъ морскихъ силъ.—Зависимость нашихъ военныхъ операций отъ общаго состоянія политическихъ дѣлъ.—Начало военныхъ дѣйствій на Лиманѣ.—Капитанъ 2-го ранга Савенъ.—Нашъ наличный флотъ.—Войновичъ.—Ушаковъ.—Первое генеральное сраженіе съ турецкимъ флотомъ.—Первый посылъ къ южнымъ берегамъ, Чернаго моря.—Перемены въ составѣ флотскихъ начальствующихъ лицъ.—Значеніе Очакова. Наличный севастиопольскій флотъ въ 1789 году.—Первая портовая администрація въ Севастополь.—Общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Бездѣйствіе флота подъ управленіемъ Войновича.—Основаніе Николаевскаго порта. . . . . 125

#### VII. Севастополь и флотъ при Ушаковѣ.

Общее положеніе дѣлъ въ черноморскомъ флотѣ и причины многихъ переменъ въ строеніи судовъ и портовой администраціи.—Федоръ Федоровичъ Ушаковъ дѣ-

дается начальникомъ севастопольскаго флота и порта. Составъ нашего паруснаго флота въ началѣ 1790 г. — Общее положеніе военныхъ дѣлъ съ весны этого года. — Поискъ къ турецкимъ берегамъ. — Выступленіе нашего флота и встрѣча его съ турецкимъ флотомъ у мыса Таклы. Сраженіе. — Маневры Ушакова. — Двухдневное сраженіе при о. Тендрѣ и его послѣдствія. — Потемкинъ на флотѣ. — Окончаніе кампаніи въ 1790 году. — Сраженіе при Кальякрии и его послѣдствія. — Кончина князя Потемкина. — Миръ. — Причины, повліявшія на увеличеніе Севастополя. — Состояніе севастопольскаго порта и флота при вступленіи на престолъ императора Павла I 147

VIII. Севастополь и флотъ въ царствованіе Императора Павла I.

Административныя перемѣны по флоту и севастопольскому порту послѣ Потемкина. — Наличныя суда флота въ началѣ этого царствованія. — Политическія обстоятельства, послужившія поводомъ къ выступленію нашего флота изъ Севастополя въ 1698 году; его прибытіе въ Константинополь и встрѣча его тамъ; его дѣйствія въ Средиземномъ морѣ и возвращеніе въ Севастополь. 191

IX. Севастополь и флотъ въ царствованіе императора Александра I-го.

Черноморскій флотъ въ началѣ этого царствованія. — Предположенія маркиза де-Траверсе по устройству севастопольскаго порта. — Перечень дѣйствій судовъ нашего флота въ теченіе турецкой войны 1806—1812 годовъ: Анапа, Сухумъ, Суджукъ, крейсерство у береговъ Абхазіи. — Состояніе Севастополя и флота въ концѣ царствованія Александра I. . . . . 215

X. Севастополь и флотъ въ царствованіе императора Николая I.

Севастополь и флотъ въ царствованіе императора Николая I. — Война съ Турціей въ 1828—1829 годахъ: взятіе Анапы и Варны; дѣло Казарскаго. — Чума. — Пребываніе флота въ Босфорѣ въ 1833 г. — Михайлъ Петровичъ Лазаревъ и его время: Абхазскіе крейсера; Севастополь, флотъ . . . . . 238

XI. ЗАКЛЮЧЕНІЕ . . . . . 256

## ОПЕЧАТКИ

<i>стр.</i>	<i>снизу.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ быть:</i>
3	6	Перми	Перміи
8	7	съ запада	съ востока
25	25 и 26	но надъ	по надъ
31	30	палубныя	полубныя
40	6	Партеномомъ	Партеніономъ
—	16	опасныхъ	описныхъ
48	30	его глубина	глубина послѣдняго
59	21	Моденъ	Модонъ
—	25	Моденъ	Модонъ
60	22	суда	судна
62	26	отъ нахъ	отъ 'нихъ
70	внизу	(3) и (4) выноски номера	перемѣнить
71	9	пришло	пришлаю
74	30	Ханство	хавство
80	30	каштомъ	коштомъ
93	въ таблицѣ	въ шестой графѣ	внизу три цифры лишнія
95	4	прямо 3	прямо за
98	13	въ 1772 году,	въ 1773 году,
99	21	въ инстиктѣ	въ инстинктѣ
100	6	Инстикты	инстинкты
—	9	инстиктовъ	инстинктовъ
106	31	съ запада	съ востока
113	21	заклучили	заклучали
121	18	кандаковъ	кайдаковъ
128	14	наступательныя	поступательныя
140	10	соединенными силами	соединеннымъ силамъ
142	1	1780 года	1789 года
158	11	брондерныя	брандерныя
163	18	двинуть	сдвинуть
164	30	изъ отъ насъ	его отъ насъ
165	37	недопустить ея	недопустить ее
168	9	имѣть	имѣтъ

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе составляет «Исторію Севастополя» въ обширномъ смыслѣ этого слова, то-есть составляетъ вмѣстѣ: а) историческое описаніе занятія севастопольской мѣстности подъ русскій военный портъ, въ связи съ тѣми военными и политическими потребностями нашего государства, которыя насъ привели къ приобрѣтенію этой мѣстности и учрежденію на ней главнаго сборнаго пункта для нашего черноморскаго флота; б) историческое описаніе послѣдовательныхъ матеріальныхъ и административныхъ перемѣнъ, улучшеній и преобразованій, происходившихъ въ севастопольскомъ портѣ за все время, предшествовавшее послѣдней войнѣ въ Крымѣ въ 1853, 1854 и 1855 годахъ, и с) историческое повѣствованіе о пребываніи въ немъ судовъ нашего флота и морскихъ командъ; а также описаніе тѣхъ военныхъ операцій, которыя основаны были на пребываніи въ Севастополѣ главныхъ силъ нашего черноморскаго флота.

Матеріалами къ составленію этого «историческаго описанія» послужили главнѣйшимъ образомъ: подлинныя документы, сохранившіеся въ нашихъ петербургскихъ, московскихъ и черноморскихъ архивахъ, какъ-то: донесенія отъ разныхъ лицъ и учреждений, за подписью самихъ доносителей, или засвидѣтельствованныя съ нихъ копіи; подлинныя приказы мѣстъ и лицъ административныхъ и начальствующихъ; списки и отчеты, служившіе къ составленію реестровъ, вѣдомостей и т. п.; подлинныя высочайшіе и правительствен-

ные указы, высочайшія постановленія, акты, изданные отъ архива Государственнаго Совѣта, акты и документы, опубликованные официально или въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и т. п. Къ пополненію всѣхъ историческихъ свѣдѣній, которыя могли быть почерпнуты изъ такого рода наиболѣе достовѣрныхъ и безспорныхъ источниковъ, послужили нѣкоторыя частныя хроники, какъ, напримѣръ: записки Александра Васильевича Храповицкаго, содержаніе которыхъ точно также отличается наибольшей, почти безупречной фактической достовѣрностью, и другія. Менѣе точныя хроники и современныя записки были приняты только въ руководство къ охарактеризованію лицъ и событій въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло составить до нѣкоторой степени историческую роскошь или украшеніе разсказа и описанія—не нарушая вѣрности фактовъ или самыхъ событій.

Такая осторожность въ выборѣ матеріаловъ была необходима для того, чтобы предлагаемое сочиненіе могло почитаться въ возможной степени безупречнымъ въ историческомъ отношеніи. Сказка и фантазія въ нашъ вѣкъ уже не принимаются болѣе на вѣру; тогда какъ огромное число нашихъ историческихъ монографій, относящихся къ описанію Крыма и Севастополя, можно сказать, переполнены литературными украшениями въ этомъ духѣ, до того, что сбивали даже довольно серьезныхъ нашихъ военныхъ писателей, не имѣвшихъ, по видимому, досуга провѣрить достодождной критикой всѣ изустные разсказы, дошедшіе до нихъ путемъ печати. Такъ, напримѣръ, мы находимъ въ извѣстномъ сочиненіи: «Походы Румянцева, Потемкина, Суворова» (1) издан. 1852 года, нижеслѣдующія слова: «Черноморскій флотъ, созданный въ четыре года Потемкинымъ, по мановенію Россійской Царицы, вышелъ изъ *Херсонской* гавани и готовился встрѣтить турецкія эскадры у береговъ Крыма. Манифестомъ 8-го апрѣля 1783 года объявлено было о присоединеніи къ Русской Имперіи Крымскаго полуострова (стр. 140)». На дѣлѣ же: всѣ

(1) М. Ив. Богдановича.



суда, высланные въ 1782 и 1783 годахъ на защиту береговъ Крыма составляли нашу *азовскую* флотилію — были все построены на Дону и имѣли постоянное пребываніе въ Керчи; а два *донскіе же* фрегата, починявшіеся въ 1782 году въ Херсонѣ, остались почти безъ всякаго употребленія. Мы увидимъ ниже, что флотилія наша (то-есть: не совсѣмъ флотъ), готовая къ выступленію въ 1783 году на Черное море, вовсе еще не была обязана своимъ происхожденіемъ Потемкину. Потомъ вы съ удивленіемъ находите въ документахъ, что ханъ крымскій Шагинъ-Гирей только 14-го апрѣля отказывается отъ престола, когда, по свидѣтельству того же вышеприведеннаго автора, у насъ еще 8-го апрѣля официально объявлено было о его отреченіи. Личность Потемкина, и колоссальная личность — это видно изъ множества всякаго рода государственныхъ дѣлъ, веденныхъ имъ со строгой послѣдовательностью — является у помянутаго автора личностью фантастичной, дѣйствующей въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, какъ, на примѣръ: при осадѣ Очакова, совершенно безъ всякихъ уважительныхъ причинъ.

Подобныя историческіе промахи мы находимъ во множествѣ у болѣе акредитованныхъ нашихъ писателей, и въ томъ числѣ у другаго весьма дѣльнаго историка А. В. Висковатаго — не говоря уже о прочихъ, еще болѣе увлекавшихся собственнымъ воображеніемъ или изустными преданіями. Такъ, на примѣръ, г. Арцымовичъ, издавшій весьма любопытныя записки Дмитрія Николаевича Сенявина, при исчисленіи его родства, не можетъ въ точности указать на происхожденіе самого Дмитрія Николаевича отъ Наума или Ивана Сенявиныхъ — петровскихъ моряковъ; онъ приводитъ ихъ біографическія свѣдѣнія и называетъ отца Дмитрія Николаевича — Николаемъ Федоровичемъ, а его самого — двоюроднымъ племянникомъ Алексѣя Наумовича, и этимъ заставляеть предполагать существованіе у Наума и Ивана Сенявиныхъ третьяго брата Федора, котораго въ дѣйствительности не было. Знаменитаго нашего адмирала Тимофея Гавриловича Козлянинова онъ называетъ Тимофеемъ Григорьевичемъ, и этимъ снова подаетъ

поводъ къ другимъ недоразумѣніямъ. Онъ говоритъ потомъ далѣе, что корабль «Побѣдославъ», на которомъ спускалась со стапеля сама Императрица, былъ у насъ отнятъ шведами—чего въ дѣйствительности не было; говоритъ, что Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ былъ президентомъ адмиралтействъ-коллегии — чего точно также не было, и многое тому подобное. Тогда какъ, замѣняя подобными ошибочными указаніями часть текста «записокъ», онъ только роняетъ главный интересъ, заключающійся въ рассказѣ правдиваго и почтеннаго очевидца.

Всѣ эти недостатки нашихъ печатныхъ изданій потребовали со стороны автора, предлагаемаго здѣсь историческаго описанія, довольно усидчивой ихъ провѣрки, на основаніи подлинныхъ архивныхъ дѣлъ, что и было здѣсь выполнено съ возможнымъ усердіемъ. Затѣмъ нѣкоторые пробѣлы въ спискахъ судовъ и лицъ, а также и по другимъ предметамъ, которые могутъ оказаться въ этомъ сочиненіи, остаются уже къ пополненію на иждивеніе тѣхъ изъ послѣдующихъ историковъ, которые будутъ заниматься разработкой этого предмета.

Всѣ ссылки на историческіе источники, планы и рисунки обозначены здѣсь въ примѣчаніяхъ, находящихся въ концахъ соотвѣтствующихъ страницъ, гдѣ находятся, также и всѣ тѣ разъясненія, которыя, по своему содержанию, не могли входить въ самый текстъ сочиненія.

## I.

### ВСТУПЛЕНІЕ.

Россія вмѣстѣ съ Тавридой, и Россія безъ Тавриды — Политическая программа Петра I.

Севастопольская бухта въ настоящее время даетъ пріютъ немногимъ нашимъ военнымъ судамъ; но имя Севастополя связано съ славными для насъ историческими воспоминаніями: а крайнее напряженіе силъ трехъ великихъ европейскихъ державъ и грозное положеніе всей остальной Европы, — все это, направленное къ тому, чтобы отнять у насъ Севастополь въ теченіе послѣдней крымской войны, свидѣтельствуютъ намъ также и о важномъ его политическомъ значеніи. Они даютъ намъ поводъ, не только внимательнѣе и серьезнѣе относиться къ исторіи Севастополя, какъ военнаго русскаго порта, но и глубже анализировать тѣ политическія стремленія, которыя привели насъ къ учрежденію этого порта въ даниой мѣстности.

Знакомство наше съ этой мѣстностью принадлежитъ тому отдаленному времени, когда въ Крыму еще существовали греческія колоніи. Нашъ великій князь Владиміръ, въ исходѣ X столѣтія, овладѣлъ западной частью Таврическаго полуострова, въ окрестностяхъ севастопольской бухты принялъ крещеніе и построилъ тамъ церковь во имя Св. Василя (1). Но то была пора нашего историческаго сумрака—пора нашихъ норманскихъ набѣговъ, почти неразрывно перевитыхъ съ нашей тогдашней государствен-

(1) Карамзинъ. Исторія Россійскаго Государства.

Слѣдуетъ напомнить, что лѣтописи наши, въ которыхъ упоминается о Владиміровыхъ завоеваніяхъ въ Тавридѣ, точно также въ этомъ отношеніи опираются на преданія.

той осѣдлостью—и никто изъ историковъ не въ состояніи былъ бы намъ достаточно разъяснить того узла политико-религіозныхъ отношеній, которыя были у насъ завязаны, съ тогдашней Греціей, на этомъ пунктѣ. Вѣрно было только то, что мы владѣли въ то время территоріей Таврическаго полуострова не долго, и снова возвратили его Греціи. Это было, однакожь, время величія славянской Руси. Владѣнія Владиміровы прилегали къ западной Европѣ. Они прилегали также и къ Черному морю, и простирались на всѣ славянскія земли: отъ рѣки Прута, Вислы—до Волги, Кубани (1), Финскаго залива и Балтійскаго моря.

Немного времени спустя послѣ того, великое племя славянское еще оказываетъ несостоятельность въ политическомъ сознаніи. Вражда личная, мелочные частные интересы въ самомъ семействѣ его послѣдовательныхъ государей и великихъ князей, являются преобладающими въ его государственной и общественной жизни. Государство Владиміра I дробится на мелкія части, и лучшая—югозападная половина славянской Руси, вмѣстѣ со славянской столицей Кіевомъ, отходитъ во владѣніе Польши, и подпадаетъ религіозному гнету римско-католической церкви; тогда какъ сѣверо-восточная половина Руси достается во владѣніе татарамъ.

Затѣмъ — идея православія и политическое сознаніе славянъ возникаютъ уже въ Москвѣ, лежащей далеко отъ всѣхъ морей. Сознаніе это еще колеблется долго, такъ, что въ 1612 году, то есть, за 60 лѣтъ до рожденія Великаго Петра, самостоятельность возродившейся Руси нуждается въ спасеніи; и ея спасителями являются нижегородскіе купцы, по вызову одного изъ нихъ — Минина Сухопукаго.

Но и затѣмъ Московское государство еще слабо. Идея политическая въ немъ еще сосредоточивается вся на чувствѣ религіознаго и племеннаго самосохраненія. Стоитъ только взглянуть на картину тогдашней Руси въ 1672 г.—

---

(1) Напомнимъ о княжествѣ Тмутараканскомъ.

то есть, уже въ самый годъ рожденія Петра—чтобы вполне убѣдиться въ современной недоступности для нея всѣхъ прочихъ политическихъ идей:

Тогдашняя Русь граничила на сѣвѣрѣ отъ самой Вологды, Галича и Бѣлозерска, необозримыми и почти необитаемыми пустынями Перми или Біарміи, и отдаленнымъ доступомъ къ Бѣлому морю пользовались у ней одни только иностранцы. На востокъ, отъ самаго Нижняго Новгорода и Казани, тянулись снова безконечныя степи оренбургскія, татарскія и кайсацкія. За ними лежали пустыни Сибири и средней Азіи. На югъ Московское государство владѣло Астраханью; но всю мѣстность губерній Ставропольской и Харьковской снова занимали пустыни и степи ногайскія; а за ними лежали владѣнія турецкія и персидскія. Здѣсь — наша пограничная черта, отъ Каспійскаго моря тянулась на Куму, Манычъ—поперекъ Дона, по Донцу, немного южнѣе Харькова и Полтавы, — подъ Кременчугомъ, на юго-западѣ, она поворачивала вдоль Днѣпра; потомъ шла на сѣверъ — подъ Брянскъ и Смоленскъ, на Псковъ и Чудское озеро; съ Чудскаго озера — на Ладожское и Онежское. Но то была наша граница officialная, заявленная на письмѣ, и мы имѣли бы смутное понятіе о нравственномъ или дѣйствительномъ положеніи нашихъ окраинъ, и особенно окраинъ южныхъ тогдашняго Московскаго государства, если бы стали судить о нихъ по нынѣшнему состоянію пограничныхъ мѣстностей Россіи. Теперь, на всемъ пространствѣ нашего государства, власть русскаго государя и дѣйствіе всероссійскаго законодательства признаются существующими во всей ихъ пунктуальности, въ томъ видѣ, какъ они дѣйствуютъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Тогда, дѣйствительно, въ титулѣ русскаго царя было сказано: «Великій государь, царь и великій князь «всей великой и малой и бѣлой Россіи Самодержецъ, московскій, кievскій, владимірскій, новгородскій, царь казанскій, астраханскій, сибирскій, государь псковской и великій князь литовскій, смоленскій, тверской, волынскій, подольскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, «государь и великій князь Новгорода, Низовской земли, чер-

«ниговскій, рязанскій, полоцкій, ростовскій, ярославскій, «бѣлозерскій, удорскій, кондійскій, витебскій, мстиславскій и всея сѣверныя страны повелитель и Государь «иверской земли карталинскихъ и грузинскихъ царей и «кабардинской земли черкасскихъ и горскихъ князей и «инымъ многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ и «западнымъ и сѣвернымъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ «и государь и обладатель».

На дѣль же: Бѣлоруссія, вмѣстѣ съ Черниговомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ и Мстиславлемъ, отошли отъ Московскаго государства не далѣе какъ въ 1667 году, по договору, заключенному съ Польшей въ мѣстечкѣ Андрусовѣ. Литва, Волынь и Подолія давно уже ей не принадлежали. Одна только половина Малороссіи придерживались къ Россіи временно—именно потому, что считала себя всего *независимѣе*, состоя въ номинальномъ только ея подданствѣ. Все пространство земли, лежавшее за чертой, проведенной отъ Харькова до Саратова—къ сторонѣ Каспійскаго моря, населено было кочующими племенами татаръ, калмыковъ, бездомныхъ украинцевъ, извѣстныхъ тогда подъ именемъ *казаковъ* и жившихъ грабежемъ и добычей, скоплявшихся въ дружины, грабившихъ осѣдлыя селенія и разбивавшихъ царскихъ воеводъ при малѣйшихъ видахъ на полученіе выгодъ.

Вся эта вольница играла ту же роль на югѣ Россіи, какую играли нѣкогда норманы въ западной Европѣ. Они входили по Волгѣ, Камѣ и Огѣ и ихъ притокамъ на легкихъ рѣчныхъ судахъ въ московскія владѣнія, жгли села и города, грабили ихъ, производили убійства и безнаказанно уходили съ награбленнымъ добромъ. Стенька Разинъ, на примѣръ, не одинъ разъ велъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ переговоры, какъ съ равнымъ себѣ. На нашемъ югѣ, со стороны Дона, точно также поступали съ нами крымскіе татары, и самая Москва не рѣдко отъ нихъ трепетала, такъ что Грузія и вся мѣстность Кавказская, числившіяся за нами по титулу — были далеко, очень далеко, отъ насъ отрѣзаны. Сосѣдямъ нашимъ, крымскимъ татарамъ, въ день рожденія Петра, наши цари платили

дань; а Польша, вмѣстѣ съ Ливоніей, и Швеція очень зорко сторожили насъ отъ всякихъ сношеній съ западною Европой.

Затѣмъ о состоянціи власти и средствъ царя московскаго во внутреннемъ государственномъ управленіи всего нагляднѣе можно судить по началу нашего тогдашняго судостроенія, затѣяннаго въ 1667 году. По поводу этого судостроенія, назначена была царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ комиссія, или совѣтъ изъ бояръ; царскими указами назначены были распорядители, призваны мастера, отведены мѣста и лѣсъ для постройки, повелѣно отпустить матеріалы и дать мастеровыхъ.

Казалось бы, что, по силѣ всѣхъ такихъ распоряженій, освященныхъ личнымъ желаніемъ и непремѣнной волей самого царя, нельзя было ожидать въ производствѣ дѣла остановокъ. Но изъ опредѣленной на расходы суммы, первую же долю отказался внести «коломенскій кабацкій голова Щуровъ», отзываясь, что у него «денегъ нѣтъ и къ корабленому дѣлу дать нечего». Царскій подрядчикъ — заводчикъ Марселисъ — объявилъ, что у него ни векшь, ни подъемовъ, ни другихъ требуемыхъ вещей, ни мастеровъ для дѣланія ихъ нѣтъ. Пушкарскій приказъ отвѣчалъ, что у него такихъ вещей готовыхъ также не имѣется, а «которыя конаты и векши есть, и тѣ надобны къ подъему новаго большаго усненскаго колокола; а подъемовъ нѣтъ и послать къ корабленому дѣлу нечего (1)». Старосты села Дѣдинова, гдѣ было отведено мѣсто для постройки судовъ на рѣкѣ Москвѣ, и другихъ дворцовыхъ селъ объявили «по Христовѣ евангельской заповѣди, еже ей, ей, вправду, что къ государеву корабленому дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ». Въ вотчинѣ архіерея Иллариона было сдѣлано затрудненіе въ отпускѣ лѣса. За тѣмъ далѣе: главный надзиратель за судостроеніемъ, дворянинъ Полуехтовъ, государю доносилъ, во первыхъ: что данный ему въ писемководители подъячій Петровъ «старъ и мало видитъ, и пи-

(1) Акты Археографической Комиссіи и дополненія къ Акт. Арх. Ком.

сать не можетъ». А потомъ: «лѣсъ и тесъ и бойдачныя доски отписаны на тебя Великаго Государя, верстахъ въ пяти и въ десяти и больши; а возить мнѣ, холопу твоему, того лѣсу къ корабленому дѣлу въ село Дѣдиново не на чѣмъ: приказный человѣкъ села Дѣдинова, Григорій Головковъ, въ подводяхъ мнѣ, холопу твоему, отказалъ; а у корабля, Государя, и у яхты конаты и желѣзныя снасти день и ночь безъ отъему; а стеречъ у меня, холопа твоего, у того корабленаго дѣла некому», а еще: «села Дѣдинова староста, со многими людьми приходя, полковника и полуполковника со двора ссылали; а велятъ стоять на дворахъ поочередно, а дворы отводятъ отъ корабленаго дѣла далеко».

Наконецъ, послѣ всѣхъ упомянутыхъ препятствій, суда были построены и сплавлены до Астрахани. Но тамъ они истреблены въ нашихъ же владѣнiяхъ и своими же разбойниками.

Вотъ картина и краткая характеристика той самостоятельной Руси, которая являлась намъ отрѣзанной отъ Тавриды и Чернаго моря. Она не ладила съ своимъ же добромъ—внутри своихъ собственныхъ владѣнiй, и служила поживой для всѣхъ своихъ бродягъ и всѣхъ сосѣдей, начиная съ крымскихъ татаръ.

Обширная идея политическая, общеславянская, зарождается вновь только въ головѣ Петра. Она достигаетъ снова всѣхъ славянскихъ морей: морей Чернаго и Балтiйскаго. На западѣ она захватываетъ Польшу и все восточное балтiйское побережье до самаго Ледовитаго моря. На югѣ она захватываетъ Дунай, Крымъ и Кавказъ. Великая политическая программа нашего великаго самодержца является уже не въ прежнемъ ея велико-княжескомъ титулѣ, а въ образѣ нашего морскаго штандарта: Русскiй гербовой орелъ изображается на немъ увѣнчаннымъ тремя коронами: изъ нихъ двѣ королевскiя и одна императорская. Въ его правомъ клювѣ—карта Бѣлаго моря, въ лѣвомъ—Каспiйское; въ когтяхъ его правой ноги—Пались-Меотись, т. е. море Азовское съ частью Крыма; въ когтяхъ его



лѣвой ноги—«синусъ финикусъ, полсинуса ботника и часть Ость-Зеи (1)».

Эта идея политическая зарождается въ Москвѣ и является на Яузѣ, въ видѣ малаго ботика; она плодится въ селѣ Преображенскомъ и является—въ видѣ греческихъ галеръ; въ Брянскѣ на Деснѣ—въ видѣ галеръ и прамовъ. Она спускается по Днѣпру, Днѣстру и Дону въ образѣ прамовъ, фрегатовъ и другихъ судовъ, и въ 1699 году появляется въ видѣ цѣлой корабельной эскадры въ славянскомъ Сурожѣ или Керчи, въ виду нашей Тмуторакани, а въ томъ же году появляется въ образѣ корабля «Крѣпость» въ самомъ Константинополѣ (2).

Великій составитель всероссійской или общеславянской политической программы является намъ не кесаремъ завоевателемъ, не воиномъ македонскимъ; но строителемъ, корабельщикомъ, дорожнымъ мастеромъ, монетчикомъ, типографщикомъ. Онъ строитъ сводъ, указываетъ на матеріалъ, и завѣщаетъ самую постройку зданія своимъ потомкамъ. Сводъ его крѣпокъ. Потомки въ началѣ думали: не было ли фальши въ фундаментѣ великаго строителя? Перещупали и мѣсто, и почву, и оказалось, что лучше и крѣпче ничего не могъ никто придумать—и стали возводить зданіе. Всякій положилъ свой камень и свое звено; а великая Екатерина увѣнчала одну изъ частей этого зданія Крымомъ и Севастополемъ.

## II.

### ЧЕРНОЕ МОРЕ, КРЫМЪ И АХТИАРЬ.

Юго-западные границы Россіи въ 1768 году.—Объявленіе войны съ Турціей. — Постройка нашихъ судовъ на Дону для дѣйствій на моряхъ: Азовскомъ и Черномъ.—Занятіе Крыма и его современныя кораблестроительныя средства.—Движеніе нашихъ военныхъ судовъ и наши первыя военныя дѣйствія на Черномъ морѣ. — Сраженіе при Суджукъ-Кале. — Опись Херсонійской или Инкерманской бухты. — Условія мира при Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году.—Нашъ первый черноморскій флотъ, поставленный на мирную ногу.

При вступленіи на царство императрицы Екатерины II,

(1) Подлинная записка Петра I въ кабинетныхъ дѣлахъ, хранящихся въ Госуд. Архивѣ Отд. I, № 41.

(2) У Елагина—«Азовскій Періодъ».

наши юго-западные границы находились въ нижеслѣдующемъ положеніи:

Отъ Рижскаго залива, пограничная наша черта съ Курляндіей и Польшей шла, сначала, на западъ—по рѣкѣ западной Двинѣ. Потомъ нѣсколько уклонялась къ сѣверу, къ сторонѣ Чудскаго озера, проходила сѣвернѣе Витебска, огибая его съ запада, и поворачивала между Витебскомъ и Смоленскомъ прямо на югъ; потомъ, повыше Чернигова, упиралась въ Днѣпръ; по Днѣпру шла до Кременчуга и захватывала къ намъ по-за-Днѣпромъ часть Малороссіи клиномъ къ Балтѣ до рѣки Буга. Отъ Буга и Балты, она поворачивала прямо на востокъ и, прорѣзывая къ Турціи, поперегъ Днѣпра, всѣ нынѣшнія херсонскія, екатеринославскія и таврическія степи, шла южнѣе Екатеринослава и Бахмута на Донъ. Здѣсь она его переходила поперегъ у пограничной нашей крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго (1), и шла на Манычъ къ Каспійскому морю.

Точно въ такомъ положеніи нашихъ границъ застала насъ и война съ Турціей, объявленная у насъ въ концѣ 1768 года (2).

Война эта у насъ ожидалась еще за долго до ея объявленія, и потому, одновременно съ ея объявленіемъ, назначенъ былъ на рѣку Донъ къ старымъ петровскимъ верфямъ контръ-адмиралъ Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ (3), которому было поручено, по Дону и его притокамъ, на удобныхъ пристаняхъ, заложить различнаго рода суда, которыя могли бы быть сплавлены до Азовскаго и Чернаго

---

(1) Нынѣшній Ростовъ на Дону.

(2) Собраніе Законовъ Россійск. Имперіи.

(3) Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ родился въ 1716 году. Началъ службу во флотъ мичманомъ въ 1734 г.; лейтенантомъ произведенъ 20-го апрѣля 1741 года. Въ 1757 г. состоялъ капитаномъ 2 ранга. 1766 г. января 30 сдѣланъ генераль-казначеемъ въ чинѣ генераль-маіора, со старшинствомъ съ 1764 г. Въ 1768 г. переименованъ въ контръ-адмиралы. 4 іюля 1769 г. произведенъ въ вице-адмиралы; 10 іюля 1775 г. въ адмиралы. Въ 1788 г. уволенъ былъ по болѣзни отъ службы съ пенсіономъ, а въ 1794 августа 28 снова былъ принятъ на службу съ назначеніемъ присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи. Скончался въ 1798 году.

морей. Ему поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ открыть въ Таганрогѣ портъ.

Вотъ текстъ Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося по этому поводу 18 ноября 1768 года (1):

«Отправить генераль-кригсъ-коммисара Селиванова въ Тавровъ и прочія тамошнія адмиралтейства, для приготовления тамъ лѣсовъ къ строенію судовъ разной величины, при томъ употребить Коллегіи всевозможное стараніе примыслить родъ вооруженныхъ судовъ, кои бы противъ тамошнихъ морскихъ судовъ съ пользою дѣйствовать могли. Къ разсужденію и сочиненію, въ силу сего указа, призывать вице-адмирала Спиридова и контръ-адмирала Сенявина, ибо первый въ нужныхъ мѣстахъ былъ самъ; а второму предстоитъ дѣйствовать. Чтожъ принадлежитъ до числа людей, до денегъ, провіанта и прочаго, на то потребнаго, то ожидаемъ мы, что Коллегія не оставитъ сдѣлать всему нужныя положенія и распоряженія и намъ представить».

На это повелѣніе отъ нашей адмиралтействъ-коллегіи послѣдовалъ нижеслѣдующій докладъ:

«Коллегія, входя обще съ господами вице адмираломъ Спиридовымъ и контръ-адмираломъ Сенявинымъ въ разсужденіе, за всѣмъ своимъ стараніемъ и домышленіемъ и по непреборимымъ препятствіямъ въ разсужденіи мелководности мѣстъ, по имѣющимся въ коллегіи извѣстіямъ, не могла иныхъ судовъ изобрѣсти, какъ только четырехъ родовъ, а именно»:

«1-го рода: о 16-ти пушкахъ 12-фунтоваго калибра, глубиною безъ груза въ 6, а съ грузомъ до 9 футовъ, которое, съ помощію плоскодонныхъ судовъ, чрезъ самую мелководность переводимо быть можетъ».

2-го рода: о 14-ти пушкахъ 12 фунт. калибра, съ постановленіемъ двухъ гаубицъ, глубиною безъ груза не менѣе 5, а съ грузомъ 8 футъ».

«3-го рода: бомбардирское о 8-ми пушкахъ 3-хъ фунт.»

---

(1) Собраніе Законовъ Россійской Имперіи; дѣла адмиралтействъ-коллегіи въ морскомъ архивѣ.

калибра съ двухъ-пудовою мортирою и двумя гаубицами, глубиною въ полномъ грузу 5 футъ.

«4-го рода: о 12-ти пушкахъ 6-ти фунт. калибра—для помощи въ переводѣ чрезъ мели судовъ, тоже и подвозу провіанта, глубиною въ полномъ грузу 5 футъ, а безъ груза въ 2 фута 9 дюймовъ».

«А при нихъ одного брандернаго судна и галеръ 25-ти «20-ти» и на турецкій манеръ 19-ти баночныхъ; да каиковъ съ положеннымъ числомъ пушекъ».

И за тѣмъ, 22-го января 1769 г., повелѣно было:

«Новоизобрѣтенныхъ, по приложенной вѣдомости, судовъ первыхъ четырехъ родовъ приказать построить на 100,000 рублей, а сколько каждой величины числомъ—оное имѣть коллегія опредѣлить по своему разсужденію, смотря на пользу и выгодность дѣйствія ихъ».

А на основаніи уже этого денежнаго разчета, коллегія окончательно опредѣлила: построить перваго рода одно, втораго рода семь, третьяго рода бомбардирскихъ два, четвертаго рода два, итого 12 судовъ.

И такъ въ 1769 году, при открытіи войны съ Турціей, рѣшено было въ этомъ видѣ положить основаніе тому флоту, который предполагалось выставить на первый случай въ пособіе нашимъ сухонутнымъ войскамъ, вмѣстѣ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на побережьяхъ Азовскаго и Чернаго морей.

Методъ основанія новаго флота былъ покуда еще избранъ по первоначальной мысли Великаго Петра. Въ нашемъ владѣніи находились еще только верховья тѣхъ рѣкъ, по теченію которыхъ мы должны были приобрѣтать для себя новыя земли и устраивать новыя корабельныя верфи. И потому петровское корабельное дѣло на Воронежѣ и Дону проснулось снова, и на прежнихъ петровскихъ верфяхъ, Новопапловской и Икорецкой, открылось вновь усиленное движеніе (1). Вѣтхія строенія въ обоихъ упомяну-

---

(1) Строеніе судовъ на тѣхъ же верфяхъ въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны не имѣло отношенія къ основанію Севастополя, и потому о немъ здѣсь особо не упоминается.

тыхъ мѣстахъ немедленно же стали исправляться. Сюда же направлены были снова подвозы лѣсовъ, пеньки, желѣза и всякаго строительнаго матеріала — собраны были рабочіе и мастеровые и, на основаніи упомянутыхъ распоряженій адмиралтействъ-коллегіи, заложены были тамъ 12 военныхъ судовъ.

Между тѣмъ, въ 1769 году, и наши сухопутныя арміи выступили также въ кампанію. Въ этомъ году войска наши входили въ Бессарабію, Молдавію, въ херсонскія и екатеринославскія степи. На лѣвомъ фронтѣ нашей общей операціонной линіи они заняли мѣстность Азова и Таганрога и слѣдовали далѣе къ югу — за Тамань, занимая турецкія владѣнія на Кавказѣ.

Въ слѣдующемъ 1770 году, главнокомандующій нашей дунайской арміей, графъ Румянцевъ, одержалъ надъ турками рѣшительныя и блестящія побѣды и занялъ территорію турецкихъ владѣній вдоль по лѣвому берегу рѣки Дуная. Въ 1769 г., мы снарядили двѣ корабельныя эскадры на Балтійскомъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала *Спиридова* и контръ-адмирала *Эльфінстона*. Обѣ онѣ обошли Европу, въ 1770 году вступили въ Средиземное море, произвели десанты въ земляхъ нынѣшней Греціи и овладѣли на Морѣ турецкими прибрежными крѣпостями. Такимъ образомъ Турція въ 1770 году была атакована съ сѣвера и юга. Всѣ дѣйствующія ея войска были сосредоточены по Дунаю, а весь флотъ выведенъ былъ въ Архипелагъ на защиту подходовъ къ Константинополю и ея владѣній на югѣ Европы и въ Малой Азіи. Весь этотъ флотъ, въ числѣ 60-ти военныхъ судовъ, былъ настигнутъ нашей балтійской эскадрой въ Архипелагъ и разбитъ 24-го іюня 1770 года при Хіосѣ, а 26 іюня весь сожженъ въ Чесменской бухтѣ.

Послѣ того, въ началѣ 1771 года, тревожное положеніе дѣлъ на западной границѣ вынудило нашу императрицу дать иное направленіе военнымъ дѣйствіямъ: эскадры наши, приведенныя изъ Балтійскаго моря въ Архипелагъ, продолжали преслѣдовать турецкія коммерческія суда и уничтожать турецкія военныя верфи

по островамъ и побережьямъ Архипелага; но дунайская армія, состоявшая и теперь подъ начальствомъ графа Румянцева, на нѣсколько времени приостановила свое наступательное движеніе. Тогда какъ взаимнѣ этого, другая армія, подъ начальствомъ генерала князя Василія Михайловича Долгорукаго, была сосредоточена въ устьяхъ Днѣпра и направлена къ овладѣнію Крымомъ.

Эта вторая армія должна была уже дѣйствовать при поддержкѣ нашихъ военныхъ судовъ на Азовскомъ морѣ, и намъ необходимо будетъ обратиться снова къ тому, въ какое положеніе къ веснѣ 1771 г. приведены были у насъ, на при-донскихъ верфяхъ, тѣ военныя наши суда, которыя были тамъ заложены въ 1769 и 1770 годахъ, и которыя теперь должны были сдѣлаться первыми судами флота нашего на Черномъ морѣ:

Всѣ эти суда отчасти въ 1769, а отчасти весной 1770 года, были построены, спущены со стапелей и сплавлены рѣкою Дономъ до Таганрога. Проводка ихъ туда совершена была при помощи многихъ перегрузокъ, по причинѣ мелководья рѣчнаго фарватера, его песчаныхъ наносовъ и корчей (1). Послѣ того они останавливались на низовьяхъ Дона, главнѣйшимъ образомъ у крѣпости Св. Дмитрія Ростовскаго (2), и тутъ уже получали вооруженіе и оснастку; а потомъ выжидали снова прибылой воды для перехода черезъ мелководныя донскія гирла, и такимъ образомъ доходили къ таганрогской гавани.

Сверхъ того явились нѣкоторыя затрудненія къ укомплектованію ихъ всѣхъ надлежащей артиллеріей, и на всѣ суда пришлось поставить не тѣ орудія, которыя назначены были на нихъ по росписанію, а тѣ, которыя могли быть собраны въ прежнихъ нашихъ арсеналахъ на Дону. Все это вмѣстѣ задержало снаряженіе судовъ нашей донской или азовской флотиліи до поздней осени 1770 года. И тогда только на донесеніе Сенявина графу Румянцеву о

(1) То есть выкорчеванныхъ съ корнями пней и деревь водой во время полноводья.

(2) Нынче Ростовъ на Дону.

скоромъ приведеніи ихъ въ готовность къ выступленію въ море, Румянцевъ 11 октября ему отвѣчалъ (1):

«Операции вашей флотилии весьма бы споспѣшествовали военнымъ нашимъ дѣйствіямъ, если вы пройдете со своими судами въ Черное море и отрѣжете всю помощь къ крѣпостямъ непріятельскимъ, что лежатъ при берегахъ морскихъ въ Крымѣ, которые потому и были бы уже въ рукахъ нашихъ».

При всѣхъ упомянутыхъ выше затрудненіяхъ, по одному только снаряженію судовъ, когда все на нашихъ старыхъ донскихъ верфяхъ приходилось вновь передѣлывать и перестраивать, когда для всѣхъ новыхъ судовъ приходилось свозить отовсюду строительный матеріалъ и всевозможныя ихъ принадлежности и строить вновь для нихъ шлюпки и собирать артиллерію (2), вице-адмиралъ Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ къ веснѣ 1771 года сдѣлалъ очень многое: къ этому времени со всѣхъ нашихъ стапелей по Дону спущено и доведено было до его низовьевъ не только 12 судовъ ново-проектированной постройки, названныхъ покуда «кораблями», но еще 5 двухъ-ярусныхъ прамовъ, 1 дубель-шлюпка, 1 палубный ботъ и 58 лодокъ, которыя могли быть названы вооруженными или малыми канонерскими.

Но для того, чтобы лучше можно было судить о составѣ той флотилии или флота, при помощи котораго мы должны были въ 1771 году идти на завоеваніе Крыма и добиваться владычества на Черномъ морѣ, мы приведемъ здѣсь краткія свѣдѣнія о величинѣ и родѣ его судовъ (3).

Суда.	Длина въ футахъ.	Ширина въ футахъ.	Глубина трюма въ футахъ.	Число орудій ихъ калибръ.	Число служителей всѣхъ чиновъ.
5 прамовъ съ двухъ-ярусной батарей:	105	31	6	по 20 пуш. 24-хъ фунт. и по 22—8 фунт.	по 283

(1) Въ дѣлахъ адмиралт. коллегіи.

(2) Всѣ эти свѣдѣнія находятся въ дѣлахъ графа Чернышева и адмиралтействъ-коллегіи въ морскомъ архивѣ.

(3) Изъ дѣлъ графа Чернышева въ морскомъ архивѣ.

*Корабли:*

1-го рода 3-мач- товый:						
Хотинь . . . . .	104	27	9	16 пуш. 12	157	
			углубл. 9 ф.	фунтовыхъ		
2-го рода 2-мач- товые:						
Азовъ . . . . .	103	28	8 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	углубл. 8 ф.	по 14 пу- шекъ 12- фунт. и по 2 пудовыя гаубицы	по 128
Таганрогъ . . . . .						
Новопавловскъ . . . . .						
Коронь . . . . .						
Журжа . . . . .						
Мадонъ . . . . .						
Морея . . . . .						
3-го рода 1-мач- товые:						
Бомбардирскіе два	60	71	6	По 1 морт. по 60		
			углубл. 5	2-хъ пудовой, по 2 гауб. пу- дovsky и по 8 пуш. фунто- выхъ.		
4-го рода 2-мач- товые:						
Яссы . . . . .	86	24 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	8	по 12 пушекъ по 57	по 6 фунтовыхъ.	по 57
Бухарестъ . . . . .						
			углубл. 5	Сверхъ того на яссахъ 2 морт. 3 пудо- выя.		
Дубель-шлюпка . . . . .	79	20	углубл. 5	8 пуш. 4-фун- товыхъ		52
Палубный ботъ . . . . .	64	17	4 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	2 гаубицы 18-фунтовыя и 6 пуш. 4 ф.		22
Лодки . . . . .	49	13	3	по 2 пуш. 2-хъ по 12 фунт. и по 6 фалкон. 1 ф.		12
2 фрегата . . . . .	114	31	11	пушекъ по 233 12 ф.—66 6 ф.—6		233

Сверхъ того на рѣкѣ Хопръ заложены были еще два фрегата.

Изъ всѣхъ показанныхъ въ этой вѣдомости судовъ самыя сильныя, по своей артиллеріи, были прамы. Но, по конструкціи, они были, плоскодонны и крайне неповоротливы; при свѣжихъ боковыхъ или противныхъ вѣтрахъ, съ ними было трудно и почти невозможно держаться на морѣ, и потому окончательно положено было ихъ оставить при нашихъ новыхъ крѣпостяхъ въ Азовѣ и Таганрогѣ, на случай если бы понадобилось усилить защиту ихъ верховъ. Что же касается до канонерскихъ лодокъ, то, по



ихъ небольшимъ размѣрамъ, онѣ неспособны были выходить въ открытое море, и въ моментъ выступленія донской флотиліи получили назначеніе слѣдовать за ней вдоль берега съ запасами провіанта и мостовыми принадлежностями для арміи.

Слѣдовательно—не смотря на то, что въ началѣ 1771 года на всѣхъ придонскихъ верфяхъ у насъ готовилось на содѣйствіе нашей арміи къ овладѣнію Крымомъ, по счету, 79 военныхъ судовъ—изъ нихъ всѣхъ, собственно боевыми и наличными могли почитаться только тѣ суда, которыя въ 1770 году дошли до Таганрога и находились въ готовности къ выступленію въ плаваніе по Азовскому морю; а такихъ имѣлось къ веснѣ 1771 года только: 10 кораблей новаго рода, 1 дубель-шлюпка и 1 палубный ботъ, всего 12 судовъ — которыя всѣ и составили на первое время нашу наличную или дѣйствующую эскадру.

Къ веснѣ того же 1771 года, князь Василій Михайловичъ Долгорукій имѣлъ въ арміи своей до 38 тысячъ войска. Онъ отдѣлилъ на своемъ лѣвомъ флангѣ восьми-тысячный корпусъ, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Щербатова, и отправилъ его къ сторонѣ Геничи и Арабата—въ тылъ турецко-татарскимъ войскамъ, находившимся въ Крыму, которыя онъ самъ шелъ атаковать съ фронта, на Перекопъ.

Сенявинъ долженъ былъ содѣйствовать береговому корпусу Щербатова, и потому, вмѣстѣ со вскрытіемъ водъ, торопился догружать свои суда и выходить съ ними въ море; но еще и въ послѣднихъ числахъ апрѣля крѣпкій западный вѣтеръ и волненіе удерживали его на таганрогскомъ рейдѣ.

25-го апрѣля пишетъ онъ изъ Таганрога вице-президенту нашей адмиралтействъ-коллегіи графу Ивану Григорьевичу Чернышеву нижеслѣдующее:

«При всей моей скукѣ и досадѣ на то, что я еще къ выступленію не готовъ, ваше сіятельство вообразите себѣ и мое удовольствіе: видѣть съ высоты стоящія передъ гаванью въ Таганрогѣ суда подъ военнымъ россійскимъ фла-

гомъ—чего со временъ Петра Великаго, то есть съ 1699 года, здѣсь не видали!» (1)

Только 17-го мая утихъ западный вѣтеръ и Сенявинъ поднялъ свой флагъ на корабль «Хотинь», на 18-го мая онъ, со всей эскадрой тронулся въ путь — также къ сторонѣ Геничи. Плаваніе его было въ началѣ неудачно. При неимѣннй порядочной карты Азовскаго моря, Сенявинъ боролся еще съ крѣпкимъ южнымъ вѣтромъ и волненіемъ, которыя прижимали его эскадру къ Бердянской косѣ. Здѣсь, 25-го мая, онъ вынужденъ былъ бросить якорь. 27-го присоединились къ его эскадрѣ 37 канонерскихъ лодокъ, а 29-го флотилія наша выдерживала штормъ. Всѣ ея суда тащило на мель, и изъ нихъ погибли: одинъ корабль, три лодки съ грузомъ и двѣ шлюпки; а вмѣстѣ погибли также: командиръ упомянутаго корабля и 34 человекъ команды (2).

Наконецъ, 9-го іюня, флотилія приблизилась къ Вирючей или Федотовой косѣ; а 12-го было получено на ней извѣстіе, что корпусъ Щербатова прибылъ въ Геничи, и что Щербатовъ, немедленно же по прибытіи своемъ туда, утромъ 12-го, не дожидаясь устройства и наводки моста, переправилъ вплавь черезъ Геническій проливъ свой авангардъ, состоявшій изъ двухъ казачьихъ полковъ. 13-го подоспѣли отъ Сенявина и лодки съ мостовымъ матеріаломъ. Всего шириною Геническій проливъ былъ около версты; но въ обѣ стороны его суживали отмели, такъ что мостъ приходилось ставить только на промежуткѣ сажень въ 50, гдѣ наибольшая глубина была около 10 футовъ. Этотъ мостъ, къ вечеру 13-го іюня, былъ наведенъ на 14 лодкахъ, и немедленно же весь отрядъ Щербатова переправился на Арабатскую стрѣлку.

Сенявинъ, съ эскадрой своей, держался вдоль берега впереди нашихъ войскъ, двигавшихся по Арабатской косѣ,

(1) Сенявинъ былъ не совсѣмъ правъ, такъ какъ наши военныя суда находились въ Таганрогъ и позже — въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

(2) Изъ дѣлъ морскаго архива.

и спѣшили подъ всеми парусами къ Еникальскому проливу—такъ какъ были получены извѣстiя, что турецкiя военныя суда съ десантнымъ корпусомъ показались вблизи крымскихъ береговъ. 17-го iюня эскадра прибыла на видъ Еникале. Здѣсь находилось въ проливѣ отъ 30 до 40 турецкихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ: галеръ, шеебекъ и другихъ, имѣвшихъ намѣренiе войти въ Азовское море. 20-го и 21-го iюня эскадра наша уже сближалась съ ними на пушечный выстрѣлъ. Но турки отступили. 22-го iюня Сенявинъ со всеми своими судами находился въ линiи на Еникальскомъ рейдѣ, и мы вступили сполна во владѣнiе Азовскимъ моремъ.

Вотъ что писалъ онъ по этому поводу къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, 23-го iюня:

«Я скажу, что прошелъ Азовское море вдоль отъ одного края до другаго, и теперь опять на половинѣ. Я думаю, что турки такихъ судовъ въ Азовскомъ морѣ видѣть не уповали. Удивленiе ихъ тѣмъ больше быть можетъ, что, по извѣстности имъ азовской и таганрогской глубины, тамъ великимъ судамъ быть нельзя. Да и въ самомъ дѣлѣ, они перешли 3 $\frac{1}{2}$ -футовый баръ; цѣлую зиму на открытомъ морѣ лежали на якоряхъ, иногда имѣя подъ собою только по 2 $\frac{1}{2}$  фута глубины; то и по справедливости сказать турки могутъ, что флотъ сей пришелъ къ нимъ не съ моря, а съ азовскихъ высокихъ горъ. Удивятся они и еще больше, какъ увидятъ въ Черномъ морѣ фрегаты и почувствуютъ ихъ силы».

Между тѣмъ движенiе корпуса князя Щербатова и эскадры Сенявина значительно оттянуло къ югу турецкiя войска, находившiяся въ Крыму. 12-го iюня, т. е. одновременно съ прибытiемъ корпуса князя Щербатова къ Геничи, подошелъ и князь Долгорукой съ главными силами своей армiи къ линiи переконскихъ укрѣпленiй. 14-го онъ построилъ войска свои въ три колонны, двинулся въ атаку на самыя укрѣпленiя, и въ тотъ же день ими овладѣлъ. Турецко-татарскiя войска, оборонявшiя Переконъ и остававшiяся въ Крыму, для его общей защиты, съ перваго же шага приведены были въ полное разстрой-

ство, и не оказали уже потомъ нашей арміи никакого серьезнаго сопротивленія—не смотря на то, что въ числѣ ихъ, однихъ турокъ находилось подъ ружьемъ до 30 тысячъ человекъ (1). Съ другой стороны, послѣ незначительныхъ стычекъ съ турецкими отрядами, происходившихъ у Щербатова и у десантныхъ войскъ Сенявина, по берегамъ Таврическаго пролива, Щербатовъ занялъ Арабатъ, Керчь и Еникале. Самъ Долгорукій почти безъ сопротивленія занялъ Евпаторію, Акъ-Мечеть, Карасубазаръ, и принудилъ вооруженныхъ татаръ бѣжать изъ укрѣпленной позиціи подь Кафой: такъ, что въ началѣ іюля этого года весь Крымскій полуостровъ находился въ нашей власти, и татары прислали въ нашъ лагерь своихъ старшинъ съ покорностью. А послѣдствіемъ этого было общее обезоруженіе ихъ крымской арміи.

И такъ, въ 1771 году Крымъ былъ нами завоеванъ при небольшой и болѣе демонстративной помощи со стороны новопостроенныхъ у насъ военныхъ судовъ. Но успѣхъ этотъ, при тогдашнемъ положеніи нашихъ войскъ на этомъ полуостровѣ, могъ почитаться только временнымъ и непрочнымъ. Мы вообще находились тогда въ Крыму еще вполнѣ на чужой территоріи. Турки намъ ни мало не хотѣли его уступить. Но для того, чтобы имъ овладѣть, мы, съ сильнымъ войскомъ, перешли огромное пространство безлюдными степями нынѣшнихъ Екатеринославской и Херсонской губерній и должны были заботиться не только о содержаніи и прокормленіи людей нашей арміи, но и о поддержаніи ея въ достаточномъ составѣ—въ то время, когда наши люди во множествѣ погибали не только отъ самой войны и похода, но и отъ повальныхъ, заразительныхъ мѣстныхъ болѣзней, и отъ непривычнаго и несвойственнаго для нихъ климата. Первые наши успѣхи не могли быть также для насъ вѣрнымъ обезпеченіемъ дальнѣйшаго спокойнаго владѣнія полуостровомъ въ будущемъ. Намъ необходимо было сохранить за собой его мирное положеніе; а для этого необходимо было отрѣзать крым-

(2) Архивъ государственнаго совѣта.

скимъ татарамъ сообщеніе съ Турціей—отнять у нихъ надежду на поддержку своей метрополи, и обезопасить отъ мщенія турокъ тѣхъ изъ жителей Крыма, которые вступали въ мирныя сношенія съ нами.

Не смотря на всѣ пораженія, которыя были нанесены нашими войсками Турціи на Дунай, въ Крыму и со стороны Архипелага, тогдашнія матеріальныя ея средства, для веденія войны, все еще были громадны: Малая Азія, Греція и прочія европейскія владѣнія Турціи были плодородны и далеко еще не были истощены войной. При неограниченной абсолютной власти турецкаго правительства надъ всѣми своими подданными: греками, славянами, татарами—всѣ средства для вооруженія армій и сбора военныхъ силъ, на сухомъ пути и на морѣ, могли быть турецкимъ султаномъ потребованы и собраны въ большомъ количествѣ и всюду. То-есть: именно въ то время, когда мы должны были приводить рекрутъ нашихъ и резервы изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій, а всякую бездѣлицу—даже строительный матеріаль—выписывать изъ Москвы, Петербурга и нашихъ внутреннихъ губерній, все у турокъ находилось подъ руками. Всѣ турецкія владѣнія омывались морями и глубокими заливами; превосходныхъ пристаней и лѣсныхъ мѣстъ по берегамъ и островамъ на этихъ моряхъ было множество. Архипелажскіе, мало-азійскіе и даже крымскіе греки особенно дѣятельно промышляли всякой морской транспортировкой и торговлей, и потому хорошихъ мастеровъ-судостроителей, и всякихъ техникувъ въ Турціи было въ изобиліи; мастеровыхъ точно также. Мы видѣли, что весь почти наличный турецкій флотъ былъ истребленъ въ 1770 году при Чесмѣ. Но немедленно за тѣмъ, на всѣхъ многочисленныхъ, казенныхъ и частныхъ верфяхъ и стапеляхъ по архипелажскимъ островамъ, на Мраморномъ морѣ и на южномъ берегу Чернаго моря, у турокъ вновь повсюду заложено было еще множество военныхъ и транспортныхъ судовъ; которыя, при политической и денежной поддержкѣ со стороны Австріи и Франціи, тогда для насъ враждебныхъ, быстро подвигались въ постройкѣ. Дѣлать поиски въ турецкихъ

владѣніяхъ по берегамъ Чернаго моря, въ 1771 году, съ тогдашними судами нашей донской флотилии, мы еще не были въ состояніи, и потому должны мы были каждаминутно опасаться, что у береговъ Крыма можетъ появиться сильная турецкая эскадра съ десантными войсками. Тотъ пунктъ, на который могла быть направлена съ моря атака, опредѣлить было невозможно, и, въ отвращеніе всего такого тревожнаго для насъ положенія, оставалось одно средство: усиливать нашъ флотъ на Черномъ морѣ и приводить его въ состояніе преграждать туркамъ всякія покушенія на высадку войскъ въ Крыму. Впрочемъ, усиленная заботливость о заведеніи флота на Черномъ морѣ, во всякомъ случаѣ, не покидала нашу императрицу съ самаго начала этой войны. Основаніе этому флоту мы положили въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ, на Дону, съ восточнаго подхода къ Черному морю. Но и по западную его сторону, въ этомъ отношеніи, не оставались мы въ недѣятельности. Вмѣстѣ съ наступательнымъ движеніемъ нашей первой или западной арміи въ предѣлахъ Турціи, отправлены были туда же и наши флотскіе офицеры, наши гидрографы, т. е. — штурмана, и флотскія команды, которые всѣ, съ 1770 года же, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Нагаткина, открыли свои промѣрныя работы по рѣкамъ Днѣпру, Днѣстру, Серету, Пруту и Дунаю (1), и приступили къ составленію самыхъ точныхъ картъ и описей этихъ рѣкъ. А вмѣстѣ съ полученіемъ доступа къ устьямъ Дуная, отправленъ былъ туда еще знатокъ кораблестроительнаго дѣла, адмиралъ Ноульсъ, которому поручено было заботиться объ основаніи военнаго судостроенія также и на Дунаѣ.

А между тѣмъ положено было всѣми мѣрами усиливать нашу донскую флотилию. Въ 1771 году Сенявинъ получаетъ непрерывныя побужденія изъ Петербурга на приведеніе въ полную исправность всѣхъ судовъ этой флотилии; графъ Чернышевъ, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій самой императрицы, торопитъ додѣлку заложенныхъ фрегатовъ. Но

(1) Дѣла графа И. Гр. Чернышева и адмиралтействъ-коллегіи.

само дѣло свидѣтельствовало, что затрудненій на увеличеніе нашего южнаго или азовскаго флота, при посредствѣ нашихъ донскихъ верфей, являлось множество, и при томъ нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій оказывались почти необоронимыми. Такъ, напримѣръ: фрегаты наши строились на Новохоперской верфи, т. е. на разстояніи отъ Таганрога по теченію Хопра и Дона близко 400 верстъ. Эти фрегаты могли быть спущены только въ весеннее половодье, и только безъ верхнихъ своихъ частей могли быть доведены до Азовскаго моря. За ними же, на разныхъ рѣчныхъ судахъ, спускались весной въ половодье же и всѣ принадлежности, необходимыя къ ихъ достройкѣ и додѣлкѣ. Весь этотъ сплавъ, на всемъ своемъ пути, постоянно притыкался къ мелямъ и корчевымъ наносамъ и требовалъ часто перегрузки и переплотки.

А послѣ такого перехода — какъ самыя суда, такъ и всѣ ихъ принадлежности сосредоточивались повыше донскаго бара, на рѣчномъ плесѣ, у крѣпости Св. Дмитрія Ростовскаго, верстахъ въ сорока отъ Таганрога. Здѣсь, въ теченіе лѣтняго времени, должна была производиться додѣлка всѣхъ сплавленныхъ судовъ и ихъ принадлежностей. Затѣмъ предстояла для нихъ проводка кутюрминскимъ рукавомъ чрезъ донскія гирла, и для крупныхъ судовъ проводка—на камеляхъ. Но вода въ устьяхъ Дона, на фарватерѣ, какъ выше мы видѣли изъ донесенія *Сенявина*, упала иногда ниже 4 футовъ, при чемъ и самыя камели не всегда было возможно проводить по такой малой глубинѣ. Затѣмъ суда эти являлись къ Таганрогу. Но и въ Таганрогѣ, даже на выходѣ въ море, они не всегда могли, по выраженію *Сенявина*, «находиться на вольной водѣ; а развѣ только валяться въ грязи». Еще Петръ Великій искалъ и не находилъ по берегамъ Азовскаго моря приюта для своихъ новыхъ военныхъ судовъ, когда эти суда строились довольно малыхъ размѣровъ и имѣли мало углубленія въ водѣ. Но теперь—когда и самыя военные фрегаты, не говоря уже о линейныхъ корабляхъ, садились въ глубину до 17 футовъ и должны были имѣть у себя подъ килемъ запасу, приблизительно, хоть футовъ до шести въ бе-

зопасность отъ волненья—всѣ порты и пристани по Азовскому морю дѣлались для нихъ непригодными, и приходилось для заведенія флота выѣзжать намъ на Черное море.

Затѣмъ первый пріютъ, добытый для нашихъ ново-рожденныхъ военныхъ судовъ, теперь покуда отыскался, вмѣстѣ съ занятіемъ Крыма, въ Еникале. Бухта, или скорѣе мѣсто на проливѣ, было не совсѣмъ спокойно отъ вѣтровъ, и глубина доходила въ ней только до 17 или 18 футовъ. А потому, даже и съ приобретениемъ Керчи и Еникале не могли мы еще серьезно думать о преобразованіи нашей донской флотиліи въ корабельный флотъ. Въ Еникале, могли мы только надѣяться покуда получить возможность на окончательную догрузку и вооруженіе однихъ весьма небольшихъ военныхъ судовъ. Но даже по приводѣ такихъ судовъ на керченскій или еникальскій рейды работы и додѣлокъ за ними оставалось множество. По отзыву Сенявина, на доставку предметовъ для полного вооруженія двухъ новопостроенныхъ на Хопрѣ фрегатовъ, какъ-то: мачтовыхъ деревъ, артиллеріи, бочекъ, балласту, парусовъ и снастей, необходимо было еще употребить тогдашнихъ малыхъ транспортныхъ судовъ очень большое число.

Еще одно новаго рода затрудненіе встрѣчали суда нашего будущаго черноморскаго флота, при самомъ появленіи ихъ даже на Азовскомъ морѣ: къ ихъ подводной части приставало такое множество ракушекъ и водяныхъ червей, и до того послѣдніе быстро ее протачивали, что на второй же годъ плаванія этихъ судовъ, вода въ дыры отъ червоточины брызгала въ трюмъ фонтанами, а слой ракушекъ буровилъ воду, значительно уменьшалъ ходъ судна, и, для полного очищенія его наружной обшивки, необходимо было прибѣгать къ исправленію каждаго, при помощи килеванія (1).

Потомъ Сенявинъ жалуется также на враждебное рас-

(1) То есть, закрывая плотно всѣ отверстія въ палубахъ, наклоняя ихъ до такой степени на бокъ, чтобы киль показывался изъ воды.



положеніе къ намъ нашихъ крымскихъ единовѣрцевъ, т. е. тѣхъ новыхъ греческихъ колонистовъ, которые водворились въ Крыму за время татарскаго владычества, и отъ которыхъ, по его донесеніямъ, онъ не могъ получать никакихъ необходимыхъ для него мѣстныхъ свѣдѣній (1).

И наконецъ, въ первое время плаванія нашихъ судовъ по Азовскому морю, встрѣчалось еще одно большое затрудненіе отъ неимѣнія въ руководство какихъ-либо описей или промѣрныхъ картъ.

«Карта здѣшняго моря — описи капитана Герценберга» (2), пишетъ Сенявинъ графу Чернышеву 5-го іюня 1771 года — «совсѣмъ негодна и плаваніе по ней за ея невѣрностію производить нельзя; во увѣреніе чего, если ваше сіятельство прикажете положить суточное счисленіе пути моего на оную, то найдти изволите, что я съ ко-раблями своими шелъ не по водѣ, а степью».

«Очень увѣренъ», пишетъ на это Сенявину графъ Чернышевъ, «что не оставите, сколько вамъ время и случай допустить, измѣрять глубину тѣхъ водъ, гаваней и рѣкъ, гдѣ вы находитесь или которыя отъ васъ близки, и сюда намъ оныя карты по частямъ присылать. Сверхъ того — что оное весьма Ея Величеству угодно будетъ — вообразите честь и славу, которая будетъ принадлежать тому, кто первый таковою картою Европу наградитъ».

Потомъ графъ Чернышевъ проситъ Сенявина сдѣлать нѣкоторыя изысканія относительно древнихъ зданій Керчи, Еникале и Кафы. Но отзывъ Сенявина на такое порученіе неудовлетворителенъ. Очевидно, ему было не до древностей.

«Я приказывалъ», пишетъ онъ въ отвѣтъ — «г-ну капитанъ-лейтенанту Баскакову, по случаю его отправленія въ здѣшнія мѣста, о томъ постараться, который по пріѣздѣ объявилъ, что нигдѣ ничего достойнаго примѣчанія не нашелъ. Чтожь до здѣшнихъ городовъ принадлежитъ, какъ-то: Еникале и Керчи, то и въ нихъ также ничего достойнаго примѣчанія нѣтъ».

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

(2) Временъ Анны Іоанновны.

Не менѣе того, топографическая съемка мѣстности Крыма начата была по инициативѣ нашего морскаго вѣдомства, и составленіе морскихъ картъ, одинаково съ заботой о благосостояніи своихъ плохихъ судовъ и морскихъ командъ, поглощало у Сенявина все его время, безъ малѣйшихъ въ немъ пробѣловъ.

Между тѣмъ, 1-го августа того же 1771 года, увѣдомилъ Сенявина князь Долгорукій, что онъ посылалъ осматривать южный берегъ полуострова, отъ Феодосіи къ сторонѣ Балаклавы, и что посланный имъ офицеръ видѣлъ съ берега до 40 различныхъ судовъ, недалеко отъ Ялты. Но такъ какъ доступъ къ Ялтѣ былъ до того труденъ съ береговой стороны, что «даже и пѣшему человѣку опасно было туда пробираться» (1), а еще неспособнѣе было посылать войска или артиллерію, то Долгорукій требовалъ, чтобы Сенявинъ отрядилъ на поискъ за видѣнными тамъ судами часть своей эскадры, и чтобы она доставила въ Судакъ и Ялту артиллерію и военные запасы. А на основаніи всего этого, 5 го августа отправлены были, изъ Еникале къ южному берегу Крыма, четыре наши «донскіе корабли» подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Сухотина. И это были уже дѣйствительно наши первыя военныя суда, появившіяся на *Черномъ морѣ* со времени плаванія на немъ нашего корабля «Крѣпость» при Петрѣ I-мъ.

Видѣнныя съ берегу турецкія или татарскія суда успѣли однакожь скрыться; а наши собственныя, построенныя на Дону, оказались не способными держаться на водахъ Чернаго моря, и пришлось имъ до нѣкоторой степени припомнить слова турецкихъ дипломатовъ, обращенныя въ 1699 году къ нашему послу *Украинцеву*: «Не напрасно-де ему и названіе дано *моря Чернаго*: бываютъ на немъ во время нужды черны сердца человѣческія» (2). По приходѣ своемъ въ Ялту, отрядъ *Сухотина* испыталъ тамъ на рейдѣ такое сильное волненье, что у него на судахъ раскачало мачты и оказались многія такія поврежденія, по причинѣ ко-

(1) Слова князя Долгорукова въ письмѣ къ Сенявину.

(2) Современный переводъ съ турецкаго, въ журналѣ вице-адмирала Крѣйса.

торыхъ онъ принужденъ былъ укрыться въ Феодосію и потомъ присоединиться къ своей флотиліи въ Еникале.

Такое ненадежное состояніе нашихъ малыхъ азовскихъ судовъ, при свѣжихъ вѣтрахъ на открытомъ морѣ, также, какъ и необходимость при заведеніи флота имѣть большія, военныя суда, для возможнаго соперничества съ турецкими линейными кораблями, послужили поводомъ къ тому, что, 29-го августа 1771 года, дано было повелѣніе Сенявину изыскать средства къ построенію въ Крыму двухъ 66-ти пушечныхъ кораблей, если можно изъ тамошняго лѣса, или же привести туда для этого лѣсъ изъ Казани. А для того, чтобы вѣрнѣе можно было судить о тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыя открывались для нашего судостроенія въ Крыму, и о возможности доставки Дономъ съ волжскаго бассейна лѣсу для строенія судовъ на Азовскомъ морѣ или на крымскихъ пристаняхъ, всего лучше будетъ привести подлинныя слова того отзыва, который былъ сдѣланъ при этомъ Сенявинымъ въ адмиралтействъ-коллегію, 25-го октября 1771 года:

...«къ осмотру тѣхъ лѣсовъ», писалъ *Сенявинъ*, «я командировалъ флота капитанъ-лейтенанта *Ивана Баскакова* и подмастерью корабельнаго *Семена Афонасьева*, которые 14-го сентября въ ту экспедицію, подъ видомъ будто бы для снятія берега и положенія мѣстъ на карту, и отправились. Откуда нынѣ возвратясь и рапортовали, что ѣдучи съ провожатыми греками отъ пролива Еникальскаго, но надъ берегомъ Чернаго моря и до Кафы, никакого лѣсу не видали; а отъ Кафы до города Судака есть только одинъ прутьякъ; за Судакомъ же, разстояніемъ въ шестидесяти верстахъ къ мѣстечку Ялтѣ, между горами въ буеракахъ, растетъ дубовый лѣсъ двухъ видовъ; перваго — вышиною до трехъ сажень, толщина отъ четырехъ и до осьми дюймовъ; а другаго виду — вышиною не болѣе сажени, толщиной отъ четырнадцати и до шестнадцати дюймовъ — на разстояніи отъ берега Чернаго моря, ближній, верстахъ въ десяти. А отъ Ялты до города Балаклавы, проѣзжая прямо въ средину горъ, находили лѣсъ сосновый, длиною отъ одной съ половиною и до трехъ сажень, толщиной отъ четырехъ и

до семи дюймовъ—на разстояніи отъ берега Чернаго моря верстахъ въ десяти и двадцати. А отъ Балаклавы до города Козлова, кромѣ прутняку, никакого лѣсу нѣтъ; отъ Козлова же слѣдовали они прямой дорогой на Кафу, и тамъ все степь; почему на Крымскомъ полуостровѣ до днесь такихъ лѣсовъ, чтобъ годны были къ построению кораблей еще не найдено. Изъ Казани, же лѣсъ до Азова доставится хотя и можетъ, но при такомъ доставленіи будетъ надобно, довезя его Волгой въ баркахъ до Дубовки или до Царицына, и тамъ шестьдесятъ верстъ все то, какъ и самыя тѣ барки, сухопутно перевозить, для чего и потребно множество подводъ и работниковъ; да и со всѣмъ тѣмъ какъ бы приставленнаго начальника стараніе нибыло велико, но (вскорѣ) доплавить къ Азову я неуповаю, потому что время въ собираніи барокъ и въ укладкѣ въ оныя лѣсовъ можетъ весьма въ лѣто продолжиться, а между тѣмъ вода въ рѣкѣ Дону упадетъ, и придется лѣсъ вытаскивать на берегъ; а барки, исправя весною, паки въ оныя грузить; но когда же и всѣ тѣ лѣса доставятся къ Азову, гдѣ и около его, равно какъ и на всемъ Азовскомъ морѣ при Крымскомъ берегѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣбъ способно было дѣлать построение кораблей, почему и надобно будетъ тотъ лѣсъ доставлять въ Еникале—ради котораго, какъ на баркахъ моремъ лѣсовъ везти невозможно, то и потребны транспортныя суда, кои еще построить надобно, и въ разсужденіи множества лѣсовъ — по расположенію въ какое время тѣ корабли построить будетъ повелѣно—надобно будетъ и тѣхъ транспортныхъ судовъ не мало; а притомъ и та еще есть опасность, что ежели не сохранить Богъ и разобьетъ хотя одно съ лѣсами судно, то тѣмъ въ построеніи кораблей причинитъ за потерянными членами остановку».

Всѣ эти затрудненія привели къ тому, что предположенную постройку кораблей пришлось до времени отложить; а приказано было Сенявину передѣлать на сколько можно донскіе корабли и заложить еще два фрегата на новохоперской верфи.

Вся прочая дѣятельность нашей азовской флотилии въ

1771 году, то-есть: въ первый годъ ея выступленія въ море, была завершена съемкой ситуациі крымскихъ береговъ и промѣромъ. Въ этомъ году готова была полная и подробная морская карта Азовскаго моря, и карты: частей Чернаго моря, къ западу—до Феодосіи; а къ востоку—до Суджукъ-Кале, вмѣстѣ съ нанесеніемъ на нее Таврическаго пролива (1).

Съ другой стороны, общія военныя неудачи, претерпѣнныя Турціей въ теченіе кампаній 1770 и 1771 годовъ, заставили ее думать о мирѣ, и мирные переговоры, возникшіе при этомъ подъ опекой западныхъ державъ, и тянувшіеся безуспѣшно въ 1771 году—при посредствѣ различныхъ дипломатическихъ агентовъ привели насъ, въ маѣ 1772 года, къ постановленію перемирія. Въ продолженіе же этого перемирія, адмиралъ *Ноульсъ* посылалъ съ Дуная дѣлать промѣръ въ турецкія владѣнія, къ берегамъ нынѣшней Одессы или тогдашняго турецкаго укрѣпленія Гаджи-Бея, и Очакова; а со стороны Еникале суда изъ эскадры *Сенявина* продолжали съемку береговъ до Балаклавы и Херсонеса. Кромѣ того, *Сенявинъ*, имѣвшій вначалѣ сношенія съ *Ноульсомъ* только сухимъ путемъ, лѣтомъ 1772 года вошелъ съ нимъ въ сообщеніе, при посредствѣ своихъ судовъ, уже по Черному морю.

Въ 1772 году наша дѣйствующая эскадра увеличилась двумя прибывшими съ Новохоперска фрегатами; большая часть ея судовъ крейсеровала въ теченіе лѣта у южнаго берега Крыма, а три изъ нихъ были отправлены, осенью уже, на его западную сторону и занимались доставкою провіанта для сухопутнаго вѣдомства—изъ Козлова, на Бельбекъ и въ Балаклаву.

Въ 1773 году военныя дѣйствія наши съ Турціей возобновились: Въ теченіе зимы наша азовская флотилія была увеличена еще двумя фрегатами, приведенными съ Хопра,—построенными по новымъ чертежамъ, какъ было упомянуто выше, въ замѣнъ предположенныхъ 66 пушечныхъ

(1) Подлинныя донесенія Сенявина съ представленіемъ описей и картъ имѣются въ дѣлахъ морскаго архива.

кораблей, — и нѣсколькими палубными ботами изъ Новонавловска; и теперь, къ веснѣ 1773 года, за выбытіемъ дубель-шлюпки на Дунай и гибелью двухъ другихъ судовъ отъ бурь, она состояла всего изъ 4-хъ фрегативъ, 10 донскихъ кораблей и 5-ти палубныхъ ботовъ. Донскіе корабли описаны были выше. Они, какъ было сказано, вооружены были 12-ю или 16-ю небольшими пушками и отчасти бомбовыми орудіями; а боты имѣли теперь по 8-ми четырехфунтовыхъ орудій. Всѣхъ сильнѣе были новохоперскіе фрегаты, на которыхъ находилось отъ 30-ти до 46-ти орудій разныхъ калибровъ. Но два изъ нихъ къ веснѣ еще додѣлывались и не состояли въ готовности выступить въ море. Къ тому же *Сенявину* необходимо было содержать постоянно военныя суда въ Керченскомъ проливѣ, для защиты отъ прорыва въ него съ моря непріятельскихъ судовъ; и потому съ весны этого года, въ исходѣ марта и началѣ апрѣля, въ крейсерство къ южному берегу Крыма, для прикрытія его отъ турецкихъ десантовъ, выслана была эскадра, состоявшая только изъ 1-го фрегата, 6-ти донскихъ кораблей и 2-хъ палубныхъ ботовъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга *Сухотина* (1).

Между тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ компликацій, нашу армію въ Крыму пришлось значительно ослабить. Турецкая партія, находившаяся тамъ еще въ большой силѣ, не замедлила это сообщить въ Константинополь. И мы скоро черезъ нашихъ лазутчиковъ получили довольно вѣрныя извѣстія, что турки готовятся сдѣлать нападеніе на насъ въ Крыму и на Кубани, при посредствѣ десантовъ. А всѣ эти слухи не замедлили подтвер-

(1) Яковъ Филипповичъ Сухотинъ началъ службу гардемариниомъ въ 1745 году. Мичманомъ сдѣланъ въ 1751 г. Ундеръ-лейтенантомъ 1 сентября 1754 г. Корабельнымъ секретаремъ 1757 г. января 12. Лейтенантомъ 1758 г. Капитанъ-лейтенантомъ 1762 г. Капитаномъ 2-го ранга 1768 г. Капитаномъ 1-го ранга 1770 г. марта 1. Бригадирскаго ранга 1776 г. Назначень состоятъ шефомъ 1-го морскаго солдатскаго батальона въ 1777 г. Генераль-майорскаго ранга капитаномъ 1779 г. Контръ-адмираломъ въ томъ же году. Вице-адмираломъ 1783 г. ноября 24. Смертельно раненъ въ стирсуденскомъ сраженіи со шведами 23 мая 1790 года и умеръ 6 іюня. (Извлечено изъ дѣлъ адмиралт.-коллегіи).

даться довольно сильнымъ волненіемъ, возникшимъ у татаръ въ обоихъ упомянутыхъ мѣстахъ. Генераль-маіоръ Прозоровскій, остававшійся въ Крыму съ весны у командованія тамошними войсками, писалъ Сенявину и Сухотину, что онъ очень нуждается въ пособіи нашего флота—такъ какъ по малому числу его наличныхъ войскъ, ему дѣлалось трудно бороться съ возмущившимися татарами и вмѣстѣ находиться въ постоянной готовности отражать вторженіе турокъ съ моря—особенно при неопредѣленности того береговаго пункта, на который могло быть сдѣлано нападеніе.

Конечно, въ подобныхъ обстоятельствахъ, при небольшомъ составѣ и малыхъ рангахъ судовъ тогдашней азовской флотиліи, и положеніе нашихъ крейсеровъ на Черномъ морѣ точно также дѣлалось серьезнѣе и опаснѣе.

Въ маѣ мѣсяцѣ стали показываться съ моря разныя вооруженныя турецкія суда. Одни изъ нихъ слѣдовали вдоль абхазскаго берега — по видимому для развлеченія нашихъ силъ; а другія, съ юго-запада—къ южному берегу Крыма, и небольшую эскадру Сухотина пришлось раздѣлить еще на два отряда (1). Одинъ изъ этихъ отрядовъ остался подъ командой Сухотина. Онъ составленъ былъ изъ 1 фрегата, 3-хъ донскихъ кораблей и 1 палубнаго бота, и долженъ былъ крейсеровать на дистанціи между Кафой и Суджукъ-Кале; а другой отрядъ порученъ былъ, вновь прибывшему на флотъ, капитану 2-го ранга Кинсбергену, и состоялъ только изъ 2-хъ донскихъ кораблей. Послѣднему назначено было крейсеровать между Кафой и Балаклавой.

29-го мая, Сухотинъ съ эскадрой своей выслѣдилъ въ Кызыльташской или Бугазской бухтѣ нѣсколько вооруженныхъ турецкихъ судовъ, прибывшихъ съ войсками на Кубань—атаковалъ ихъ меньшими своими судами и 6 изъ нихъ сжегъ, а два, съ 80-ю человекѣми, захватилъ въ плѣнъ (2).

Кинсбергенъ находясь точно также въ крейсерствѣ на

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

(2) Чертежи взятыхъ въ плѣнъ судовъ имѣются на выставкѣ.

своемъ посту южнѣ Балаклавы, 23-го іюня, на зарѣ, увидѣлъ идущія къ нему отъ юго-запада 4 большія турецкія судна. Они приближались къ Крымскому берегу и держались въ линіи. На одномъ изъ нихъ находился флагъ капитанъ-командора. Къ полудню они сблизились съ отрядомъ Кинсбергена и можно было видѣть ихъ ранги и орудія. То были три 52-хъ-пушечные корабли и 24-хъ пушечный корветъ. Не смотря на то, что у Кинсбергена, на двухъ его судахъ было только по 16-ти малыхъ пушекъ, то-есть всего 32 орудія, противъ турецкихъ 178, онъ дерзко атаковалъ турецкіе корабли. При этомъ рассчитывалъ онъ на беспорядочность турецкой команды и на то, что суда ихъ должны быть загружены десантными войсками. Онъ приблизился къ турецкимъ кораблямъ на самую короткую дистанцію и почти въ упоръ открылъ по нимъ бѣглый огонь, сражаясь кнпцелями и картечью. Команды наши дѣйствовали храбро, и неумоимо били безъ промаха снарядами въ большіе кузова турецкихъ кораблей, страшно поражая въ палубахъ у нихъ людей. Турки не хотѣли уступить такому слабому противнику и 6 часовъ сряду продолжалось упорное сраженіе. Наконецъ, непріятельскіе корабли рѣшились уходить. Они прибавили парусовъ и поворотили къ югу, въ море (¹). Наши плоскодонныя суда не могли однакожь ихъ далеко преслѣдовать, и къ ночи турки скрылись у нихъ изъ виду.

На нашихъ судахъ убитыхъ было 4 и раненыхъ 26 человекъ. Турки очевидно были приведены въ полное замѣшательство отъ такой безбоязненной атаки и, во время сраженія въ густомъ дымѣ, озабоченные множествомъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, дурно цѣлились по нашимъ судамъ. Большое число мертвыхъ тѣлъ было у нихъ выброшено въ пушечные порта даже во время самаго сраженія. Сверхъ того, были у нихъ на двухъ корабляхъ сбиты крѣпостенги (²) и на корветѣ бугшпритъ (³); а на одномъ изъ

(¹) Изъ дѣлъ архива и статьи того же автора, напечатанной въ «Морскомъ Сборникѣ».

(²) Вторыя мачтовыя деревья.

(³) Передняя наклонная мачта.



кораблей борть до того былъ разломанъ отъ нашихъ выстрѣловъ, что вывалились въ море двѣ или три пушки вмѣстѣ со станками.

Послѣ всего этого, прошло нѣкоторое время, въ теченіе котораго въ составѣ нашихъ крейсерующихъ отрядовъ произошли различныя измѣненія.

За тѣмъ, отъ 29-го августа того же года, вице-адмиралъ Сенявинъ доноситъ адмиралтействъ-коллегіи нижеслѣдующее:

«27-го числа сего мѣсяца, получилъ я съ таманской стороны чрезъ конфидентовъ извѣстіе, яко бы непріятель на 110 судахъ военныхъ, съ десантомъ, къ Суджукъ-кале прибылъ; почему я, поруча крѣпость Еникальскую, городъ Керчь и находящіяся при оныхъ войска, г-ну генераль-маіору барону Дельвигу, самъ вчера переѣхалъ на фрегатъ «Первый», и нынѣ стою при устьѣ пролива на Черномъ морѣ, въ ожиданіи способнаго вѣтра, и какъ оный получу, то съ фрегатомъ «Первымъ» (1) и кораблями «Хотинымъ», «Корономъ», малымъ бомбардирскимъ и тремя ботами палубными, пойду къ Суджуку для соединенія съ первоотправленной туда 17-го числа сего мѣсяца, подъ командою капитана 2-го ранга и кавалера *Кинсбергена*, эскадрой, въ числѣ коей фрегатъ «Второй» и корабли «Журжа», «Мадонъ» и «Азовъ», да боть палубной и брандеръ (2). А здѣсь при узкомъ проходѣ, въ помощь Павловской батареи, на стражѣ оставилъ большой бомбардирскій корабль «Яссы»; да для перевозки изъ Козлова въ Балаклаву и Ялту, на сухопутныя войска провіанта, 24-го числа сего же мѣсяца, отправилъ къ г. генераль-маіору Кохиусу два палубныя бота».

«Изъ ввѣренной же мнѣ флотиліи, корабли «Новопавловскъ» и «Морея», отъ проѣденія червями обшивки, находятся въ Балаклавскомъ заливѣ, и совсѣмъ въ морѣ быть,

(1) Фрегаты эти числились подъ нумерами и имена имъ еще не были даны.

(2) По большей части брандерами назывались тогда малыя одномачтовыя суда, способныя къ употребленію подъ брандеры, также вооруженныя орудіями малаго калибра.

безъ исправленія вновь обшивки, безнадежны; а корабль «Таганрогъ», за приключившейся ему, отъ проѣденія обшивки червями, великою течью—отправленъ въ Таганрогскій портъ для исправленія».

Но покуда 29-го августа Сенявинъ собирался присоединиться къ Кинсбергену, самъ Кинсбергенъ, имѣя у себя подъ командой, какъ сказано въ донесеніи Сенявина, отрядъ изъ 6-ти малыхъ судовъ, и находясь теперь въ крейсерствѣ напротивъ бухты Суджукъ-Кале, уже 23-го августа увидѣлъ турецкія военныя суда. Сначала появились у него на горизонтѣ 4 линейные корабли, а потомъ еще фрегаты и корветы, всѣхъ 18 судовъ.

Это были первыя значительныя непріятельскія силы, съ которыми русскимъ морякамъ приходилось сразиться на Черномъ морѣ, и потому, для полноты воспоминанія о томъ нашемъ маломъ флотѣ, еще построенномъ въ верховьяхъ Дона, который впервые содѣйствовалъ намъ къ овладѣнію Крымомъ и мѣстностью Севастополя, необходимо будетъ войти въ подробности этого замѣчательнаго событія:

23-го августа, утромъ, вѣтеръ дулъ легкой отъ юго-запада, то есть прямо въ кавказскій берегъ. Небольшая эскадра Кинсбергена лежала южнымъ курсомъ подъ малыми парусами, и какъ только появились на горизонтѣ военныя турецкія суда, къ фрегату, на которомъ находился Кинсбергенъ, подошла казачья лодка, а на ней прибылъ къ нему адъютантъ Алексѣя Наумовича Сенявина. Онъ привезъ Кинсбергену словесное приказаніе отъ адмирала, можетъ быть даже и основанное на весьма уважительныхъ причинахъ, чтобы, въ случаѣ встрѣчи превосходныхъ непріятельскихъ силъ, Кинсбергенъ, съ отрядомъ своимъ не вступалъ въ сраженіе, а шелъ бы къ сторонѣ Таврическаго пролива на соединеніе съ прочими нашими судами. Сенявинъ, при этомъ, не объяснилъ, однакожь, своему адъютанту, что онъ самъ намѣренъ идти на соединеніе съ отрядомъ Кинсбергена. Да при этомъ, даже и по расчету времени, судя по тому, что Сенявинъ только еще 29-го августа трогался съ эскадрой своей отъ Еникале, турецкая эскадра имѣла его достаточно для того, чтобы совершить

дессантъ, гдѣ бы ей ни занадобилось: и на Тамани, и въ Крыму.

Необходимо замѣтить, что ни князь Василій Михайловичъ Долгорукій, главнокомандующій крымской арміей, ни князь Прозоровскій, временно начальствовавшій въ Крыму нашими войсками, не были расположены къ Сенявину, и писали оба на него къ Чернышеву постоянныя жалобы (1). Оба они успѣли видѣться съ Кинсбергенемъ весной, на его переѣздѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ этого года, изъ Петербурга въ Крымъ, и оба, конечно, говорили ему не въ пользу Сенявина, его будущаго начальника—осуждая его за медленность и дурное для нихъ содѣйствіе во все время пребыванія нашихъ войскъ въ Крыму. А потому Кинсбергенъ, мало знавшій лично Сенявина, вѣхаль къ нему командовать судами уже съ порядочнымъ къ нему предубѣжденіемъ, которое продолжали поддерживать въ немъ, при посредствѣ переписки, два его будущіе сотоварища по оружію, а особенно князь Прозоровскій. Послѣдній, еще не далѣе какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, писалъ Кинсбергену (2) на эскадру объ опасномъ положеніи нашихъ войскъ въ Крыму и объ извѣстіяхъ о снаряженіи большаго турецкаго десанта къ крымскимъ берегамъ, при чемъ прибавлялъ: «еслибъ возможно было атаковать непріятеля, вы оказали бы великую услугу государству». При такомъ нравственномъ настроеніи Кинсбергена—человѣка храбраго, и находившагося въ виду у непріятеля, котораго онъ готовъ уже былъ атаковать, приказаніе Сенявина: не вступать въ сраженіе, показалось ему личнымъ оскорбленіемъ. Онъ поздравлялъ къ себѣ еще своихъ двухъ офицеровъ и заставилъ адъютанта при нихъ повторить это приказаніе адмирала. А потомъ ему замѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ повѣрить, чтобы достойный и храбрый адмиралъ давалъ ему приказаніе уклоняться отъ сраженія съ непріателемъ. Что

(1) Такихъ нѣсколько писемъ имѣется въ подлинникахъ въ дѣлахъ графа Чернышева въ морскомъ архивѣ.

(2) Текстъ письма на французскомъ языкѣ помѣщенъ въ книгѣ: *het Leven en Karakter van den Admiral van Kinsbergen*, извлеченіе изъ которой напечатано въ Морскомъ Сборникѣ 1866 г. № 12.

это, вѣроятно, есть слѣдствіе какого нибудь недоразумѣнія, которое дѣлается, однакожь, слишкомъ важнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и потому онъ находится вынужденнымъ, до окончательнаго разъясненія дѣла, его арестовать.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ то же время флотъ непріятельскій приближался — слѣдуя лѣвымъ галсомъ, вдоль Кавказскаго берега, къ сѣверо-западу. Впереди, и въ линіи, шли три линейные корабля, 4 фрегата и 3 шебеки или корвета. Прочія восемь военныхъ судовъ прикрывали свои транспорты и нѣсколько стетали.

Планъ атаки на турецкій флотъ былъ обдуманъ Кинсбергенемъ очень искусно. Совершенно вопреки общепринятому тогда всѣми морскими тактиками порядку боя, гдѣ атакующій строился въ линію бортъ о бортъ со своимъ противникомъ, Кинсбергенъ направилъ одно изъ своихъ судовъ въ обходъ съ подвѣтренной стороны непріятеля, а самъ устремился на него съ прочими своими судами съ навѣтра. Онъ имѣлъ намѣреніе поставитъ въ два огня непріятельскій авангардъ, смѣщать этимъ всю линію турецкихъ судовъ и съ выгодой употребитъ имѣвшійся у него брандеръ. Маневръ этотъ въ началѣ былъ выполненъ вполне удачно. Атаку повели наши суда самую жаркую — на разстояніи тогдашняго ружейнаго выстрѣла — и чрезъ часъ сраженія, въ авангардѣ у турокъ оказались большія поврежденія въ бортахъ и рангоутѣ. Ходъ у нихъ былъ задержанъ; переднія ихъ суда смѣшались въ кучу, и палубы переднихъ кораблей завалены были трупами убитыхъ. Кинсбергенъ сдѣлалъ уже своему брандеру сигналъ: «сдѣлаться съ двумя свалившимися непріятельскими кораблями». Но въ это время вѣтеръ совсѣмъ утихъ и отошелъ къ сѣверо-западу; а это совершенно измѣняло порядокъ боя. Кинсбергену пришлось снова возстановитъ его въ другомъ видѣ. Онъ уже снова атаковалъ сбившіеся турецкіе корабли. Они были переполнены десантными войсками и наши ближніе выстрѣлы картечью производили большое опустошеніе въ ихъ палубахъ. Два часа спустя послѣ на-

чала сраженія, они поставили всевозможные паруса, послали все шлюпки для буксира, и спѣшили укрыться въ Суджукскую бухту. У входа въ нее находились турецкія батареи, и Кинсбергену, со своими плохими судами, отчасти потерпѣвшими еще въ сраженіи порядочныя поврежденія, невозможно было туда ихъ преслѣдовать.

Бой окончился. Сенявинъ сердился. Онъ говорилъ, что Кинсбергенъ поступилъ съ нимъ какъ школьникъ, и доказывалъ, на какомъ основаніи имѣлъ онъ право требовать, чтобы флотилія его не вступала въ сраженіе въ разрозненномъ состояніи.

Впослѣдствіи, въ обществѣ своихъ друзей Кинсбергенъ имѣлъ въ обычаѣ повторять иногда извѣстный стихъ Фридриха II:

Attendez le signal et marchez sans tarder—

Qui ne sait obéir ne saura commander (!).

и когда ему напоминали его собственный, вышеописанный здѣсь поступокъ—неладившій со стихомъ, то онъ говорилъ, что этотъ случай не подходитъ подъ общее правило; что для государства не было никакой потери въ послушаніи хворому адмиралу; болѣе распорядителю, чѣмъ воину, который, въ добавокъ, отдавалъ ему приказаніе издали и на *словахъ*. Если бы, напротивъ того, онъ пропустилъ турокъ въ Крымъ и далъ бы имъ случай соединиться тамъ съ татарами и нанести поражение нашимъ тамошнимъ слабымъ отрядамъ, оставленнымъ для защиты полуострова; то это ему, какъ иностранцу, состоявшему въ русской службѣ, могло быть причтено, если не къ злонамѣренности, то, по меньшей мѣрѣ, къ непростительной робости. Тогда какъ, даже и при полномъ пораженіи нашей слабой эскадры, послѣ упорнаго и кровопролитнаго сраженія съ турецкимъ флотомъ, послѣдній былъ бы принужденъ отерочить выполнение десанта и дать намъ время приготовиться

---

(!) То есть: слушайся приказанія начальниковъ—потому что тотъ, кто неумѣетъ повиноваться, бываетъ неспособенъ и командовать.

его встрѣтить въ Крыму. Почти въ этихъ выраженіяхъ оправдывался Кинсбергенъ и передъ Сенявинымъ.

Но побѣда одержана была нашей эскадрой безукоризненная и блестящая; она спасала войска Прозоровскаго и Крымъ, и всякія порицанія должны были смолкнуть. Сенявинъ самъ представлялъ Кинсбергена къ награждѣ (впрочемъ слабо). Какъ въ послѣдствіи оказалось — пораженіе, нанесенное нашей эскадрой туркамъ у Суджукъ-Кале, помѣшало имъ высадить до 6,000 человекъ десанта въ Крыму и до того привело ихъ въ робость, что они не осмѣливались уже возобновить той же самой экспедиціи. Наконецъ, Долгорукій, Прозоровскій и Дельвигъ, всѣ начальники нашихъ войскъ, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ благодарили и поздравляли Кинсбергена съ побѣдой.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого же года, почти всѣ военныя суда нашего флота много потерпѣли еще отъ бурь на Черномъ морѣ и почти всѣ были приведены въ негодность къ продолженію плаванія въ этомъ году. Три изъ донскихъ кораблей (1), именно: «Новопавловскъ», «Морея» и «Модонъ» поставлены были на мель въ Балаклавской бухтѣ. Обшивка ихъ до того была проѣдена червями, что, при всѣхъ усиліяхъ командъ, онѣ не могли изъ нихъ откачивать воду.

Кинсбергенъ (2), остававшійся осенью на этомъ отрядѣ, имѣлъ, въ слѣдствіе этого, свободное время и потому, на основаніи общихъ инструкцій для судовыхъ начальниковъ, дѣятельно занимался описью крымскихъ береговъ, промѣ-

(1) Ихъ называли у насъ тогда «новородными» кораблями, то есть кораблями новаго рода въ отличіе отъ «линейныхъ» кораблей.

(2) Въ 1771 году сентября 29-го принятъ въ русскую службу флота капитанъ-лейтенантомъ; 2-го сентября произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1772 году февраля 7-го командированъ къ адмиралу Ноульсу на Дунай; 2-го ноября велѣно ему явиться въ Петербургъ. 1773 году марта 26-го назначенъ въ азовскую флотилію. Въ 1773 году іюня 30-го за сраженіе у Балаклавы награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. 1774 года декабря, 9-го уволенъ въ отечество на годъ. 1776 года іюля 7-го за сраженія 23-го іюня и 23-го августа 1773 года произведенъ въ капитаны 1 ранга и въ награду дано двѣ трети жалованья. 1777 года декабря 22-го, по неявкѣ изъ отпуска на срокъ, исключенъ изъ списковъ. (Изъ дѣлъ военной по флоту канцеляріи).

ромъ и составленіемъ картъ. Онъ отправилъ съ корабля «Модонъ» въ Инкерманскую или Херронійскую бухту, описную партію подъ командой штурмана прапорщичьяго ранга Ивана Батурина, и карта этой бухты, которую составилъ Батуринъ, была первой картой, ознакомившей насъ съ превосходнымъ Севастопольскимъ рейдомъ. Батуринъ въ то время нашелъ тамъ еще множество развалинъ древняго Херрониса. Онъ нашелъ еще хорошо уцѣлѣвшія башни и стѣны греческой крѣпости, окрещенной татарскимъ именемъ «Ингермана»; подъ ней въ горѣ и въ окружающихъ возвышеніяхъ, нашелъ онъ множество пещеръ, нѣкоторыя изъ нихъ съ часовнями; а кругомъ по берегамъ залива—безчисленное множество развалинъ отъ построекъ всѣхъ вѣковъ и владѣльцевъ Крыма, начиная съ полумифическихъ тавровъ и скифовъ, и до послѣднихъ греческихъ и турецкихъ колонистовъ. Мѣсто было довольно живописно; но, среди развалинъ, торчавшихъ повсюду и по всѣмъ направленіямъ, оно отзывалось какой то мертвенностью. Только на сѣверной сторонѣ бухты, верстахъ въ трехъ отъ Ингермана, въ небольшой балкѣ пріютилась невзрачная татарская деревушка «Ахтіаръ», состоявшая всего изъ девяти мазанокъ. И это было, въ настоящую минуту, почти единственное человѣческое жильѣ на всей бухтѣ....

Промѣръ инкерманской бухты былъ сдѣланъ Батуринымъ довольно тщательно, и карта его, съ экземпляромъ современной копіи, сохранилась еще и до настоящаго времени.

Эта карта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: вы видите, во первыхъ, большую аккуратность ея составителя, который глубину по всему заливу тщательно обозначилъ въ футахъ, и при томъ ее проставилъ всюду тамъ, гдѣ она была нужнѣе для проходящихъ судовъ; тогда какъ, на всѣхъ позднѣйшихъ промѣрныхъ картахъ этого же залива, она обозначена только въ саженихъ, и, слѣдовательно, уже съ меньшей точностью, нежели у Батурина. Въ ней имѣются, правда, нѣкоторыя невѣрности по очертанію береговъ, какъ, на примѣръ—въ малой бухтѣ, извѣст-

ной теперь подъ названіемъ «Артиллерійской», но это уже могло зависѣть отъ недостатка хорошихъ угломѣрныхъ инструментовъ на нашихъ судахъ, и не имѣло важности относительно той цѣли, для которой карта составлялась. За то въ Батурина вы находите перваго европейскаго топографа, который занимался съемкой этихъ мѣстъ, и на его картѣ открываются такія археологическія достопримѣчательности, которыхъ мы не видимъ ни у Палласа, ни у Дюбуа-де-Монпере, наиболѣе тщательныхъ изслѣдователей херсонесскихъ древностей. Очень можетъ быть, что если бы тотъ или другой изъ нихъ видѣлъ карту Батурина, то пришелъ бы ко многимъ инымъ заключеніямъ относительно пребыванія здѣсь прежнихъ обитателей этихъ мѣстъ, нежели какія у нихъ были составлены уже въ позднѣйшее время. Такъ, напримѣръ: на этой картѣ очень отчетливо обозначены не только стѣны и башни Инкерманской крѣпости, но и строенія, которыя въ ней находились, и мѣсто, которое занималъ цѣлый городъ около крѣпости, и его предмѣстья — для которыхъ, очевидно, самая крѣпость служила цитаделью. Затѣмъ—отчетливо нанесены на ней греческія церкви, какъ-то: соборъ Св. Георгія Побѣдоносца, церковь Св. Дмитрія, Св. Сергія, Вознесенія Господня, Св. Географія; потомъ двѣ мечети, деревня. Кромѣ того, нанесены всѣ пещеры, горы — въ профиляхъ и въ планѣ; и все это при акуратно составленныхъ масштабахъ—не оставляющихъ сомнѣнія, что это было исполнено не какънибудь или наобумъ. Откуда удалось Батурину почерпнуть всѣ свѣдѣнія относительно названія церквей? — Это покуда остается въ неизвѣстности, подобно тому, какъ оставалась до этого времени втайнѣ и самая карта Батурина, о которой умалчивается даже во всѣхъ нашихъ извѣстныхъ архивныхъ документахъ. Но обстоятельство это еще не даетъ намъ права опровергать утвержденій Батурина, только на томъ основаніи, что ни Палласъ, ни Дюбуа-де-Монпере, ни другіе изслѣдователи и путешественники по Крыму, обо всемъ этомъ не имѣли тѣхъ же самыхъ свѣдѣній.

Глядя на карту Батурина, по меньшей мѣрѣ, нашимъ



собственнымъ историкамъ и археологамъ можно будетъ предложить вопросъ: почему именно они рѣшились утверждать, что нашъ великій князь Владиміръ I-й принялъ крещеніе именно въ томъ греческомъ или таврическомъ Херронисѣ, который занималъ пространство отъ греческаго Партефона (1) и Ктенуса до южнаго берега этого полуострова, то есть до берега, на которомъ находится монастырь Св. Георгія, или даже—въ цитадели этого Херрониса, развалины которой и теперь еще видны по западную сторону Карантинной бухты; а почему не въ Инкерманѣ—на стоящее имя котораго до сихъ поръ еще никѣмъ у насъ не открыто? Здѣсь можно было бы напомнить, что древній Херронисъ, о которомъ говоритъ Страбонъ, существовалъ болѣе нежели за 200 лѣтъ до Рождества Христова, тогда какъ великій князь Владиміръ принималъ крещеніе въ концѣ десятаго вѣка нашей христіанской эры, т. е. близко 1200 лѣтъ спустя послѣ того и въ такое уже время, когда, по естественному порядку вещей и теперешнимъ остаткамъ древняго Херрониса, послѣдній могъ находиться не въ лучшемъ видѣ, въ какомъ засталъ теперь Батуринь укрѣпленія и церкви Инкермана. По меньшей мѣрѣ Батуринь въ послѣднемъ нашелъ еще греческія церкви; тогда какъ въ такъ называемомъ Херронисѣ открыты были предпочтительно языческіе храмы. Неизвѣстность же имени того позднѣйшаго города, который носитъ татарское названіе «Инкермена» и который весьма неправильно названъ Палласомъ именемъ Теодоріи (2) или Ктенуса (3), наводитъ на мысль, что это могъ быть именно тотъ Корсунъ, въ которомъ принималъ крещеніе Св. Владиміръ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ татарское и турецкое владычество въ Крыму, т. е. владычество такихъ племенъ, которыя не только стерли съ лица этой страны нѣкогда ея цвѣтушіе города и селенія, и замѣнили ихъ мечетями и мазанками, но даже истребили и самое воспоминаніе о ихъ

(1) Мысъ Херсонесъ.

(2) Теодорія—Теодосія—это Θεοδοσία или Кафа.

(3) Ктенусъ, по Страбону—севастопольскій заливъ.

названіяхъ, не налагаетъ вовсе на насъ обязательства удерживать за ними ихъ татарскія имена. А потому, оставляя въ сторонѣ сомнительный Инкерманъ, справедливо будетъ здѣсь напомнить, что, по Страбону, заливъ Херронійскій, нынѣшній севастопольскій рейдъ, назывался у древнихъ грековъ «Ктенусомъ»; нынѣшній мысъ Херсонесъ—«Парте-нономъ», а заливъ Балаклавскій—«Севазомосомъ» (1). Это намъ даетъ нѣкоторый способъ ориентироваться. Все это однакожь вызвано изъ забытья уже въ новѣйшее время, и не было еще извѣстно Батурину; а потому онъ назвалъ греческій Ктенусъ «Ахтыярской бухтой», по имени найденной имъ деревушки, и подъ этимъ названіемъ осталась эта бухта въ нашихъ описяхъ, даже и послѣ учрежденія на ней Севастопольскаго порта. Кинсбергенъ, со своей стороны, издалъ въ 1776 году, уже въ Голландіи, результатъ своихъ общихъ опасныхъ трудовъ въ Крымѣ—атласъ всего Крымскаго полуострова, въ 4-хъ подробныхъ картахъ.

И такъ въ теченіе первой турецкой войны въ царствованіе императрицы Екатерины II, именно въ 1771 году, мы овладѣли Крымомъ при помощи нашей азовской флотиліи, построенной на Дону и состоявшей всего изъ 12 малыхъ и плоскодонныхъ военныхъ судовъ, имѣвшихъ среднимъ числомъ по 16 орудій на каждомъ. Всѣхъ морскихъ командъ на этихъ судахъ состояло тогда на лицо невступно до 2000 чел. Онѣ были отчасти приведены изъ Кронштадта, отчасти набраны изъ рекрутъ. И съ этими судами мы продолжали тогда въ теченіе трехъ лѣтъ сряду господствовать на Черномъ морѣ. Въ 1774 году число ихъ было увеличено вновь построенными фрегатами и доходило до 18.

10-го іюля 1774 года, въ лагерѣ фельдмаршала Румянцева на Дунаѣ, при мѣстечкѣ Кучукъ-Кайнарджи, подписаны были условія мирнаго трактата нашего съ Турціей.

Главные статьи этихъ условій заключались въ нижеслѣдующемъ:

(1) Въ переводѣ—узкоустый.

1) Турція предоставляла полную независимость подвластнымъ ей татарамъ: въ Крыму и на Кубани.

2) Она уступала въ наше владѣніе Азовъ съ его округомъ, Керчь и Еникале.

3) Она уступала намъ во владѣніе Кинбурнъ, съ его округомъ по лѣвому берегу Днѣпра и степями между рѣкъ Днѣпра и Буга.

4) Она предоставляла свободное плаваніе для нашихъ коммерческихъ судовъ по Черному морю въ Архипелагъ и обратное имъ плаваніе—въ Черное море.

Современныя политическія обстоятельства и вмѣшательство въ дѣла наши съ Турціей западныхъ европейскихъ державъ не допустили императрицу нашу требовать болѣе. Но очевидно было, изъ всѣхъ упомянутыхъ выше условій, что фундаментъ къ обладанію нашему Крымомъ и черноморскими портами былъ положенъ, и что мы не замедлимъ окончательно ими овладѣть при первыхъ благоприятныхъ для насъ послѣдующихъ обстоятельствахъ.

Окончательнымъ актомъ заключенія мира, собственно для нашего черноморскаго флота, былъ нижеслѣдующій высочайшій рескриптъ, данный, 2 апрѣля 1775 года, на имя вице-адмирала Сенявина (1).

«По разсмотрѣніи представленныхъ вами о состояніи азовской нашей флотиліи вѣдомостей, запотребно признали мы учинить нынѣ въ оной слѣдующія сходныя съ возстановленнымъ спокойствомъ и нужною всегда осторожностію распоряженія»:

«1) Къ заведенію и производству по Черному морю торговли опредѣляемъ два первые фрегата и всѣ четыре галіота (1); и потомъ соизволяемъ, чтобы вы ихъ къ сему приготовили непременно для нынѣшней кампаніи. Снявъ съ фрегативъ пушки и задѣлавъ порты, должно оставить для могущей случиться нужды, только шканечныя пушки,

(1) Въ дѣлахъ Адмиралтействъ—Коллегіи.

(2) Галіоты—тогдашній родъ небольшихъ транспортныхъ судовъ. Они построены были на Новохоперской верфи одновременно съ упоминаемыми здѣсь фрегатами (имѣется модель).

на фрегатахъ—по шести, а на галіотахъ—по двѣ; флаги же на всѣхъ оныхъ имѣть купеческіе.»

«2) Построенные по новому чертежу фрегаты (1) повелѣваемъ поправить и сдѣлать къ плаванію способными; два изъ послѣднихъ фрегативъ, кой уже готовы, содержать во всей исправности, а третій достроить; остающіяся же въ Балаклавѣ суда, ежели можно, починить и привести къ Таганрогу. И все сіе исполнить конечно къ будущему году».

«3) На случай надобности и дабы удержать татаръ страхомъ въ покоѣ и отъ своевольствъ, соизволяемъ вооружить къ сей кампаніи три или четыре судна для временнаго по Азовскому морю плаванія, и два для бытія брантвахтами въ проливѣ изъ Чернаго моря и у Таганрога».

«4) Къ всегдашнему между Таганрога и Керчи и между Керчи и Константинополемъ перевозу писемъ назначаемъ четыре судна, которыя, какъ почтовые, должны имѣть флаги пакетботные».

«5) Оставляя вамъ выборъ назначенныхъ къ вооруженію и вмѣсто пакетъ-ботивъ судовъ, новоизобрѣтенныхъ или иныхъ по вашему искуству и лучшей ихъ одному и другому способности, поручаемъ и прочія суда въ ваше же единственное распоряженіе. Посему и можете вы употребить нѣкоторыя изъ нихъ къ перевозу припасивъ и другихъ потребностей изъ мѣста въ мѣсто по Азовскому морю, и одинъ прамъ на киленбанку; а остальные затѣмъ, содержа въ непрестанной готовности, хранить на будущее время».

«6) Вслѣдствіе всего того надлежитъ вамъ опредѣлить нынѣ на всѣ суда, кой вооружены быть имѣють, и кои будутъ торговыя, почтовыя и перевозныя, потребное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и немедленно заготовить для нихъ морской провизіи на семь мѣсяцевъ; а излишнихъ за распредѣленіемъ офицеровъ и другихъ оставить,

---

(1) Рисунокъ фрегата имѣется особо.

при флотилии же, до указа, и доколь учредимъ штаты оной».

7) По прежнему представленію вашему дозволяемъ къ строенію таганрогской гавани употреблять ежедневно по четыреста человекъ изъ находящихся въ Таганрогѣ каторжныхъ» (1).

Въ теченіе лѣта 1775 года, все, по содержанию этого рескрипта, приводилось въ исполненіе, и суда нашей азовской флотилии заняты были, отчасти переправкой изъ Крыма на южный берегъ Чернаго моря, преимущественно къ Синопу, находившихся у насъ въ плѣну турокъ и принятіемъ, за фрахтъ, разныхъ купеческихъ товаровъ для доставки ихъ отъ Константинополя къ Таганрогу, Керчи, и обратно. Сверхъ того присоединились къ нашей флотилии прибывшіе изъ Архипелага въ Керчь два фрегата, состоявшіе въ архипелажской эскадрѣ вице-адмирала Елманова, и нѣкоторыя другія суда, на которыхъ прибыли съ архипелажскихъ острововъ греческія семейства, желавшія переселиться въ Россію. Да еще были присланы, въ Керчь же, три шкуны изъ числа тѣхъ малыхъ судовъ, которыя были построены въ военное время Ноульсомъ на Дунаѣ.

### III.

#### ПРИБРѢТЕНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

Смутное понятіе о первобытномъ населеніи Тавриды. — Политическія отношенія Россіи къ татарскому Крыму и личность Потемкина. — Заведеніе порта въ Херсонѣ; его строители: Шубинъ и Ганибалль. — Личныя наши отношенія къ Турціи. — Суда нашего черноморскаго флота въ 1782 году. — Что такое былъ Крымъ для западной Европы. — Возмущеніе татаръ въ Крыму противъ хана. — Мѣры принятія русскими властями для успокоенія Крыма. — Первый начальникъ дѣйствующаго черноморскаго флота капитанъ Козляниновъ. — Ахтіарская бухта дѣлается убѣжищемъ для русскихъ военныхъ судовъ; первыя наши суда оставшіеся въ ней на зимовкѣ. — Приобрѣтеніе Крыма и первые отзывы о достоинствахъ севастопольскаго залива, какъ порта.

Въ историческихъ преданіяхъ у нѣкоторыхъ европей-

(1) То есть заключенныхъ въ военныя тюрьмы за различныя преступленія.

скихъ народовъ сохраняются извѣстiя о какомъ то общемъ великомъ передвиженiи народныхъ племенъ изъ Азiи въ Европу, и многiе полагають время этому передвиженiю лѣтъ за 500 до Рождества Христова или нѣсколько раньше того. Многiе историки этому однакожь не вѣрятъ, и утверждаютъ, точно на такихъ же добрыхъ основанiяхъ, что если и существовало переселенiе азиатскихъ племенъ въ Европу, то оно шло не иначе какъ съ самаго происхожденiя на землѣ человѣка, въ великой постепенности, и что мысль о большихъ общихъ передвиженiяхъ народовъ по Европѣ основана, отчасти на поэтическихъ украшенiяхъ прежнихъ скандинавскихъ преданiй и, отчасти только, на тѣхъ ошибочныхъ или фантастическихъ названiяхъ готами, вандалами, таврами, скифами, массагетами и другими именами, которыми древнiе римляне и греки окрестили аборигеновъ восточной Европы: славянъ, румынъ, нѣмцовъ, финновъ, венгровъ.... Ничто, по крайней мѣрѣ, изъ осязательныхъ признаковъ, не свидѣтельствуетъ противъ тождества всѣхъ этихъ народовъ, не смотря на различiе признанныхъ за ними окончательно именъ, съ тѣми, которыя понадаваны были имъ прежде—болѣе просвѣщенными жителями южной Европы.

Единственными, собственно *историческими* набѣгами азиатскихъ, или, правильнѣе—монгольскихъ, племенъ на восточную Европу, мы основательно можемъ признать только набѣги татаръ и турокъ. Но именно вслѣдствiе непостепенности расселенiя, а вторженiя въ область чуждыхъ имъ племенъ, татары были отброшены славянами на ихъ первобытную территорию и въ настоящее время почти исчезли даже изъ Крыма. Осталась очередь за однимъ турками.

Весь продолжительный опытъ исторической жизни народовъ намъ ясно свидѣтельствуетъ, что вопросъ объ исчезновенiи турокъ съ территории восточной римской имперiи, или территории греко-славянской, совершенно сходенъ съ вопросомъ объ исчезновенiи татаръ изъ Москвы, и окончательное его рѣшенiе, въ положительномъ смыслѣ, зависитъ безспорно отъ болѣе или менѣе продолжитель-

то времени. Но пребываніе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ долго опиралось и опирается, до нашего времени, на поддержкѣ западной старой—латинской Европы, въ ея борьбѣ противъ восточной и болѣе молодой Европы—славянской, и потому со времени нашего Петра латинская Европа всѣми возможными мѣрами силится это ея рѣшеніе отсрочить.

Въ живучее, полное политической дѣятельности, царствованіе Екатерины, всѣ вопросы о достройкѣ петровскаго зданія были сильно затронуты и вызвали у насъ крѣпкихъ и настойчивыхъ дѣятелей. И однимъ изъ могучихъ дѣятелей этого времени по рѣшенію южно славянскаго вопроса, является князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій (1).

Никто еще изъ довольно многочисленныхъ біографовъ и современниковъ Потемкина не постарался намъ разрѣшить вопросъ: былъ ли онъ по природѣ и складу ума дѣятелемъ чисто политическимъ, или былъ онъ отчасти сибаритомъ и сластолюбцемъ—какъ утверждали многіе его современники? По свидѣтельству историковъ нашихъ, Петръ I говорилъ, что онъ охотно бы отдалъ половину своего государства, за то, чтобы умѣть управлять другою половиною точно такъ, какъ Ришелье умѣлъ править Франціей. Но у Ришелье, кромѣ дѣятельности его по государственному управленію, была еще другая забота, управленіе особою слабохарактернаго, но законнаго монарха и самодержца Франціи, Людовика XIII-го. А забота эта, судя по живому и талантливому описанію одного изъ французскихъ авторовъ (2), была также забота не малая. Особа и характеръ самодержицы Екатерины II не могли идти ни въ какое сравненіе съ особою и характеромъ французскаго короля

(1) Подробныя біографическія свѣдѣнія о Потемкинѣ-Таврическомъ имѣются въ сочиненіи А. В. Висковатова (Русскій Вѣстникъ 1841 года) и у многихъ другихъ писателей; а потому, приводить ихъ здѣсь было бы лишнимъ, и мы ограничились описаніемъ только той его административной дѣятельности, которая могла относиться собственно къ исторіи севастопольскаго порта.

(2) Alfred de Vigny.

Лудовига XIII, и, можетъ быть, усилія Потемкина сохранить кредитъ и власть подъ могучимъ управленіемъ императрицы Екатерины II, поглощали у него такую долю его политической дѣятельности, которая значительно покрывала его труды относившіеся прямо къ дѣлу государственнаго управленія. Одно, что можно было поставить, можетъ быть, въ упрекъ Потемкину, это, по временамъ нѣсколько рѣзкое проявленіе личной его инициативы по всеѣмъ дѣламъ, относившимся до его служебной дѣятельности. Но и это скорѣе можно будетъ отнести къ тогдашнимъ нравамъ и духу времени. Во всякомъ случаѣ, намъ необходимо было здѣсь коснуться общей характеристики Потемкина, такъ какъ онъ былъ настоящимъ и непосредственнымъ дѣятелемъ присоединенія Крыма къ Россіи и основателемъ севастопольскаго порта.

Современное господствующее населеніе въ Крыму—татары, составляли уже тогда, сравнительно съ населеніемъ екатерининской Россіи, ничтожную кучку народа, неспособную сопротивляться малѣйшему натиску нашихъ регулярныхъ войскъ—какъ это и доказало почти безпрепятственное занятіе Крыма нашими войсками въ 1771 году. Но Крымъ составлялъ частицу политической силы западной Европы, въ смыслѣ его зависимости отъ Турціи, и нашей императрицѣ, для его пріобрѣтенія, необходимо было дѣйствовать со всей возможной осторожностью и выжидать наиболѣе благоприятныхъ для этого политическихъ условій.

Въ теченіе предшествовавшей нашей войны съ Турціей, независимо отъ прочей нашей политической обстановки, намъ ничего не стоило овладѣть и самымъ Константинополемъ; но—въ силу упомянутыхъ политическихъ обстоятельствъ — великихъ напряженій нашихъ силъ на западѣ стоило намъ пріобрѣтеніе, по кучукъ-кайнарджскому мирному трактату, однихъ только пустынь, облежавшихъ Крымъ, и доступа для нашихъ коммерческихъ судовъ на Черное море. А дѣло объ уступкѣ Кинбурна, Керчи и Еникале затягивалось до того, что едва не грозило намъ, еще въ теченіи лѣтъ четырехъ, общимъ евро-



пейскимъ взрывомъ, и окончательно разрѣшилось только въ послѣдствіи, при помощи другаго политическаго вопроса, возникшаго въ Германіи.

Вмѣстѣ съ объявленіемъ у насъ войны съ Турціей, въ 1768 г., начало нашему военному судостроенію, какъ описано выше, положено было на Дону, т. е. съ восточной стороны Крыма. Судостроеніе на Дунаѣ, въ турецкихъ владѣніяхъ, оказалось неудачнымъ, и намъ достались оттуда послѣ войны только три шкуны. Съ 1777 года мы обратились къ другому петровскому пути на Черное море — съ западной стороны Крыма: къ Днѣпру, Деснѣ и петровскому исходному пункту для черноморской экспедиціи — къ Брянску.

Въ числѣ прочихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Россіей отъ Турціи по кучукъ-кайнарджскому договору, заключалось и пріобрѣтеніе устьевъ Днѣпра до его лимана. Въ 1775 году вице-адмиралу Алексѣю Наумовичу Сенявину велѣно было осмотрѣть эти устья и избрать на нихъ удобное мѣсто для строенія военныхъ судовъ; а на основаніи донесеній, сдѣланныхъ Сенявинымъ 11-го декабря 1775 года, адмиралтействъ-коллегіи было дано повелѣніе разсмотрѣть во всей подробности вопросъ о военномъ судостроеніи на Днѣпрѣ: о заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ, избраніи мѣста и сооруженіи адмиралтейства и, по соображеніи всего этого, представить на все проектъ.

А между тѣмъ, въ томъ же 1775 году, болѣе обширная обстановка крымскаго вопроса, его обстановка политическая и государственная, перешла вся въ руки Потемкина, по силѣ назначенія его намѣстникомъ <sup>(1)</sup> новороссійскаго края. Его работа началась: со всевозможныхъ усилій привести къ осѣдлой жизни, отчасти бродячія, отчасти хищныя толпы казаковъ и всякаго сброда кочевавшаго по плодороднымъ степямъ этого края; съ прочнаго заселенія этихъ степей, отовсюду облежавшихъ Крымъ, людьми болѣе осѣдлыхъ и промышленныхъ наклонностей; съ водворенія тамъ обще-гражданскихъ учрежденій, согласныхъ

(1) По смыслу должности; по указу — «генераль-губернаторомъ».

съ тѣми, которыя существовали уже въ великороссійскихъ провинціяхъ, и съ возведенія городовъ и крѣпостей.

По инициативѣ же Потемкина продолжалось и проектированное военное судостроеніе на Днѣпрѣ. Такъ, 18-го октября 1777 года <sup>(1)</sup>, дано было повелѣніе флота генераль-контролеру контръ-адмиралу Софрону Борисовичу Шубину <sup>(2)</sup> отправиться къ осмотру днѣпровскихъ пороговъ и заготовленію по Днѣпру подрядомъ корабельныхъ лѣсовъ. А въ 1778 году, по представленію Потемкина же, окончательно было избрано для новаго адмиралтейства мѣсто на Днѣпрѣ, въ 14 верстахъ ниже впаденія въ него рѣки, Ингульца, при построенномъ въ послѣднюю войну Александровскомъ шанцѣ. Здѣсь, по высочайшему указу 18-го іюня этого года, заложены были: городъ Херсонъ и всѣ строенія для корабельной верфи. Но въ началѣ 1778 года Шубинъ умеръ, и главнымъ руководителемъ работъ назначенъ былъ флота же генераль-цейхмейстеръ генераль-поручикъ Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ.

Въ 1778 году часть лѣсовъ для адмиралтейства и корабельнаго строенія была уже сплавлена, первыя адмиралтейскія зданія отстроены, и 26-го мая 1779 года въ присутствіи Потемкина заложень первый шестидесятипушечный линейный корабль нашего черноморскаго флота. Имя ему было дано «Слава Екатерины». Длина его назначена была 155 футъ, ширина 41 футъ 2 дюйма, углубленіе интрюма 16 футовъ <sup>(3)</sup>.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ военной верфи на Днѣпрѣ, сдѣланъ былъ въ полной подробности и промѣръ всего фарватера по устьямъ рѣки и на лиманѣ. Наименьшая его глубина оказалась, какъ бы порогомъ отъ сѣвера къ югу, восточиѣе Кинбурна и Очакова, въ 16 футовъ, достаточная для проводки тогдашняго фрегата въ полномъ его

<sup>(1)</sup> Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

<sup>(2)</sup> Началь службу во флотѣ мищманомъ въ 1742 году. Въ 1773 и 1774 году, состоя въ чинѣ капитана бригадирскаго ранга, временно командовалъ кронштадтскимъ портомъ, 1776 года октября 25-го назначень флота генераль-контролеромъ (изъ дѣлъ адмир.-коллегіи).

<sup>(3)</sup> Въ дѣлахъ графа Чернышева и адмиралтействъ-коллегіи.

вооруженіи, и сдѣлано распоряженіе о перемѣщеніи фрегатовъ, построенныхъ на Дону, изъ Еникале въ Херсонъ. Изъ нихъ, осенью же 1779 года, доведены были туда 4 фрегата, состоявшіе еще безъ названій подъ номерами 2-й, 5-й, 6-й, 7-й; еще одинъ фрегатецъ или корветъ «Архипелагъ» и два палубныхъ бота, а всего переведено въ Херсонъ въ этомъ году семь военныхъ судовъ изъ нашей азовской флотиліи (1).

Но еще въ 1779 году устройство херсонскаго адмиралтейства находится при самомъ его началѣ и тамъ во всемъ чувствуются недостатки. И потому, покуда дѣлается туда перемѣщеніе всѣхъ судовыхъ принадлежностей со всѣхъ бывшихъ днѣпровскихъ верфей, начиная съ брянской — положено не прекращать и на Дону додѣлку еще восьми фрегатовъ, отчасти построенныхъ, отчасти заложанныхъ на тамошнихъ верфяхъ.

Между тѣмъ 1776 года, іюня 25-го, Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ былъ уволенъ въ годовой отпускъ, а вмѣсто него главнымъ командиромъ азовской флотиліи назначенъ былъ контръ-адмиралъ Федотъ Алексѣевичъ Клокачевъ (2). Изъ тѣхъ инструкцій, которыя были отъ него даны командирамъ упомянутыхъ выше фрегатовъ, отправленныхъ изъ Азовскаго моря въ Херсонъ въ 1779 году, всего лучше будетъ видно, въ какихъ отношеніяхъ мы находились въ это время съ турками на Черномъ морѣ. Въ этихъ инструкціяхъ, между прочимъ, сказано было:

«Безъ самой крайней нужды ни въ какіе крымскіе и турецкіе порты вамъ не входить и безъ необходимости нигдѣ на якорѣ не ложиться; а держаться на морѣ подъ парусами на настоящемъ вашемъ курсѣ; паче же, подходя къ Очакову, стараться быть на водахъ, Ея Императорскаго

(1) Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

(2) Ф. А. Клокачевъ началъ службу въ флотѣ гардемариномъ въ 1745 году. Въ мичмана произведенъ въ 1751 г.; въ лейтенанты 1758; въ капитанъ-лейтенанты 1762; въ капитаны 2 ранга 1764; въ капитаны 1-го ранга въ 1766 г., въ контръ-адмиралы въ 1776 г. іюля 11; вице-адмираломъ 1782 іюня 28. 27-го октября 1783 года умеръ въ Херсонѣ отъ гнилой горячки.

Величества землю омывающихъ, и, конечно, въ томъ поступать по силѣ вашей въ морскомъ уставѣ напечатанной должности».

«Положенный по морскому уставу журналъ неотмѣнно содержать и мѣренныя въ Черномъ морѣ и до самаго назначеннаго вамъ мѣста глубины, а особливо въ виду и въ близости къ берегамъ, и ежели необходимость принудитъ зайти въ какіе-либо крымскіе порты, то и въ оныхъ, какъ можно чаще провѣрять и записывать. Въ плаваніи и якорномъ стояніи не пропуская возможнаго случая обсерваціи и промѣръ производить съ такою притомъ крайнею предосторожностію, чтобъ того турки никакъ примѣтять, и ни малѣйшаго чрезъ то къ подозрѣнію случая имѣть не могли».

«Хотя никакъ отъ стороны Порты Оттоманской, по силѣ заключенныхъ 1774 года 10-го іюля для вѣчнаго мира и дружбы трактата, а сего года марта 10-го числа конвенціи, ожидать не можно, чтобъ при проходѣ изъ Чернаго моря мимо Очакова въ днѣпровскій лиманъ оказано было вамъ какое-нибудь препятствіе; однакожь на случай ежели спросятъ: куда и зачѣмъ идете? На то отвѣтствовать просто: въ свой собственный портъ, для разоруженія судовъ, какъ то обыкновенно бываетъ во время мира, съ бывшими въ кампаніи судами. Буде же, напротивъ того, скажутъ, что въ мирномъ трактатѣ и конвенціи таковаго военнымъ судамъ изъ Чернаго моря въ лиманъ прохода не выговорено, то отвѣчать, что когда мирная послѣдняя конвенція подписывана была, «блистательная Порта Оттоманская» знала, что у насъ въ лиманѣ давно вновь заводится портъ, и, слѣдовательно, когда мирнаго трактата 11-мъ, а конвенціи 6-мъ артикулами блистательная Порта и Константинопольскимъ проливомъ свободный изъ Чернаго моря въ Бѣлое <sup>(1)</sup>, а изъ Бѣлаго въ Черное, торговымъ россійскимъ судамъ проходъ, и во всѣ ея порты и гавани безпрепятственнѣйшій входъ дозволила; то военнымъ россійскимъ судамъ въ свои, а не чу-

(1) Средиземное.

жіе порты, и по водамъ Ея Императорскаго Величества берега омывающимъ, входъ, по содержанію того мирнаго трактата и конвенцій, остался безпрепятственнымъ, и такъ равно свободнымъ, какъ блистательной Порты Оттоманской, военныя же суда въ свои, а не чужія гавани и порты входятъ».

При посредствѣ такого мягкаго разрѣшенія вопроса о появленіи нашего военнаго флага на Черномъ морѣ въ мирное время, плаваніе нашихъ судовъ по этому морю, съ 1779 года совершалось довольно мирно. Оно производилось отчасти подъ военными, отчасти подъ почтовыми и купеческими флагами, и еще ограничивалось покуда разными перемѣщеніями этихъ судовъ изъ Херсона въ Таганрогъ и обратно, плаваніемъ нашихъ пакетботовъ и другихъ судовъ въ Константинополь и разными описными экспедиціями по своимъ портамъ. Все это имѣло покуда единственною цѣлью — приучить турокъ видѣть въ Константинополѣ наши военныя суда, хотя бы съ временно закрытыми пушечными портами (1). Такъ было еще и въ 1781 году.

О нашихъ мирныхъ личныхъ сношеніяхъ съ турками, около этого времени, мы имѣемъ многія свидѣтельства. Такъ напримѣръ: при проводкѣ нашего фрегата № 6-й, въ октябрѣ 1779 года, мимо Очакова, турки прислали оттуда своего офицера, убѣждали командира нашего фрегата взять у нихъ лоцмановъ и оказывали намъ другія предупредительности и вѣжливости. А потомъ, послѣ пребыванія, лѣтомъ 1780 года, въ Константинополѣ нашихъ почтовыхъ судовъ — полякъ: «Св. Екатерина» и «Патмосъ», константинопольскій нашъ посланникъ Стахѣевъ, сдѣлалъ о нихъ въ октябрѣ того же года нижеслѣдующій отзывъ (2): «Командиръ Св. Екатерины» г-нъ лейтенантъ Кумани, и находящійся при немъ мичманъ Обольяниновъ, въ бытность свою тамъ (въ Константинополѣ), не только сами похвально себя вели, но и всю свою команду въ добромъ

(1) Какъ было показано выше — на основаніи указа 2-го апрѣля 1775 года.

(2) Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

и исправномъ порядкѣ содержали, и нималѣйшаго повода туркамъ къ неудовольствію не преподавали. «Патмоса» командиръ г. лейтенантъ Перри, въ бытность свою тамъ. не только самъ, также какъ и г-нъ мичманъ Нелединскій, весьма похвально поступали, и команду свою въ такомъ добромъ порядкѣ содержали, что заслужили себѣ отмѣнную ласковость и почтенье, не только отъ публики, но и отъ самого турецкаго правительства, которое недовольно было только тѣмъ однимъ, что судно казенное и въ военномъ снарядѣ, чего Порты ни подъ какимъ видомъ дозволить не хочетъ».

Точно въ такомъ положеніи засталъ насъ на Черномъ морѣ и 1782 г. Къ веснѣ этого года весь будущій черноморскій флотъ нашъ состоялъ изъ нижеслѣдующаго числа судовъ:

Въ Херсонѣ, на стапелѣ въ закладкѣ находились 7 шестидесяти-пушечныхъ кораблей; но изъ нихъ только три продолжали строиться; а для прочихъ лѣсъ еще не былъ доставленъ. Корабельныя камели точно также еще только строились; 6 фрегатовъ и 1 бомбарда, построенные на Дону, въ Херсонѣ передѣлывались и получали капитальныя исправленія; два фрегата, построенные въ 1779 году въ Гнилой Тонѣ, находились еще въ Кутюрминскомъ гирлѣ рѣки Дона и, слѣдовательно, требовали еще додѣлки; 5 фрегатовъ еще только строились на гнилотонской же верфи. Слѣдовательно, большихъ военныхъ судовъ мы даже въ скоромъ времени и приготовить не могли; а изъ среднихъ имѣли на ходу: два фрегата (8 и 11), построенные на Гнилой-Тонѣ и находившіеся въ Херсонѣ въ додѣлкѣ; 6 старыхъ ветхихъ «донскихъ кораблей» постройки 1770 года, зимовавшие въ Таганрогѣ, и 10 малыхъ вооруженныхъ судовъ, какъ то: корветовъ, шкунь, полякѣ и ботовъ—почтовыхъ и отчасти занимавшихъ брандвахтенные посты на Азовскомъ морѣ—изъ которыхъ нѣкоторыя получали исправленіе въ таганрогскомъ портѣ. Сверхъ того, имѣлось нѣсколько малыхъ транспортныхъ судовъ.

Вообще, можно сказать, что дѣятельность западной европейской агентуры при турецкомъ дворѣ постоянно слу-

жила для насъ какъ бы барометромъ, по указаніямъ котораго мы достаточно вѣрно могли судить о состояніи собственныхъ дѣлъ каждой изъ агентирующихъ державъ. Въ екатерининское время, возвышеніе и пониженіе ртутнаго столба этого барометра очень долго чувствовалось для насъ въ Крыму. Какъ только все на западѣ Европы было спокойно, то въ Крыму и на Кубани очень скоро появлялись турецкіе лазутчики, и татары начинали волноваться. А немедленно за тѣмъ появлялись у крымскихъ береговъ и турецкія суда. Такъ было по заключеніи мира съ Турціей въ 1774 году, въ 1775 и потомъ въ 1778. — Но за тѣмъ съ 1778 г. у Австріи съ Пруссіей возникли complicаціи по германскимъ дѣламъ; у Англии открылась война съ ея великими сѣверо-американскими колоніями: въ ихъ дѣла вмѣшалась Франція — и въ Крыму водворилась тишина.

Выше приведенныя свѣдѣнія о состояніи судовъ нашего флота на Черномъ морѣ достаточно свидѣтельствуютъ намъ, что мы тогда далеко еще не были въ правѣ надѣяться на его значительную поддержку въ дѣлѣ войны. Но въ 1781 году всѣ прочія обстоятельства намъ благопріятствовали и дворъ нашъ, или скорѣе — Потемкинъ, призналъ возможнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію крымскаго вопроса.

Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ свидѣтельствуютъ. (1) что между тогдашними государственными нашими дѣятелями происходило разногласіе въ самомъ способѣ разрѣшенія упомянутаго вопроса; а именно: графъ Никита Ивановичъ Панинъ, президентъ иностранной коллегіи, для отвлеченія силъ Англии къ сѣверу, настаивалъ на организаціи вооруженнаго нейтралитета, который долженъ былъ поддерживаться при посредствѣ нашего балтійскаго флота, тогда какъ Потемкинъ искалъ сохраненія миролюбивыхъ и дружественныхъ отношеній съ Англійей. А такъ какъ мнѣніе Панина одержало верхъ, то нашъ балтійскій флотъ и получилъ назначеніе сохранять на западѣ Евро-

(1) Висковатовъ и другіе.

пы демонстративное положеніе, а Потемкину пришлось дѣйствовать при поддержкѣ однихъ наличныхъ и весьма плохихъ судовъ нашей азовской флотилліи.

Такимъ образомъ въ 1771 году, всѣ наши военныя силы, находившіяся на югѣ Россіи приняли угрожающее положеніе; а въ Турцію, въ іюнь мѣсяцъ этого года, отправленъ былъ, съ весьма секретными инструкціями, одинъ изъ нашихъ лучшихъ тогдашнихъ дипломатовъ—статскій совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ,—который получилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и особыя словесныя наставленія отъ князя Потемкина. Къ сожалѣнію главная сущность этихъ наставленій, данныхъ Булгакову въ большомъ секретѣ и на словахъ, почти можетъ для насъ почитаться утраченною; такъ какъ никакія частныя письма или мемуары покуда намъ ее не разъяснили, и о содержаніи ихъ мы можемъ судить по однимъ результатамъ, не разъяснившимъ для насъ, точно также, и самаго производства дѣла дипломатическаго, или хода нашей тайной агентуры въ самомъ Константинополѣ.

Турки и татары—лично, какъ мы видѣли, не имѣли къ намъ тогда никакихъ враждебныхъ отношеній. Пребываніе нашего знаменитаго дипломата въ Константинополѣ доказывало намъ полное пониманіе у насъ того, что могло тамъ совершаться. Въ Крыму мы были точно также обезпечены отъ всякой нечаянности, пребываніемъ при особѣ хана Шагинъ-Гирея другаго нашего опытнаго дипломатическаго агента—Веселитскаго. Почти всѣ европейскія державы въ то время озабочены были своими собственными дѣлами; а между тѣмъ, 13 мая 1782 года, вспыхнулъ у татаръ мятежъ въ Крыму и на Кубани.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ выше судовъ нашего азовскаго флота, въ это время мы наличными могли почитать: находившіяся въ таганрогской гавани 6 донскихъ кораблей, одну полякку и вооруженный ботъ, а на таганрогскомъ рейдѣ двѣ шкуны—«Побѣдославъ» и «Измаиль»; въ Керчи—одну шкуну «Вячеславъ», двѣ полякки: «Патмосъ» и «Екатерину», и ботъ «Хоперь»; т. е. 6 судовъ средняго ранга и 8 малыхъ; но даже изъ нихъ въ готовности къ дѣйствию



могли почитаться только тѣ, которыя находились въ полномъ вооруженіи на рейдахъ: керченскомъ и таганрогскомъ; а такихъ было малыхъ 6.

Портовыми начальниками на Азовскомъ морѣ въ это время состояли: за отбытіемъ въ продолжительный отпускъ главнаго командира азовской флотиліи Клокачева, оставался командующимъ этой флотиліей капитанъ надъ портомъ въ Таганрогѣ, генераль-маіоръ Петръ Антоновичъ Костливецъ, а въ Керчи—капитанъ надъ тамошнимъ портомъ, капитанъ-лейтенантъ Дмитріевъ. Начальники же гарнизоновъ нашихъ таврическихъ крѣпостей, находились въ качествѣ командующихъ отдѣльными частями войскъ въ военное время, и въ началѣ 1782 года на такомъ положеніи состоялъ, въ юго-восточной половинѣ Крыма, оберъ-комендантъ крѣпостей Керчи и Еникале, генераль-маіоръ Федоръ Петровичъ Филисовъ, снабженный отъ нашего правительства, на всякіе экстренные случаи, особыми инструкціями (1).

13-го же мая 1782 года, капитанъ-лейтенантъ Дмитріевъ получилъ отъ Филисова бумагу нижеслѣдующаго содержания:

«По нѣкоторымъ нужнымъ обстоятельствамъ, г. лейтенанту Селиверстову приказалъ я съ ввѣреннымъ ему ботомъ Хопромъ крейсеровать по Черному морю къ Кафѣ, который завтрашняго числа и отправленъ быть имѣетъ; а потому ваше высокоблагородіе, по полученіи сего увѣдомленія, благоволите его въ продовольствіе всѣмъ потребнымъ на время мѣсячное снабдить».

А потомъ 14 мая, т. е. на другой же день, Филисовъ еще писалъ Дмитріеву:

«Я уповаю, что вы помякку «Патмосъ» со всѣмъ къ движенію, по прежде данному отъ меня (словесному) повелѣнію, приготовили, о чемъ и теперь предписываю конечно оную сегодня приготовить, съ тѣмъ, чтобы, получа повелѣніе, тотъ-часъ она, не принося уже никакихъ

(1) Въ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

отговорокъ, двинуться могла. О полученіи же сего и готовности полякки благоволите меня увѣдомить».

«Господину лейтенанту Ельчанинову (1), который въ Константинополь, 15 числа сего мѣсяца, слѣдовать долженствуетъ, прикажите по теперешнимъ весьма нужнымъ обстоятельствамъ оному на нѣкоторое время впредь до резолюціи остановиться при брандвахтѣ».

Еще продолжаетъ Филисовъ 15-го мая.

«Будучи отъ вашего высокоблагородія увѣдомленъ о готовности полякки «Патмосъ», предписываю онѣй сегодня часу въ 8-мъ по полудни найдтись противу косы, которая идетъ отъ Камышь-Буруна (2), оставляя за собою брандвахту, въ карантинѣ находящіяся суда и войска, расположенныя на берегу, гдѣ и лечь на якорь. О дальнѣйшемъ же движеніи или крейсерованіи впредь повелѣніе дано будетъ. Начальнику же на поляккѣ прикажите, для полученія наставленія сверхъ вышепоказаннаго, явиться у меня».

И наконецъ 19 мая Филисовъ пишетъ:

«Сего мая 13 и 14 чиселъ вошелъ въ Крымъ, противъ горы Кимчигира (3) изъ Тамана, старшій братъ свѣтлѣйшаго хана, съ войсками, состоящими около пяти тысячъ абазинцовъ и черкесовъ; да и весь Крымъ, какъ слышно, держитъ теперь партію ханскаго брата, и по тѣмъ обстоятельствамъ ханъ и съ нашимъ министромъ (Веселитскимъ) уѣхали изъ Кафы на суднѣ, и теперь находятся въ Керчи (4).

Наконецъ Костливицеву писалъ Филисовъ изъ Керчи 23 мая.

«Увѣдомить ваше превосходительство должностію почитаю, что въ Крыму и на таманской сторонѣ всѣ татарскія орды противъ своего законнаго обладателя взбунтовались, и сими днями, пришедъ подъ Кафу, принудили

(1) Командиръ бота Карабутъ.

(2) То есть въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ Керченскаго пролива.

(3) На южномъ берегу Керченскаго или Пантикапейскаго полуострова.

(4) Въ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

его свѣтлость и отъ нашего російскаго двора министра сѣсть на судно и оттуда удалиться, которые вчерашняго числа сюда и прибыли. А такъ какъ можно ожидать, что тѣ бунтовшики и къ границамъ російскимъ, лежащимъ при крѣпостяхъ Керчи и Еникале, придти въ скоромъ времени не оставятъ; то не изволите ли, ваше, превосходительство, приказать изъ состоящихъ, подъ начальствомъ вашимъ судовъ, сколько вы заблагоразсудите, отрядить сюда для крейсерованія, и тѣмъ бунтующимъ татарамъ, отъ стороны Тамана на крымскій берегъ, всedневно не малымъ числомъ переѣзжающимъ, преграду сдѣлать. О семъ, что сдѣлано будетъ, прошу не оставить меня безсвѣдующимъ».

Всѣ эти письма Филисова въ короткихъ словахъ обрисовываютъ начало общаго движенія татаръ въ Крыму въ 1782 году, на основаніи всѣхъ полученныхъ нами свѣдѣній.

Костливцевъ, со своей стороны, обо всемъ этомъ доносилъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, и писалъ о недостаткѣ у него судовыхъ командъ и особенно наличныхъ флотскихъ офицеровъ. А въ то же время, по требованію Веселитскаго и Филисова, высылалъ въ крейсерство и всѣ наличныя свои суда. Этихъ наличныхъ судовъ, въ упоминаемый моментъ, было у него, какъ мы видели, немного.

Общія же распоряженія Костливцева и положеніе дѣлъ у него на флотиліи лучше всего будутъ видны изъ его собственнаго донесенія Чернышеву отъ 24 мая (1):

«По содержанію сообщенія генераль-маіора Филисова», писалъ Костливцевъ, «такъ какъ шкуны «Побѣдославъ» и «Измаилъ» имѣютъ постановленныя мачты, и вооружиться скорѣе прочихъ могутъ, то вчерашняго-же числа, при счастливо случившейся отъ вестовыхъ вѣтровъ прибылой водѣ, велѣлъ ихъ, и перетимбированный для почтовой посылки до Царя-Града ботъ «Карабутъ», вывести въ ковшъ гавани, гдѣ ихъ съ крайнимъ поспѣше-

(1) Въ дѣлахъ графа И. Г. Чернышева, въ морскомъ архивѣ.

ніемъ днемъ и ночью вооружать буду, и какъ скоро готовы будутъ, немедленно въ распоряженіе онаго, г. генераль-маіора Филісова, отправлю».

«А какъ, по обширности таманскаго и крымскаго береговъ, къ воспрепятствованію стремленія бунтовщиковъ съ Тамана на крымскую сторону нынѣ отправляющихся двухъ, и прежде отправленной шкуны «Вячеславъ», двухъ (съ брантвахтенною) поляккѣ, и трехъ (съ почтовымъ) ботовъ, будетъ не достаточно, то приказалъ я, на случай ежели оной г. генераль-маіоръ Филісовъ еще потребуетъ въ прибавокъ военныхъ судовъ, также немедленно готовить къ вооруженію изъ донскихъ тѣ корабли, которые скорѣе прочихъ вооружить и всѣмъ укомплектовать можно, и именно: «Хотинъ», «Журжу» и бомбардирскій «Азовъ. За неимѣніемъ же морскихъ штабъ и оберъ офицеровъ, еще больше одного корабля отправить будетъ никакъ невозможно, ибо и нынѣ будетъ на шкунахъ только по одному лейтенанту, а на корабляхъ по одному капитанъ-лейтенанту и лейтенанту, и посему не соизволить ли адмиралтействъ-коллегія, для опредѣленія эскадреннымъ командиромъ, хотя одного флотскаго капитана присылкою не оставить».

И такъ на первый случай было выслано въ помянутое крейсерство 8 малыхъ судовъ, и Костливцевъ надѣялся набрать еще 4 старые донскіе корабли. Вотъ все что въ маѣ мѣсяцѣ 1782 г. могли мы выставить на Черномъ морѣ изъ нашихъ военныхъ судовъ на случай военныхъ дѣйствій.

За тѣмъ уже всѣ требованія Костливцева по этому предмету исполнялись въ Петербургѣ съ возможной поспѣшностью. Въ іюнѣ же прибыло изъ балтійскаго флота въ Таганрогъ достаточное число морскихъ командъ и офицеровъ, а между послѣдними двое знаменитыхъ въ послѣдствіи своими военными подвигами: капитанъ бригадирскаго ранга Тимофей Гавриловичъ Козляниновъ и капитанъ-лейтенантъ Петръ Борисовичъ Слизовъ. Изъ нихъ—Козлянинову поручено было главное командованіе надъ всей нашей дѣйствующей крымской эскадрой. Въ началѣ іюля

суда этой эскадры оцѣнили уже со всѣхъ сторонъ полуостровъ и находились въ нижеслѣдующемъ расположеніи:

	число людей
Въ крейсерствѣ на выходѣ изъ Таврическаго пролива у мыса Таклы . . . . .	} бомбарда Азовъ . . . . . 108 и боть Хоперь . . . . . 25
Въ крейсерствѣ отъ Кафы до мыса Таклы . . . . .	} корабль Коронь . . . . . 126
Въ крейсерствѣ отъ Кафы до Судага и Алушты . . . . .	} корабль Журжа . . . . . 115
Въ крейсерствѣ отъ Алушты до Балаклавы и Ахтыяра . . . . .	} шкуна Измаиль . . . . . 71
Въ крейсерствѣ отъ Ахтыяра до Козлова . . . . .	} шкуна Побѣдославъ . . . . . 62
Отъ Козлова до Акмечети . . . . .	шкуна Вячеславъ . . . . . 51
При входѣ въ Азовское море у Еникале . . . . .	} боть Елань . . . . . 32
Суда, составлявшія дозорный отрядъ, для крейсерованія по всѣмъ портамъ.	} корабль Хотинь . . . . . 156
	» Таганрогъ . . . . . 124
	» Модень . . . . . 97
	полякка Патмосъ . . . . . 50
	» № 55 . . . . . 41

А всего 13 судовъ и на нихъ 1508 человекъ команды. Изъ нихъ «Модень» и полякка № 55 прибыли къ эскадрѣ въ половинѣ юля.

Хорошее распредѣленіе нашимъ военнымъ судамъ, сдѣланное сначала Филисовымъ, а потомъ Козляниновымъ, незамедлило стѣснить татаръ въ Крыму. Атаковать наши крѣпости они неосмѣливались; сообщеніе между ними и соплеменниками ихъ на Кубани было у нихъ отрѣзано; абхазцы и кубанцы, вступившіе уже въ Крымъ, по видимому не нашли тамъ себѣ единодушной поддержки; а обѣщанная возмущившимся татарамъ, разными ихъ тайными агентами, помощь со стороны Турціи, не приходила; тогда какъ, съ другой стороны, всякое наступательное движеніе нашихъ сухопутныхъ силъ грозило неминуемымъ наказаніемъ тѣхъ изъ жителей Крыма, которые считали себя виновными въ сопротивленіи законной власти хана. А все это вмѣстѣ поставило осѣдлыхъ крымскихъ жителей

въ самое тревожное нравственное состояніе, которое и замѣчено было нами у нихъ повсемѣстно.

Для большей наглядности, какъ относительно того положенія, въ какомъ находились общія дѣла въ Крыму съ іюля мѣсяца 1782 года, такъ и всѣхъ распоряженій Козлянинова, сдѣланныхъ имъ на основаніи данныхъ ему инструкцій, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ его донесеній князю Потемгину и журнала о его плаваніи вокругъ полуострова, для повѣрки дѣйствій своихъ дистанціонныхъ крейсеровъ: (1)

*Іюля 6-го:*

Для осмотра и отдачи приказаній находящимся въ крейсерствѣ судамъ, (такъ сказано было въ журналѣ у Козлянинова) на корабль «Хотинъ» пошелъ я отъ мыса Таклы на Черное море съ кораблемъ «Таганрогъ» и поляккою «Патмосъ», стараясь возможно большимъ числомъ судовъ устрашить мятежниковъ».

*Іюля 30-го:*

«Пришелъ въ Балаклавъ; посылалъ шлюпки съ офицерами въ бухту для развѣданія: нѣтъ ли тутъ татарскихъ судовъ, которые возвратясь, объявили, что находятся два турецкихъ суда, пришедшія, по объявленію реизовъ (шкиперовъ), изъ Константинополя порожнія, для полученія груза; а еще двѣ лодки, по объявленію балаклавскихъ жителей, татарскія».

*Съ 30 іюля по 3 августа.*

«Запасаясь прѣсною водою сколько можно, отправилъ между тѣмъ 1-го августа полякку «Патмосъ» къ шкунамъ, для доставленія на довольствіе служителей морскаго провіанта, взятаго изъ керченскихъ магазиновъ. Узнавъ, что балаклавскіе жители выѣзжаютъ семействами, и сему побѣгу причиною пріѣздъ къ нимъ абазинцовъ, черкесовъ и бунтующихъ татаръ, отъ коихъ сохранялъ осторожность при посылкѣ людей на берегъ—не упуская времени знать о дѣйствіяхъ ввѣренныхъ мнѣ судовъ, спѣшилъ идти да-

(1) Изъ дѣлъ адмиралтействъ-коллегіи.

лѣе, оставляя въ гавани мѣстные лодки неспособными къ отплытію».

*Августа 3-го.*

«На корабль «Хотинъ» съ кораблемъ «Таганрогъ» пошелъ къ Козлову».

*Августа 5-го.*

«У ахтырской гавани соединился съ крейсерующими судами: шкуной «Измаилъ» и поляккой «Патмосъ» и приказалъ имъ слѣдовать за мной въ соединеніи».

*Августа 6-го.*

«Соединясь со шкуной «Побѣдославъ», пришелъ къ Козлову со всѣми судами, то есть: 2-мя кораблями, 2 шкунами и 1 поляккой, и остановился на якорѣ, гдѣ, извѣстясь что жители сего мѣста не допускали до берега мурзь отъ хана Шагинъ-Гирея, посланныхъ къ нимъ на нашихъ судахъ, съ тѣмъ чтобы ихъ уговаривать, — для того чтобы узнать тому причину, послалъ на берегъ въ Козловъ шлюпку съ двумя офицерами. Офицеры эти, возвратясь, мнѣ объявили, что, по данному отъ меня наставленію, они выходили со шлюпки на берегъ, гдѣ встрѣтили ихъ шесть человекъ вооруженныхъ татаръ и спрашивали ихъ, не имѣютъ ли въ чемъ они недостатка, то, по причинѣ укрывательства изъ города жителей, они готовы, тѣмъ что можно получить, ихъ удовлетворить. А когда офицеры объявили, что имъ нужно знать, чего требуетъ взволнованный народъ, то были провожены на базаръ улицами наполненными великимъ множествомъ вооруженныхъ татаръ. На базарѣ они нашли такое же множество людей, за коими видны были абазинцы и черкесы, и старшинамъ тутъ же бывшимъ и всему собранію офицеры говорили по татарски: «вы видите, что Крымъ окруженъ російскимъ флотомъ. Но великая Императрица всеросійская не желаетъ конечной вашей гибели отъ возмущенія вашего противъ законнаго вашего государя Шагинъ-Гирея, и должны вы, не теряя времени, придти къ нему съ покорностью. Поздно будетъ, когда увидите разореніе мѣстъ къ гибели вашей. По морю же бѣгствомъ вамъ спастись не можно; такъ какъ будете вы потоплены російскими судами». Но они,

не отвѣчая тогда на это, обѣщали дать на другой день отвѣтъ, и офицеры возвратились.

*Августа 7-го.*

«Посланы отъ меня тѣже офицеры, на шлюпкѣ на берегъ, къ татарамъ за отвѣтомъ — гдѣ также приняты съ ласкою. Собраніе было въ такомъ же множествѣ вооруженныхъ; на базарѣ нашли того города старшинъ и еще двухъ, какъ видно изъ Бахчисарая пріѣхавшихъ на тотъ случай, начинщиковъ въ мятежъ; тутъ же пріѣхалъ и султанъ Арсланъ-Гирей. И когда имъ всѣмъ офицеры объявили свое требованіе, то, по многимъ между старшинами переговоровамъ, султанъ, обратясь къ собранію народа, сказалъ: «что вы думаете! Должны дать отвѣтъ». Одинъ сеидъ-селама (старшина), выступая передъ собраніе, говорилъ: Мы не хотимъ имѣть Шагинъ-Гирей ханомъ; а потомъ махнулъ рукой собранію, изъ коего чернь не болѣе десяти человекъ крикомъ подтвердили его слова, а прочіе ничего не отвѣчали. А потомъ сеидъ-селама продолжалъ свою рѣчь: «Есть уже у насъ ханъ Батырь-Гирей: а для чего перваго не признаемъ, то это намъ извѣстно. Знаемъ, что Россія имѣетъ великія войска и флотъ; однако въ разсужденіи дружбы оказываемой намъ ею, что касается до дѣйствія оныхъ къ изгубленію нашему, мы не даемъ повода и не поднимаемъ противъ нихъ оружія; не имѣя здѣсь женъ и дѣтей, сейчасъ готовы разойтись».

«Офицеры требовали отъ нихъ сего письменно; но старшины отозвались, что народъ, не зная грамотѣ, будетъ сомнѣваться въ томъ и толковать въ другую сторону, чего они опасаются. Офицеры имъ сказали потомъ, что, если они это исполнять, то впредь російскія суда не будутъ противъ нихъ дѣйствовать оружіемъ, и, оставя ихъ въ полномъ собраніи, возвратились на корабль, и что послѣ того у нихъ происходило — имъ неизвѣстно.»

«Шкуну «Побѣдославъ» послалъ для доставленія отъ меня повелѣній и инструкцій, о пресѣченіи переѣзда мятежниковъ, на шкуну Вячеславъ, крейсерующую отъ Козлова до Акмечети».



*Августа 8-го.*

«Съ оставшимися со мной судами пошелъ отъ Козлова, и во все время на рейдѣ никакихъ турецкихъ и татарскихъ судовъ не было».

*Августа 9-го.*

«Пришелъ къ Балаклавѣ и по 13 число запасся прѣсною водою; жители онаго мѣста оказывали ласки бывшимъ на берегу служителямъ. Тутъ же находятся и Батырь-Гирей люди, кои, какъ видно, присматриваютъ за служителями того мѣста. А татарскихъ судовъ кромѣ нами поврежденныхъ не имѣлось».

*Августа 13-го.*

«Пошелъ къ Кафѣ, оставя въ крейсерствѣ у объявленныхъ мѣстъ шкуну Измаиль, подтвердя оной, также и другимъ судамъ находящимся до Акмечети въ крейсерованіи, чтобъ отнюдь не отважились производить пальбу кромѣ защищенія флага російскаго».

*Августа 18-го.*

«Зашелъ въ Кафинскую бухту, за противнымъ вѣтромъ, въ отдаленности отъ города; но никакихъ тутъ судовъ не было, и спѣшилъ потомъ прибытіемъ къ мысу Таклы».

*Августа 19-го.*

«Остановился на якорѣ за противнымъ вѣтромъ между мысомъ Таклы и горою Кимчигирь» (1).

*Августа 22-го.*

«Пришелъ въ Керчь. Во все время крейсерованія моего, при объявленіи встрѣчающимся турецкимъ купеческимъ судамъ, что имъ во всѣхъ татарскихъ мѣстахъ груза получить не можно, всѣ они возвращались въ свои мѣста безъ огорченія».

Ко всему этому въ донесеніи своемъ Потемкину отъ 31-го августа Козляниновъ прибавляетъ:

«Возмущеніе противъ хана Шагинъ-Гирей примѣчаю весьма великимъ; напротивъ того, отъ русскихъ крейсеровъ сами бунтовщики находятся въ страхѣ. Изъ примор-

(1) То есть западнѣе Таклы.

сихъ мѣсть многіе вывели свои семейства, женъ и дѣтей. Посланнымъ съ судовъ на берегъ, для налитія прѣсной воды, служителямъ изыскиваютъ случаи дѣлать услуги. Изъ сей робости заключаю о черни, что еслибъ не поддерживали ее въ томъ мятежѣ начинщики зла—абазинцы и черкесы—какъ и въ Козловѣ, при уговариваніи татаръ нашими офицерами, если бы не подбѣжалъ султанъ Арсланъ-Гирей—иначе они заговорили бы въ пользу Шагинъ-Гирея».

«При семъ прилагая вѣдомость крейсериющимъ судамъ, доношу, что порученная мнѣ команда азовской флотилии обстоитъ благополучно, больныхъ 14 человекъ и слабыхъ не имѣется».

Въ теченіе всего упомянутого времени всѣ наши собственно *военныя* дѣйствія, для успокоенія татаръ въ Крыму, ограничивались тѣмъ только, что по настоянію ханскихъ повѣренныхъ, находившихся на нашихъ судахъ, со шкуны «Измаилъ» по балаглавскому берегу сдѣлано было до 12 боевыхъ выстрѣловъ на воздухъ, да съ бомбарды «Азовъ» въ Феодосіи сдѣланы были только, для страха же, 7 пушечныхъ и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ по татарамъ и ихъ лодкамъ; да ханскими же повѣренными сняты были со всѣхъ прибрежныхъ татарскихъ лодокъ рули, весла и отнято было по двѣ обшивныя доски, для того чтобы привести ихъ на время въ негодность къ употребленію и лишить жителей возможности къ переѣздамъ моремъ; но и за упомянутые выстрѣлы командирамъ судовъ отъ Козлянинова сдѣланъ былъ строгій выговоръ.

А за тѣмъ 20 сентября <sup>(1)</sup> находимъ уже въ донесеніи Козлянинова къ Потемкину нижеслѣдующее:

«Ото всѣхъ крейсериющихъ судовъ получилъ я извѣстія, что бунтующіе въ Крыму находятся весьма въ страхѣ. Султанъ Селимъ-Гирей съ Карасу-Базара пріѣхалъ въ Кафу, изыскивая способы бѣжать изъ Крыма переѣздомъ на таманскую сторону; а многіе мурзы стараются

(1) Дѣла кн. Потемкина, въ морскомъ архивѣ.

отъ бунтующихъ уйдти и принести свое повиновеніе свѣтлѣйшему хану Шагинъ-Гирею, изъ коихъ одинъ мурза, Решидъ-Чилябе, съ двумя прислужниками, ушедъ въ ахтіарскую гавань, на шкунѣ «Вячеславъ», пріѣхалъ въ Керчь. Всѣ способы отняты отъ бунтующихъ бѣжать изъ Крыма, лодки на крымскихъ берегахъ сдѣланы порчею неспособными къ плаванію, и они находятся въ страхѣ, имѣя всегда въ виду крейсериющія суда. Единственно только на турецкихъ судахъ, коихъ пристааетъ къ Козлову и къ берегамъ Крыма немалое число, могли бы они получить способъ къ переѣзду; то на сей случай предписалъ я командующимъ крейсериющихъ судовъ уговаривать турецкихъ реизовъ ласкою, чтобъ они отходили, представляя имъ на видъ—отсутствіе владѣтеля и въ Крыму замѣшательства; а если не послушаютъ, останавливаться подлѣ нихъ на якорѣ и удерживать, дабы не могли увезти кого-либо изъ крымцевъ».

И такъ, не далѣе какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, при содѣйствіи самого Шагинъ-Гирея и послѣ девятнадцати боевыхъ, но безвредныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ нашихъ судовъ по мятежникамъ, возстаніе татаръ въ Крыму было почти утушено. И только тогда вступилъ въ Крымъ корпусъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Антона Богдановича де-Бальмена.

Всѣ предписанія Потемкина за это время, также какъ и результаты данныхъ имъ инструкцій, отчетливо свидѣтельствуютъ, съ какой тонкой предусмотрительностью и осторожностью онъ успѣлъ избѣжать при этомъ всякаго малѣйшаго кровопролитія. 21-го октября де-Бальмень перешелъ Перекопъ и 27-го вступилъ въ Карасу-Базаръ. Толпы вооруженныхъ татаръ, немедленно же по вступленіи нашихъ войскъ, разбѣжались и попрятались, и въ ноябрѣ 1782 года Шагинъ-Гирей окончательно былъ водворенъ на мѣстахъ своего жительства—въ Бахчисараѣ и Кафѣ.

1-го ноября де-Бальмень писалъ Козлянинову:

«По Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества

соизволенію, вступя еще прошедшаго октября 21-го числа для усмиренія бунтующихъ татаръ въ Крымъ, прибылъ уже съ войсками къ урочищу Большому Карасеву (т. е. къ Карасу-Базару); а отсюда, запасаясь провіантомъ, имѣю отправиться и далѣе, и взять свое въ Кафѣ расположеніе, и предлагаю вашему высокоблагородію, на случай въ провіантѣ тамъ недостатка, по отмѣнному вашему къ службѣ усердію, столь довольно всеѣмъ извѣстному, постараться перевести на ввѣренной вамъ эскадрѣ изъ Еникаля въ Кафу муки тысячу, или ежели можно и болѣе, четвертей съ пропорціею крупъ; и какъ теперь предметъ службы долженъ быть у насъ связанъ, то и гдѣ вы съ эскадрою крейсеровать и какія примѣчанія имѣть будете, равно и гдѣ на зиму расположитесь, не оставьте меня увѣдомить; да и впредь обо всемъ до свѣдѣнія моего касательномъ относитесь. А чрезъ сихъ татаръ <sup>(1)</sup> предварительно дайте знать, могу ли я надѣяться въ перевозкѣ изъ Еникаля въ Кафу какого-нибудь числа провіанта, и не помѣшаетъ ли въ томъ настоящая осень и вѣтры, или же что другое».

«Суда, назначенныя вами, съ 15-го прошлаго мѣсяца, къ мысу Таклы: шкуны и полякку оставлять теперь тамъ нужды не предвижу, потому что весь Крымъ повиновался уже его свѣтлости Шагинъ-Гирею хану; но ежели, по теперешнему осеннему времени, вѣтры и опасность идти воспрепятствуютъ, то можете приказать, войдя въ ахтіарскую пристань, хотя она еще нашими войсками и не занята, тамъ на зиму остаться, которая въ скоромъ времени, какъ нашими сухопутными войсками, такъ и отряженными изъ Херсона, подъ команду флота г. капитана 1-го ранга Одинцова, двумя военными фрегатами непремѣнно будетъ занята, изъ которой (если только сіе исполнить будетъ можно) не бесполезно будетъ весною самымъ раннимъ временемъ, соединя ихъ вмѣстѣ, произвести крейсерованіе; а прочія всѣ, сходно съ рапортомъ вашимъ отъ 2-го числа сего мѣсяца ко мнѣ присланнаго,

---

(1) Посланныхъ къ Козлянинову съ письмомъ отъ графа де-Бальмена.

можете также на зимовое пребываніе въ керченскій заливъ собрать; но только въ предохраненіе заразительной болѣзни взять надлежащую предосторожность, съ больными во флотиліи вашей находящимися».

Наконецъ, изъ письма де-Бальмена видно также, что съ ноября мѣсяца потребность въ удержаніи нашихъ крейсеровъ у Крымскаго полуострова миновалась, и что ахтырская бухта, по соображенію военныхъ обстоятельствъ въ 1782 году, признана была наиболѣе удобнымъ убѣжищемъ на зиму для нѣкоторыхъ изъ нашихъ судовъ, ради того только, чтобы имѣть ихъ на всѣ случаи въ готовности къ выступленію въ такой заводи, которая не замерзаетъ.

Но осеннія бури окончательно дотрепали наши мелкія и ветхія азовскія суда, и они, съ начала сентября уже, постепенно уходили въ Керчь для починокъ и потомъ держались у мыса Таклы, чтобы имѣть въ проливѣ убѣжище на случай крайности; а когда Козлянинову окончательно дано было позволеніе отъ де-Бальмена собрать свою эскадру и вести ее въ Керчь на зимовку, то уже началъ замерзать Керченскій проливъ и три судна: шкуна, ботъ и полякка, вышедшія въ декабрѣ изъ инкерманской бухты, должны были укрыться въ Балаклавѣ, а одна шкуна въ Кафѣ. Всѣ они находились въ довольно плохомъ состояніи, и потому предварительно уже, какъ было выше сказано, для военныхъ потребностей въ распоряженіе начальника войскъ въ Крыму назначены были находившіеся въ Херсонѣ два наиболѣе исправные фрегата №№ 8 й и 11-й. Послѣдніе на-скоро были вооружены и, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Ивана Максимовича Одинцова, посланы на зимовку въ ахтырскую бухту, которая представляла, по отзыву Козлянинова, хорошо закрытое якорное мѣсто, гдѣ въ случаѣ надобности зимующимъ судамъ способно было производить и всякаго рода исправленія.

17-го ноября прибылъ туда съ фрегатами Одинцовъ. Изъ нихъ фрегатъ № 8-й (впослѣдствіи «Осторожный»), находился подъ командой капитанъ-лейтенанта Степана Юрасова, а № 11 й (впослѣдствіи «Храбрый») — капитанъ-

лейтенанта Ивана Щербачева. Оба фрегата были построены на гнило-тонской верфи корабельнымъ мастеромъ Касановымъ. Изъ вышеприведенной вѣдомости можно судить о силѣ ихъ артиллеріи.

Это были первыя наши военныя суда, прибывшія на зимовку въ Инкерманскій или Ахтырскій заливъ.

На основаніи данныхъ отъ адмиралтействъ-коллегіи общихъ предписаній и инструкцій для командировъ нашихъ военныхъ судовъ, назначаемыхъ въ плаваніе по Черному морю, Одинцовъ распорядился произвести промѣръ ахтырской бухты, и карта такого промѣра 7-го марта 1783 г. представлена имъ была начальнику херсонскаго порта Ганнибалу, при нижеслѣдующемъ донесеніи <sup>(1)</sup>:

«Имѣю честь представить сдѣланную ахтырской гавани, съ ея заливами, съ промѣромъ глубины и положенія береговъ, карту, въ которой, какъ военныхъ кораблей, такъ и прочихъ судовъ безъ всякой нужды до 50 и больше установиться можетъ. Чтожь принадлежитъ до битья въ оной гавани паловъ, то оное по глубокости гавани неудобно; да и нѣтъ въ ономъ нужды, такъ какъ всѣ корабли и прочія суда могутъ безвредно стоять на якорѣ, или вмѣсто паловъ положены будутъ якоря однорожные, то крѣпиться за оныя. Для строенія казармъ, офицерскихъ покоевъ и магазиновъ удобнѣе нѣтъ мѣста какъ показаннаго на картѣ подъ литерою F, которой и особой планъ при семъ представляю <sup>(2)</sup>. Чтожь принадлежитъ до крана и киленбанка, то хотя и у сего мѣста сдѣлать можно, но весьма лучше въ бухтѣ подъ литерою O или N потому что во всегдашнее время тихо и волненія никакого не бываетъ; крутость береговъ и продолжающаяся отъ оной глубина показаны на картѣ; впадающихъ въ оную гавань рѣчекъ, кромѣ одной небольшой рѣчки называемой Акерманки <sup>(3)</sup> (подъ буквой C) никакихъ нѣтъ; чтожь при-

<sup>(1)</sup> Подлинное донесеніе Одинцова имѣется въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

<sup>(2)</sup> На картѣ передѣланной и дополненной Берсеневымъ.

<sup>(3)</sup> Она же по татарски *Бюкь-Узень*, *Чорунъ* или впоследствии *Черная*.

надлежитъ до ключей и колодцевъ съ прѣсною водою, то весьма оныхъ довольно по балкамъ или лощинамъ, чему и учиненъ отъ меня опытъ; на назначенномъ подѣ строеніе мѣстѣ, внизу, вырыто (литеры F и W) 4 колодца, изъ которыхъ нынѣ на фрегаты получаютъ воду. Селеніе одно—въ самой гавани (лит. F), гдѣ нынѣ съ фрегатомъ служители въ построенныхъ казармахъ жили, но только дворовъ до 8-ми. Въ устьѣ-жъ показанной рѣчки Акерманки есть старинный, а нынѣ пустой городъ Акерманъ (подѣ буквою A); подлѣ онаго деревня домовъ до 25-ти (подѣ буквою D), но всѣ пустыя, въ которыхъ нынѣ расположенъ гренадерскій баталіонъ. На сѣверномъ берегу отъ гавани, въ 5-ти верстахъ, деревня Бельбекъ (подѣ буквою T), дворовъ до 30, гдѣ и рѣчка есть того-жъ имени. Также во всей окружности все жилия мѣста. Подлѣ гавани подѣ берегомъ лѣсъ растетъ мелкой дубнякъ, осокаръ и можжевельникъ; на сѣверномъ берегу къ Бахчисараю, отъ гавани верстахъ въ 20, есть лѣса дубовыя и сосновыя; но какъ они велики, дѣйствительно показать не могу. Старый Херсонъ (подѣ буквою S) на южномъ берегу, при самомъ входѣ въ гавань, отъ стоящихъ нынѣ въ гавани на якоряхъ фрегатомъ въ разстояніи  $6\frac{1}{2}$  верстѣ (¹)».

«Съ начала пребыванія моего въ ахтырской бухтѣ прошло 1782 года съ 17-го ноября, по 7-е марта 1783 года, порученной мнѣ эскадры фрегаты стоятъ на однихъ якоряхъ посрединѣ самой бухты; при перемѣнѣ якорей канаты всегда бывають цѣлы, потому что грунтъ иль мягкій; при всѣхъ бываемыхъ крѣпкихъ вѣтрахъ волненія никакаго не бываетъ, кромѣ востоваго, отъ котораго при вѣтрѣ не малое волненіе; а по утищеніи — зыбь, но безвредна. Въ разныхъ мѣстахъ опущены съ грузомъ доски, также и фрегаты осматриваемы при кренгованіи; однако, червь нигдѣ не присмотрѣнъ: сему причина—часто бываемая при остовомъ вѣтрѣ, по поверхности губы изъ рѣчки Акерманки, прѣсная вода; въ губѣ превеликое множество дельфиновъ или касатокъ; но они *безвредны*».

(²) Между нынѣшними Карантинной и Стрѣлцкой бухтами.

Дѣйствія Ганнибалы по устройству херсонскаго порта и строенію тамъ кораблей оказались, однакожь, медленны; и потому, по представленію Потемкина, 11-го января 1783 года адмиралтействъ-коллегіи данъ былъ нижеслѣдующій высочайшій указъ:

«Для командованія заводимымъ флотомъ Нашимъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ повелѣваемъ тотчасъ отправить Нашего вице-адмирала Клокачева (1), которому для принятія потребныхъ наставленій явиться у Нашего генералъ-губернатора князя Потемкина» (2).

«Адмиралтействъ Коллегія долженствуетъ по требованіямъ его, вице-адмирала, подавать ему всякое зависящее отъ нея пособіе».

Въ помощь Клокачеву, 12-го того же января, назначены были капитаны Робертъ Дугдаль и Фома Фомичъ Мекензи, съ производствомъ ихъ въ контръ-адмиралы.

Въ началѣ марта прибылъ Клокачевъ въ Таганрогъ — осмотрѣлъ тамъ портъ и суда, и 10-го апрѣля принялъ въ Керчи наличныя суда азовской флотиліи, числомъ 11 (3). Съ эскадрой, составленной имъ изъ этихъ судовъ, подъ флагами: своимъ и контръ-адмирала Мекензи, пріѣхавшаго въ Керчь сухимъ путемъ на Карасу-Базарь (4), Клокачевъ 2-го мая прибылъ въ ахтырскую бухту, откуда 6-го мая онъ писалъ въ Петербургъ графу Чернышеву:

«Въ сей бухтѣ я нашелъ два фрегата, подъ командой капитана Одинцова, и принялъ ихъ въ свое командованіе».

«При семъ непременно я вашему сіятельству донести, что при самомъ входѣ въ ахтырскую гавань дивился я хорошему ея съ моря положенію; а вошедши и осмотрѣвши

---

(1) Тотъ же Федоръ Алексѣевичъ, который былъ главнымъ командиромъ азовской флотиліи.

(2) Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

(3) Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

(4) Суда эти были: 3 фрегата подъ №№ 9, 10, 13; два донскіе корабля: Хотинъ и Азовъ; три шкуны: Побѣдославъ, Измаиль и Вячеславъ; двѣ полякки: Патмосъ и св. Екатерина и боть Витюгъ. Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ подлинныхъ донесеній Клокачева; въ исторіи же черноморскаго флота Аркса, у Арцымовича и другихъ они невѣрны.



могу сказать, что во всей Европѣ нѣтъ подобной сей гавани — положеніемъ, величиной и глубиной. Можно въ ней имѣть флотъ до ста линейныхъ судовъ; ко всему же тому сама природа такіе устроила лиманы, что сами по себѣ отдѣлены на разныя гавани, то есть — военную и купеческую. Безъ собственнаго обозрѣнія нельзя повѣрить, чтобы такъ сія гавань была хороша. Нынѣ я принялся акуратно сію гавань и положеніе ея мѣстъ описывать, и, коль скоро кончу, немедленно пришло карту».

«Ежели благоугодно будетъ Ея Императорскому Величеству имѣть въ здѣшней гавани флотъ, то на подобномъ основаніи надобно здѣсь будетъ завести портъ, какъ въ Кронштадтѣ».

«За должность себѣ поставляю вашему сіятельству похвалить здѣшніе 40-пушечные фрегаты (№ 8 и 11); въ ходу хороши, расположена порядочно батарея, и служителямъ жить покойно: могу сказать, что въ главномъ флотѣ нѣтъ еще таковыхъ фрегатовъ и г-нъ корабельной мастеръ Катарасановъ — такъ какъ сіи фрегаты строены по его чертежу — заслуживаетъ, чтобы отдать ему въ томъ справедливость».

А между тѣмъ дѣло политическое шло своимъ чередомъ. Покуда войска наши находились въ Крыму, Потемкинъ успѣлъ убѣдить крымскаго хана, что его царствованіе тамъ держаться можетъ только при помощи русскаго войска, и что новый взрывъ его подданныхъ въ пользу сильныхъ его противниковъ, претендующихъ одинаково съ нимъ на ханскій престолъ, каждоминутно можетъ стоить ему всего имущества и жизни. Татарскихъ старшинъ удалось ему также склонить, при посредствѣ хана же — угрозами, обѣщаніями и деньгами — чтобы они признали надъ собой власть нашей императрицы, и 14-го апрѣля 1783

года (1) Шагинъ-Гирей подписалъ Веселитскому отречение отъ престола, а де-Бальмень приводилъ старшинъ къ присягѣ на подданство Россіи—и присоединеніе къ ней Крыма, въ вѣчное владѣніе, торжественно совершилось. Западная Европа не успѣла еще опомниться, когда Булгаковъ завершалъ въ Константинополѣ все дѣло этого присоединенія, новой торговой и дружественной конвенціей нашей имперіи съ Турціей. Шагинъ-Гирей вознагражденъ былъ отъ насъ огромнымъ пенсіономъ.

Федотъ Алексѣевичъ Клокачевъ успѣлъ, между тѣмъ, подробно осмотрѣть всю Ахтырскую бухту и поручилъ капитанъ-лейтенанту Берсеневу вывѣрить уже сдѣланный ей промѣръ и съ возможной точностью нанести на карту ситуацію окружныхъ береговъ. Такая карта 13-го іюля 1783 года представлена была имъ въ адмиралтействъ-коллегію (2), гдѣ она и послужила руководствомъ ко всеѣмъ послѣдующимъ соображеніямъ по устройству въ Ахтырской бухтѣ нашего военного порта. Все бухты, вдающіяся въ южный берегъ Инкерманскаго залива, не получили еще тогда опредѣленныхъ названій, которыхъ потому и не находится на картѣ Клокачева — и долго еще впослѣдствіи онѣ носили ихъ только по преданію. Такимъ образомъ, бухта, гдѣ килевались одинцовскіе фрегаты, названа была «Киленбалкой»; слѣдующая, не глубоко вдавшаяся впадина въ берегъ, гдѣ самыя большія суда могли плотно подходить къ землѣ, получила уже впослѣдствіи только, названіе «Корабельной» бухты; слѣдующая, большая, названа была «Южной» бухтой или, собственно, «Гаванью»; затѣмъ малая, гдѣ складывались порохъ и снаряды — «Артиллерійской»; далѣе гдѣ снова впослѣдствіи же, былъ устроенъ карантинъ, «Карантинной бухтой» и такъ далѣе.

(1) Въ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, донесенія Веселитскаго и де-Бальмена.

(2) Точная копія съ этой карты имѣется на выставкѣ.

#### IV

##### УЧРЕЖДЕНІЕ ПОРТА НА КТЕНУСЪ.

Судьбы греческаго Ктенуса.—Окончательный акт утверженія за нами Крыма. — Вице-адмиралъ Клокачевъ учреждаетъ въ Инкерманской бухтѣ портъ. — Первый строитель порта — контръ-адмиралъ Мекензи. — Процессъ заведенія порта. — Первая эскадра, зимующая въ „Южной“ бухтѣ. — Имя собственное „Севастополь“. — Спускъ первыхъ черноморскихъ кораблей и первая портовая администрація въ Херсонѣ и Севастополѣ. — Второй годъ зимованія нашего флота въ Севастополѣ. — Ожиданіе прїѣзда императрицы. — Третій годъ зимованія. — Первые штаты черноморскаго флота и перемены въ главномъ его управленіи. — Кончина Мекензи.

А между тѣмъ, покуда шли въ Турціи переговоры по крымскимъ дѣламъ, намъ необходимо было заботиться объ умноженіи нашего флота и о томъ, чтобы всѣ наличныя его суда были въ постоянной готовности выходить на защиту береговъ вновь занятаго нами полуострова, при всякой опасности, грозившей намъ военнымъ столкновеніемъ. А на этомъ основаніи Ахтырская бухта, съ ея превосходной якорной стоянкой для судовъ и закрытыми природными пристанями, свободная во всю зиму ото льда, самымъ естественнымъ порядкомъ осталась, согласно мнѣнію поданному Клокачевымъ, лучшимъ сборнымъ пунктомъ для нашихъ военныхъ судовъ. Таковы были первыя современныя побудительныя причины къ тому, что она немедленно же была избрана главнымъ портомъ для нашего флота, въ качествѣ опорнаго пункта для всѣхъ послѣдующихъ нашихъ военныхъ комбинацій, которыя должны были совершаться на Черномъ морѣ при содѣйствіи этого флота.

Судьбы Инкерманской бухты, или греческаго Ктенуса, съ самыхъ первыхъ обитателей Тавриды были до того многообразны, что всѣ знаменитые археологи, какъ то: Палласъ, Дюбуа-де-Монперё и другіе, занимавшіеся изслѣдованіемъ ея окрестностей, остались въ этомъ отношеніи при однихъ вопросахъ — какъ это хорошо видѣть можно при свѣркѣ нашей карты 1773 г. штурмана прапорщичьяго

чина Батурина съ ихъ общими показаніями. Требованія прежнихъ аборигеновъ и колонистовъ этихъ мѣстъ были различны: то они занимали, какъ бы ради красоты мѣстоположенія, самый мысъ Партеонъ (1), лежащій на юру у всѣхъ возможныхъ вѣтровъ: то они располагались у входа въ самую Херронійскую бухту, какъ о томъ свидѣтельствовали многія существовавшія и существующія развалины; то они укрѣплялись на неприступныхъ горахъ, на высотахъ Инкермана—въ самой глубинѣ залива; то они были почитателями огня, то мифическихъ боговъ, то Магомета, то креста—во всѣхъ видоизмѣненіяхъ этихъ вѣрованій—какъ это доказывали остатки многообразныхъ памятниковъ и надписей бывшихъ и исчезнувшихъ. Всего болѣе оставили здѣсь слѣдовъ христіанскіе троглодиты. Самое названіе: «Инкермень», татарское названіе—«песчёрная крѣпость»—свидѣтельствуетъ, что даже самое имя, наиболѣе сохранившагося памятника мѣстной древности, для насъ утратилось. Современные жители, татары даже какъ будто объгали береговъ этой дивной гавани: отсюда, съ появленіемъ нашихъ войскъ, исчезли и послѣдніе признаки ихъ жилья въ единственной тамошней деревушкѣ Ахтыяръ, и Одинцевъ уже находить ее опустѣлой. И вотъ снова, съ нарожденіемъ глубокосидящихъ военныхъ кораблей, бухта эта дѣлается для нихъ однимъ изъ лучшихъ пріютовъ, какой только могла сама природа создать для этой цѣли.

19-го апрѣля 1783 года графъ де-Бальмень писалъ Клокачеву (2):

«Его свѣтлость Ханъ Шагинъ-Гирей вчерашней день далъ мнѣ знать чрезъ письмо, что онъ Ханство съ себя сложилъ; о чемъ и собраннымъ сей области отъ всѣхъ поколѣній духовенства и народа депутатамъ, далъ знать—оставляя правительство избраннымъ ими изъ стариковъ и почетныхъ людей. Я о семъ странномъ приключеніи из-

(1) Нынѣшній Херсонесъ.

(2) Въ московскомъ архивѣ и въ дѣлахъ графа Чернышева, находящихся въ морскомъ архивѣ.

вѣщая ваше превосходительство, присоединяю, что Порта получа сіе извѣстіе можетъ къ поощренію крымцовъ на избраніе новаго хана къ берегамъ крымскимъ, хотя малое число судовъ военныхъ отправить; то и нужно чтобы и наши суда около сихъ береговъ начали крейсировать. За симъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что ахтіарская гавань гренадерскимъ баталіономъ занята, а завтрашней день полки: копорскій и днѣпровскій пѣхотные и часть полевой артиллеріи туда же придутъ.

6-го мая отозванъ былъ Ганнибалъ въ Петербургъ, и Клокачевъ получилъ отъ князя Потемкина предписаніе принять въ свое полное завѣдываніе всю черноморскую портовую администрацію. А потому 8-го мая онъ передалъ дѣйствующую эскадру контръ-адмиралу Мекензи (1) и уѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ ему предстояло, по порученію Потемкина, заняться надлежащимъ устройствомъ новаго портового управленія.

Портовое хозяйство въ Херсонѣ Клокачевъ засталъ не въ блестящемъ положеніи, какъ это видно изъ его письма къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (2):

«Я пріѣхалъ въ Херсонъ 10-го мая», писалъ Клокачевъ. «Флотскую и адмиралтейскую команды нашелъ подъ управленіемъ г-на капитана 1 ранга Овцына, отъ котораго на другой день и взялъ въ мою команду; въ тотъ же день осматривалъ адмиралтейство и строищіеся корабли, которые нашелъ въ маломъ построеніи: паче что еще и недостаточно, къ строенію, всякаго званія лѣсовъ, въ коихъ ни капитанъ Овцынъ, ни корабельный мастеръ, даже и самые содержатели, ни приходнаго ни расходнаго счета не знаютъ; въ проѣздъ же мой довольно количество видѣлъ лѣсовъ разбросанныхъ при рѣчкахъ въ водѣ, изъ которыхъ, отъ давняго лежанія безъ сбереженія, много совершенно сгнило. Былъ я во всѣхъ магазинахъ, чтобъ

(1) Фома Фомичъ Мекензи принять въ русскую службу изъ Англіи въ чинѣ капитанъ-лейтенанта въ 1769 году, произведенъ въ капитаны 2 ранга 1770 іюня 26; въ капитаны 1 ранга 1777 апрѣля 21; въ 1782 г. іюня 28 въ капитаны генераль-маіорскаго ранга; 1783 января 12 контръ-адмираломъ.

(2) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

видѣть припасы и матеріалы; однако неожиданно сыскаль почти порожніе; да и въ маломъ содержатели отчету дать не могутъ; морскаго провіанта совсѣмъ въ заготовленіи нѣтъ, да и сухопутнаго есть самое малое количество. Словомъ сказать — сей портъ нашель я въ бѣдномъ и безпорядочномъ состояніи; крайнія чувствую хлопоты и заботу, чего со мной еще во всю службу не повстрѣчалось».

Только 16 сентября этого года спущенъ былъ со стапеля въ Херсонѣ первый линейный корабль нашего черноморскаго флота «Слава Екатерины» — тотъ самый, который былъ заложенъ еще въ 1779 году.

Такимъ образомъ все дѣло по устройству: помѣщеній для зимующихъ въ Ахтырской бухтѣ командъ, помѣщеній для больныхъ, склада для судовыхъ матеріаловъ и запасовъ, выпало на долю контръ-адмирала Мекензи.

Все это требовало возведенія разныхъ зданій. Въ 1782 году съ осени, какъ было сказано, Одинцевъ поставилъ свои фрегаты у деревушки Ахтыръ, а команды съ нихъ помѣщаль въ ея опустѣлыхъ татарскихъ мазанкахъ. Но Клокачевъ нашель это мѣсто слишкомъ безпкойнымъ для якорной стоянки своей эскадры, по причинѣ беззащитнаго положенія судовъ на большомъ заливѣ отъ западнаго волненья, и помѣстилъ ее въ наибольшей изъ бухтъ, вдавшихся въ южный берегъ Ктенуса. А при этомъ, всѣ магазины и жилыя строенія признано уже было болѣе способнымъ ставить ближе къ избранному вновь, лучшему убѣжищу для судовъ эскадры, то есть: на уступѣ западнаго берега этой бухты и по мысу, составлявшему ея западную оконечность на выходѣ въ заливъ. На случай же появленія турецкихъ военныхъ судовъ, на двухъ мысахъ съ каждой стороны, составляющихъ наиболѣе узкое мѣсто при входѣ съ моря въ большой заливъ или Ктенусъ, при помощи сухопутныхъ войскъ де-Бальмена, возведены были временныя батареи.

2 го іюля 1783 года Фома Фомичъ Мекензи пишетъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву нижеслѣдующее (1):

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

«Нынче мнѣ упражняемся въ ахтырской гавани—дѣлаемъ казармы, магазины; также завелъ уже маленькое адмиралтейство. Я имѣлъ счастье въ ахтырской гавани повалить корабль «Хотинъ» до киля, и оный исправилъ, и нашель ту течь, которая была весьма для него опасна. И по апробаціи отъ его высокопревосходительства Федота Алексѣевича (1) моихъ расположеній въ здѣшнемъ мѣстѣ, подаетъ мнѣ великую надежду, что и вашимъ сіятельствомъ будетъ (апробовано).

«Его свѣтлость князь Григорій Александровичъ (2) пріѣзжалъ сюда на самое короткое время, но не удостоилъ меня его присутствіемъ на эскадрѣ. Я къ нему ѣздилъ и подалъ рапортъ—изволилъ меня принять весьма ласково, и обѣщалъ пріѣхать нарочно на нѣсколько дней и быть у насъ».

«Не могу довольно расхвалить вашему сіятельству удобства ахтырской гавани», пишетъ далѣе Мекензи.

Портовые распоряженія Мекензи состояли въ томъ, что онъ, по приказанію Клокачева, выбралъ изъ своихъ командъ всякаго рода мастеровыхъ. При небольшой добавочной платѣ, особо имъ опредѣленной по этому поводу, и при нѣкоторой небольшой помощи сосѣднихъ жителей—то грековъ, то татаръ—онъ успѣлъ устроить первыя помѣщенія для мастеровыхъ на берегу и принялся возводить не только сараи и магазины по западной сторонѣ большой южной бухты, но также небольшіе флигеля для офицеровъ, помѣщенія для болящихъ и, во первыхъ, столовыя или кухни для судовыхъ экипажей, а потомъ и самыя казармы—занимая подъ строенія, береговыя, менѣе возвышенныя мѣста и пространство между гаванью и лежащей къ западу отъ нея другой небольшой бухтой.

Большое подспорье оказывалъ по возведенію новаго строенія тесаный камень, который добывался изъ окрестныхъ развалинъ; но доставка его къ новому порту представляла большія затрудненія, за малоимѣніемъ удобныхъ

(1) Клокачева.

(2) Потемкинъ.

для этого перевозныхъ грузовыхъ судовъ. Такъ какъ всѣ новые дома возводились для общаго удобства всѣхъ нашихъ новыхъ поселенцевъ-моряковъ, то всѣ они, съ перваго до послѣдняго, съ превеликимъ усердіемъ занимались этой работой—съ такимъ усердіемъ, какого нельзя конечно было встрѣтить у рабочихъ и распорядителей ни въ какомъ другомъ случаѣ. По свидѣтельству современниковъ <sup>(1)</sup>, добродушіе перваго начальника ахтырскаго порта много оживляло ходъ работъ по сооруженію послѣдняго. Офицеры и матросы, расходившіеся каждый день по окрестнымъ мѣстамъ для отыскиванія деревь на постройку, камня, и всего для себя пригоднаго—по образу поселенцевъ на полудикомъ мѣстѣ—нашли невдалекѣ отъ Херсонесса, на берегу нынѣшней «Козачьей» бухты, четыре грузовыя лодки <sup>(2)</sup>, испорченныя, во время возмущенія, ханскими повѣренными у здѣшнихъ обывателей, и покинутыя тамъ своими владѣльцами. Находка эта была очень хорошая, потому что каждая изъ лодокъ могла поднимать, по словамъ Мекензи, по 15 бочекъ съ водою, или же изрядный грузъ камня <sup>(3)</sup>. Всѣ наши моряки бросились переводить ихъ водой въ южную бухту ближе къ мастерскимъ, и выполнили эту операцію при помощи пустыхъ закупоренныхъ бочекъ: а притомъ положили сдѣлать сюрпризъ своему начальнику, и также освятить приличнымъ торжествомъ счастливую находку. Описаніе всего этого церемоніала приводимъ здѣсь со словъ <sup>(4)</sup> весьма почтеннаго очевидца и дѣйствующаго лица, вполнѣтвѣи знаменитаго нашего адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина, который въ это время состоялъ флагъ-офицеромъ <sup>(5)</sup> у Мекензи. Напомнимъ, что эскадра расположена была въ южной бухтѣ и адмиралъ Мекензи находился на своемъ фрегатѣ, и что,

(1) Въ запискахъ Сенявина, отрывками изданныхъ Арцымовичемъ.

(2) Въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегии.

(3) У Арцымовича до 3 тысячъ пудовъ каждая—что противорѣчитъ подлинному денесенію Мекензи, а по счету выходитъ до 3 тыс. пудовъ всѣ четыре вмѣстѣ.

(4) Помѣщено въ Морскомъ Сборникѣ.

(5) Походный начальникъ штаба.



для выполненія сюрприза, татарскія лодки приведены были къ мѣсту, избранному подъ адмиралтейство, ночью.

«Это было уже на разсвѣтъ», говоритъ Сенявинъ. «Я послалъ барказы, каждый на свое судно, съ приказаніемъ, чтобы немедленно присланы были на берегъ всѣ плотники, со всѣми наличными досками и гвоздями, кузнецы съ кузницами и съ инструментами, а барказы съ фалконетами, и при нихъ по тридцати холостыхъ зарядовъ; а капитаны смотрѣли бы, когда адмиралъ поѣдетъ на берегъ, тогда и они ѣхали бы за нимъ. Устроивъ все такимъ образомъ, я пріѣхалъ на фрегатъ въ то время, какъ адмиралъ только что проснулся; я доложилъ ему, что Богъ послалъ намъ добычу, четыре лодки, и что уже онѣ на берегу. Адмиралъ весьма тому обрадовался, поцаловалъ меня и сказалъ: «сегодня обѣдаютъ у меня всѣ капитаны; а съ тобою, Сенявинъ, выпьемъ мы особо по бутылкѣ шампанскаго». Въ десять часовъ мы позавтракали и поѣхали на берегъ, чтобы осмотрѣть лодки. Священникъ былъ уже въ облаченіи и отслужилъ молебень, послѣ чего мы всѣ пропѣли: «Тебе, Бога, хвалимъ», подняли на лодкахъ флаги, барказы произвели пальбу 101 выстрѣлъ, потомъ со всего флота салатовано по тридцати одному выстрѣлу. Въ самое это время вошли въ гавань два галіота и три казацкія лодки изъ Таганрога, нагруженныя разными вещами для исправленія судовъ нашихъ и первоначальнаго береговаго обзаведенія. Контръ-адмиралъ Мекензи былъ внѣ себя отъ радости, и когда всѣ выпили по рюмкѣ шампанскаго, онъ, приказавъ наливать по другой, сказалъ: «Сенявинъ — надобно теперь, чтобы изъ всѣхъ орудій палили, въ одно время»; онъ особенно любилъ пушечную пальбу, и въ тотъ же моментъ, по сигналу, началась пальба со всѣхъ судовъ и барказовъ; мы всѣ подняли рюмки, поздравляли его, онъ благодарилъ и сказалъ: *бай готъ* (1), какъ это все хорошо устроилъ

(1) Мекензи говорилъ по русски съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ, а къ русскимъ словамъ подмѣшивалъ англійскія, и когда писалъ, то перемѣшивалъ русскія буквы съ иностранными.

Сенявинъ. Спасибо тебѣ. Дайте намъ вина—выпьемъ еще по рюмкѣ, за здоровье всѣхъ насъ. Прикажи налить еще столько же».

А когда всѣ общія постройки шли уже довольно успѣшно, то, съ разрѣшенія и одобренія князя Потемкина, и также на случай прїѣздовъ гостей, Мекензи заложилъ и строилъ домъ для начальника эскадры, у входа въ бухту, на ея западномъ мысѣ. Сверхъ того, Потемкинъ зналъ, что Мекензи былъ большой садоводъ и потому отвелъ ему подъ хуторъ хорошее мѣсто, въ глубинѣ Ингерманскаго залива, на возвышеніяхъ за старой крѣпостію.

Инструменты и металлическіе предметы для всѣхъ строительныхъ и портовыхъ надобностей были потребованы въ Севастополь изъ Таганрога, откуда портовое хозяйство уже начинало постепенно переводиться къ Херсону. Но всѣ предпринятія работы въ ахтырскомъ портѣ встрѣчали, еще и затѣмъ, много препятствій.

Осенью этого года (20-го ноября) Мекензи писалъ въ адмиралтействъ-коллегію (1):

..... Строеніе для житія штабъ и оберъ-офицерамъ свѣтлицъ, а нижнимъ чинамъ казармъ и къ поглажѣ матеріаловъ, припасовъ и провіанту, магазины, нѣкоторые приходятъ къ окончанію, а другіе начинаются, для которыхъ лѣсовъ и матеріаловъ весьма мало, а другихъ совсѣмъ нѣтъ — и однимъ словомъ, во всемъ при здѣшнемъ портѣ крайній недостатокъ. Плаваніе же транспортнымъ судамъ по нынѣшнему глубочайшему осеннему времени прекратилось. По каковымъ обстоятельствамъ принужденнымъ себя нашелъ, для исправленія фрегатовъ, равно и поврежденныхъ гребныхъ судовъ, просить чрезъ посланнаго отъ меня офицера, татарскихъ начальниковъ, для отысканія въ ихъ дачахъ годныхъ деревъ, а на послѣдокъ въ вырубку и вывозку ихнимъ каштомъ за сходную казнѣ цѣну, позволенія; который возвратясь объявилъ, что на все сіе тѣ начальники согласны. Но безъ позволенія сей коллегіи самъ собою приступить не осмѣливаюсь. При всемъ же

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

ономъ, при ввѣренной мнѣ эскадрѣ, денежной казны по наличію почти ничего нѣтъ».

Кромѣ того, чувствовался еще большой недостатокъ въ прѣсной водѣ—для полученія которой приходилось заботиться объ устройствѣ водопроводовъ.

А между тѣмъ, такъ какъ всѣ новыя наши военныя суда, построенныя съ 1771 и до 1783 года на Дону и въ Херсонѣ, числились еще подъ номерами, то, по предложенію Клокачева, Потемкинъ далъ на его имя 18-го іюня 1783 года нижеслѣдующій приказъ (1):

«Безыменнымъ въ командѣ вашего превосходительства фрегатамъ даны отъ меня слѣдующія названія: седьмому—«Херсонъ», восьмому—«Осторожный», девятому—«Поспѣшный», десятому—«Крымъ», первому-на-десять—«Храбрый», второму-на-десять—«Стрѣла», третьему-на-десять—«Побѣда», четвертому-на-десять—«Перунъ», пятому-на-десять—«Легкій», шестому-на-десять—«Скорый», купленному у купца Фурсова—«Вѣстникъ», а бомбардирскому кораблю—«Страшный». Ваше превосходительство о такомъ ономъ именованіи имѣете предложить въ командѣ вашей».

Въ теченіе перваго года пребыванія нашей военной эскадры въ Инкерманскомъ заливѣ, нѣкоторыя наши суда продолжали крейсерство на опредѣленныхъ дистанціяхъ около крымскихъ береговъ; а одинъ небольшой сторожевой отрядъ, подъ начальствомъ капитана Козлянинова, оставался при входѣ въ Керченскій проливъ у мыса Таглы.

Капитанъ 2-го ранга Павелъ Васильевичъ Пустошкинъ занимался промѣромъ и изслѣдованіемъ пути для нашихъ судовъ отъ Херсонесса до устьевъ Днѣпра и Буга.

Проходя мимо Хаджи-Бея (2), въ іюль мѣсяцѣ, Пустошкинъ видѣлъ стоящія тамъ 2 корабля и 1 фрегатъ. А въ

(1) Въ дѣлахъ Потемкина, хранящихся въ морскомъ архивѣ. Мы вписываемъ его въ текстъ, такъ какъ всѣ эти обстоятельства, также какъ и названія нашихъ судовъ во всѣхъ, изданныхъ до этого времени печатныхъ сочиненіяхъ крайне передутаны.

(2) Турецкая крѣпость въ формѣ вооруженнаго замка, со стѣнами и башнями, въ мѣстности нынѣшней Одессы.

сентябрѣ, по поводу еще видѣнныхъ въ морѣ турецкихъ судовъ, для наблюденія за ними, посланъ былъ въ крейсерство нашъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Панаоти Алексіано (1).

9-го октября Мекензи доноситъ графу Чернышеву:

«Сего числа пришелъ послѣдній фрегатъ «Почталіонъ» изъ Таганрога, подъ начальствомъ г. капитанъ лейтенанта Оболянинова. Эскадра наша умножается ежедневно и дѣлаеть не малую фигуру въ здѣшнемъ мѣстѣ и думаю, кабы съ противной стороны что появилось, то поспорить могу. Г. капитанъ Алексіано былъ отъ меня отправленъ съ эскадрою въ крейсерство, для свѣдѣнія плавающихъ турецкихъ военныхъ кораблей близъ крымскихъ береговъ; но имѣвъ свое плаваніе шесть дней и неусмотрѣвъ ничего, возвратился благополучно»....

«Я имѣлъ счастье принимать, въ эскадрѣ своей, его свѣтлость князя Григорія Александровича Потемкина, который меня изволилъ удостоить откушать, такожъ его свѣтлость принцъ Виртембергскій съ разными знатными особами, которыя, осмотра здѣшнюю эскадру и строеніе, изволили отбыть съ удовольствіемъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Мекензи получилъ отъ Клокачева приказъ всю эскадру ввести въ новую гавань, впрочемъ, окончательно не разоружая; а въ полной готовности къ выступленію въ море имѣть однихъ крейсеровъ. И потому въ началѣ ноября всѣ наши наличныя черноморскія военныя суда располагались въ Ахтырѣ на первую зимовку; всѣ они были теперь въ сборѣ и въ первый годъ приобрѣтенія нами Крыма именно они и составляли нашъ военный дѣйствующій флотъ на Черномъ морѣ. Здѣсь прилагается списокъ этимъ судамъ. Причемъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они покуда еще были строены на донскихъ верфяхъ, и только три шкуны приведены съ Дуная.

(1) По нашимъ архивнымъ спискамъ: Павелъ Алексіано, изъ грековъ—1770 марта 4 поступилъ въ Архипелагъ на нашъ флотъ волонтеромъ и переименованъ потомъ въ капитанъ-лейтенантъ; 1793 апрѣля 21 произведенъ въ капитанъ 1 ранга.



что я самъ, съ корабельнымъ подмастерьемъ, вздиль въ здѣшнія горы, гдѣ растутъ оныя деревья, и нахожу по близости здѣшнихъ мѣстъ, годныя кницы (1) для починки фрегатовъ; такожь и для стандеровъ и брештуговъ—ви- сячія и лежачія кницы; а для гребныхъ судовъ форштевни и наборъ, и на обшивку въ доски кряжья. Такъ какъ мнѣ здѣсь великая надобность состоитъ въ барказахъ, то намѣренъ заложить два, чтобъ могли во время нужды поднять становой якорь, такожь и въ случаѣ надобности транспортировать людей съ берега на суда, могли бы подымать до ста человѣкъ».

«Будучи здѣсь я нашелъ въ разныхъ мѣстахъ, по бли- зости здѣшняго берега нѣсколько лодокъ татарскихъ послѣ ушедшихъ татаръ—снявъ оныя починилъ и вооружилъ; че- тыре (2), кои поднимаютъ не менѣе пятнадцати бочекъ съ водою, сдѣлали намъ великую выгоду, какъ для возки воды на фрегаты, такъ и каменьевъ изъ стараго Херсона».

При всемъ томъ повальные болѣзни свирѣпствовали въ это время по всему сѣверному берегу Чернаго моря, и 27-го октября этого года скончался отъ гнилой горячки первый главный командиръ черноморскаго флота Клока- чевъ, о которомъ—какъ это видно изъ многихъ современ- ныхъ писемъ (3) — всѣ его подчиненные изъявляли боль- шое сожалѣніе. А Козляниновъ, также во все это лѣто остававшійся при эскадрѣ въ Керчи по болѣзни, стоско- вался, и осенью выпросился, чтобы его снова отпустили на службу въ балтійскій флотъ.

Все это потревожило и озаботило Мекензи, какъ это было видно изъ его писемъ къ графу Чернышеву. Здѣсь же приводится выписка изъ его донесенія адмиралтействъ- коллегіи, отъ 2-го февраля 1784 г., характеризующая до нѣкоторой степени положеніе нашей эскадры въ ново-

(1) Бривыя деревья, соединявшія бимсы, или судовыя балки, съ бортамъ.

(2) О которыхъ Сенявинъ упоминалъ въ своихъ запискахъ.

(3) Письма Мекензи, Костливецва, Фалѣва, Афонасьева къ графу Черны- шеву и князю Потемкину, въ дѣлахъ морскаго и московскаго архивовъ.

избранномъ для нея портѣ, въ ту первую зиму, которую она провела на бывшемъ греческомъ Ктенусѣ: ... «И на все оное вашему сіятельству донести честь имѣю, что ввѣренная мнѣ эскадра введена въ гавань прошлаго 1783 года ноября въ первыхъ, а брайдваденныя суда въ послѣднихъ числахъ; и по предписанію покойнаго г-на вице-адмирала Клокачева совсѣмъ не были разоружены, а только отвязаны нижніе паруса, опущены реи и стеньги... И по вводѣ судовъ въ гавань, по малоимѣнью квартирѣ, а притомъ, хотя нѣкоторое число оныхъ и было, но всѣ тѣ покои сдѣланы каменные, и въ самомъ позднемъ осеннемъ времени — и какъ скоро начали топить печи, то была въ оныхъ сырость; а оттого легко могли сдѣлаться, а особливо на новомъ мѣстѣ, лихорадки и гнилыя горячки, а на послѣдокъ, чего Боже сохрани, могла возродиться повальная болѣзнь (что въ егерскомъ батальонѣ отъ сего уже и померло до 500 человекъ). Я, всего онаго избѣгая ко спасенію всего общества, оставилъ всѣхъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ и служителей на судахъ, кромѣ тѣхъ, кои у печенія хлѣбовъ и другихъ надобностей; и всѣмъ имъ производится половинный морской провіантъ. А вино, въ подкрѣпленіе по здѣшнему тяжелому климату и по многимъ въ заведеніи береговаго строенія работамъ, каждый день отпускалось по чаркѣ, — мясо, вмѣсто соленого, свѣжее парное — съ такой выгодой, чтобъ чрезъ сію свѣжую нищу лишиться болѣзни; и сія поставка происходитъ, по силѣ заключеннаго въ бывшей покойнаго главнаго командира канцеляріи, обязательства. А притомъ и для покупки того мяса послать никого (за оказавшеюся въ лежащихъ въ ближнемъ разстояніи татарскихъ деревняхъ, даже и въ полкахъ, великой опасной болѣзни) не можно. Съ каковою предосторожностію, хотя на нѣкоторыхъ судахъ показалась зараза, но чрезъ прилежное стараніе употреблены были къ тому, по искусству медицинскихъ чиновъ, разныя надобности и оная истребилась; а бывшіе при тѣхъ служителяхъ казенные мундиры — равно, по неимѣнью тогда госпиталей, изъ парусовъ палатки, по выдержаніи полу-

чившихъ отъ болѣзни свободу шести-недѣльнаго каран-  
тина, чтобъ не нанести отъ оныхъ вреда, созжены.... Всѣ  
фрегаты приходятъ изъ Таганрога внутри оныхъ не во  
всей исправной отдѣлкѣ, и вооружены были съ посред-  
ственнымъ искусствомъ. Въ здѣшнее-жъ мѣсто нерѣдко  
знатныя особы для обозрѣнія гаваней и судовъ приѣз-  
жаютъ; то чтобъ не имѣть чрезъ ихъ неисправность и  
какую фламану неприличную въ опрятности судовъ не-  
прилежность, принужденъ многіе фрегаты перевооружать  
и другія неудобности исправлять, — что уже и дѣлается.  
Лѣсовъ сосновыхъ требовалось немалаго количества. Сему  
принуждаетъ меня необходимая нужда для исправленія ко-  
раблей: «Хотина», «Азова» и другихъ судовъ. А при томъ  
въ сдѣланныя мастерскія, штабъ и оберъ-офицерскіе по-  
кои, служительскія казармы, въ магазины, въ госпиталь —  
необходимо половъ, потолоковъ и къ тому нужныхъ дере-  
вянныхъ надобностей съ тѣмъ, чтобы въ нынѣшнее лѣто  
во всѣхъ оныхъ покояхъ сказанное сдѣлать. Отпущенные,  
при отправленіи, на всѣ суда кабельтовы и толстые тросы,  
по вводѣ въ бухту этихъ судовъ, по неимѣнію около бе-  
реговъ и по срединѣ гавани паловъ, а къ нимъ шварто-  
вовъ, употребляются становые якоря съ канатами на глу-  
бинѣ, а кабельтовы и тросы завезены на берегъ и за-  
крѣплены за каменья». оризи — дѣлать онъ вѣроятно шло

Во всякомъ случаѣ, все это показываетъ, что строеній  
и въ первое лѣто въ новомъ портѣ возведено было до-  
вольно, и много еще было начато и проектировано; а  
портъ носилъ все еще имя послѣдней необитаемой татар-  
ской деревушки, забытой на сѣверномъ берегу залива, —  
и потому Потемкинъ избралъ для него, по выраженію  
Дюбуа де-Монпере, фантастическое имя въ греческомъ  
стилѣ — «Севастополь», что значитъ приблизительно — «по-  
чтенный городъ»; и имя это было утверждено за нимъ  
нашей императрицей въ началѣ 1784 года. умот ся везд

3 | Это новое названіе много упростило всю номенклатуру  
мѣстности. Греческія ея имена въ описываемое нами  
время никому у насъ не были извѣстны. Ихъ восстано-



вили только позднѣйшіе археологи и нумизматы. Главный заливъ называли у насъ тогда кто просто Ахтыромъ, кто Ахтырской гаванью. А южнымъ его впадинамъ и вовсе не было никакого названія. Съ наименованіемъ же адмиралтейской мѣстности, то есть — мѣстности, лежащей между нынѣшними Южной и Артиллерійской бухтами «Севастополемъ» — дѣло нѣсколько выяснилось. Многіе уже стали называть главный заливъ, то есть самый Ктенусъ, рейдомъ, а большую его бухту Корабельной гаванью; и потомъ уже ориентировались отъ Севастополя, называя: «Первая бухта къ востоку», «вторая — къ востоку отъ гавани», «первая къ западу отъ Севастополя», и такъ далѣе. Но такъ какъ первое впечатлѣніе бываетъ почти всегда прочнѣе, и притомъ запрета отъ Потемкина не было называть новое мѣсто, какъ кому было угодно, то на всѣхъ картахъ и во многихъ официальныхъ бумагахъ имя Ахтыра долго еще оставалось первенствующимъ, и было даже, какъ увидимъ ниже, при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, восстановлено за Севастополемъ официально.

24-го ноября 1783 года, вмѣсто покойнаго вице-адмирала Клокачева, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота назначенъ былъ контръ-адмиралъ Яковъ Филипповичъ Сухотинъ, съ производствомъ его въ вице-адмирала.

Въ инструкціяхъ, данныхъ послѣдному отъ главнаго начальника Новороссійскаго края, предписано было ему руководствоваться прежними наказами, а главное вниманіе обратить:

1) На болѣе поспѣшную достройку заложенныхъ 6-ти кораблей и додѣлку адмиралтейскаго строенія.

2) На заготовку лѣсовъ и постройку для Черноморскаго флота 8-ми новыхъ 50-ти-пушечныхъ фрегатовъ.

3) На принятіе всякихъ предосторожностей отъ появляющихся повальныхъ болѣзней.

Все это, впрочемъ, относилось только до Херсона и флота вообще: въ Крыму же былъ свой губернаторъ, статскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Каховскій; а въ Севастополѣ Мекензи оставался совершенно въ независи-

момъ положеніи, какъ это видно изъ всѣхъ распоряженій князя Потемкина.

«Г. Мекензи пишетъ ко мнѣ», говоритъ Сухотинъ въ письмѣ своемъ графу Чернышеву, «что его свѣтлость (князь Потемкинъ) произведенныя имъ строенія одобрилъ и похвалилъ. Но я о нихъ вашему сіятельству донести ничего не имѣю, и какое о томъ мѣстѣ сдѣлано положеніе ничего не знаю (1)».

11-го и 13-го мая 1784 года спущены были на воду въ Херсонѣ первыя корабельныя камели, и 7-го іюня пошелъ на нихъ черезъ мелководіе, вышеупомянутый нами, первый нашъ черноморскій линейный корабль—«Слава Екатерины»; а 22-го іюня, былъ переведенъ за баръ, на тѣхъ же камеляхъ, перетимбированный въ Херсонскомъ адмиралтействѣ, донской фрегатъ «Херсонъ». На обоихъ этихъ судахъ, послѣ переводки ихъ, такимъ образомъ, на Днѣпровскій лиманъ, ставились и оснащались мачты, помѣщались орудія и прочія принадлежности; но полный грузъ они должны были получать при дальнѣйшемъ ихъ переходѣ къ морю—за мелководіе, находящееся между очаковскимъ и кинбурнскимъ берегами, куда всѣ другія ихъ тяжести, какъ-то: провизія, прѣсная вода, балласть и проч. уже доставлялись къ нимъ на транспортныхъ судахъ. Командиромъ на корабль «Слава Екатерины», назначенъ былъ капитанъ 1-го ранга графъ Маркъ Ивановичъ Войновичъ, а на фрегатъ «Херсонъ» капитанъ-лейтенантъ Перри. 14-го сентября этого года, и тотъ и другой, прибыли на Севастопольскій рейдъ и тамъ поступили подъ общее начальство контръ-адмирала Мекензи. «Я истинно восхищенъ прибытіемъ корабля, ибо судно сіе въ такой исправности, что лучше желать нельзя», — писалъ Мекензи графу Чернышеву.

12-го октября, того же 1784 года, спущенъ былъ въ Херсонѣ со стапеля еще одинъ корабль подъ № 1-мъ, которому дано было имя «Св. Павелъ» въ честь великаго

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

внязя наследника престола. Этотъ второй корабль поступилъ подъ начальство капитана 1-го ранга Федора Федоровича Ушакова (1).

Въ теченіи лѣтняго времени 1784 года у насъ на Черномъ морѣ все до того было спокойно, что только немногія изъ нашихъ военныхъ судовъ выходили въ плаваніе для экзерциціи. Изъ числа прочихъ, нѣкоторыя занимали брандвахтенные посты у разныхъ пунктовъ полуострова. Съ 24 го іюня, одинъ изъ приведенныхъ въ готовность къ выходу въ море отрядовъ, состоявшій изъ 3-хъ фрегатовъ, находился подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Берсенева и имѣлъ плаваніе отъ Козлова до Тарханкута и Балаклавы; а другой, такой же, оставался на рейдѣ подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Алексіано. Прочія суда были введены въ гавань и разоружены по зимнему.

Въ тоже время Мекензи пишетъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву:

«Работа здѣсь производится въ покрываніи разныхъ мастерскихъ; также и въ изысканіи прѣсной воды, которую нынче нашли въ пяти мѣстахъ (2) и хотимъ провести въ севастопольское адмиралтейство. 10-го августа приступлено было къ прокладкѣ нѣкоторыхъ водопроводныхъ трубъ (3)».

Далѣе пишетъ онъ:

«А такъ какъ въ здѣшней области дѣлаются приго-

(1) Ушаковъ, какъ это значитса въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи, «происходилъ изъ дворянъ Романова Борисоглѣбскаго уѣзда Ярославской губерніи, родился въ 1745 году и поступилъ въ морской шляхетный корпусъ кадетомъ 15 февраля 1761 года (дѣла адмиралтействъ-коллегіи 1768 кн. № 1); 1763 произведенъ въ гардемарины; 1764 сдѣланъ капраломъ; 1766 мая 1 вышелъ изъ корпуса въ мичмана; 1769 іюля 30 произведенъ въ лейтенанты; 1775 августа 20 въ капитанъ-лейтенанты; 1782 января 1 въ капитаны 2 ранга; 1784 января 1 въ капитаны 1 ранга; 1787 января 1 въ капитаны бригадирскаго ранга.

(2) Какъ это видно на картѣ севастопольскаго рейда, составленной въ 1808 году.

(3) Эти работы по прокладкѣ трубъ были приостановлены осенью въ томъ же году и впослѣдствіи не возобновлялись.

товления на будущей годъ для встрѣчи Ея Императорскаго Величества, то, конечно, и портъ севастопольскій не будетъ лишенъ Ея присутствія».

Полный составъ нашего наличнаго Черноморскаго флота, на второй годъ его зимовки въ Севастопольской бухтѣ, можетъ быть видѣнъ изъ нижеслѣдующей вѣдомости его судовъ за ноябрь 1784 года:

*Линейный корабль:*

«Слава Екатерины» . . . . . Въ севастопольской гавани  
разоружень.

*Донскіе корабли:*

«Страшный» . . . . . } Въ севастопольской гавани  
«Азовъ» . . . . . } разоружены.  
«Хотинъ» . . . . . }  
«Журжа» . . . . . При Керчи.

*Фрегаты:*

«Храбрый» . . . . . |  
«Осторожный» . . . . . |  
«Херсонъ» . . . . . |  
«Скорый» . . . . . |  
«Крымъ» . . . . . |  
«Стрѣла» . . . . . |  
«Легкій» . . . . . |  
«Поспѣшный» . . . . . | Въ севастопольской гавани  
«Побѣда» . . . . . | разоружены.  
«Перунъ» . . . . . |  
«Вѣстникъ» . . . . . |  
«Почталіонъ» . . . . . |

*Шкуны:*

«Побѣдославъ» . . . . . |  
«Вячеславъ» . . . . . |  
«Измаилъ» . . . . . |

*Шкунары:*

«Соколь» . . . . . При Керчи.  
«Курьеръ» . . . . . } Въ севастопольской гавани  
  } разоружена.

*Бота:*

«Новопавловскъ» . . . . .  
«Калміусъ» . . . . . } При Керчи.  
Пинки { № 1-й . . . . .  
          { № 2-й . . . . . } Въ севастопольской гавани  
Коммерческое судно:           } разоружены.  
«Бористень» . . . . .

На всѣхъ этихъ судахъ наличныхъ командъ находилось 4,080 человекъ.

Съ начала 1785 года въ Севастополѣ уже принялись дѣлать приготовленія къ принятію Императрицы.

28-го января Мекензи пишетъ графу Чернышеву:

«Дѣланіе здѣсь къ прибытію Ея Императорскаго Величества пристаней и разчистку дорогъ произвожу. Домъ, построенный для меня, его высокопревосходительство Михаилъ Васильевичъ Коховскій <sup>(1)</sup> приказалъ употребить къ прибытію Ея Величества вмѣсто дворца, который къ сему и пріуготовляется».

Въ теченіе 1785 года нашъ черноморскій флотъ еще увеличился нѣкоторыми судами; а именно: 16-го іюня въ Херсонѣ были спущены на воду — третій 66-пушечный корабль, названный «Марія Магдалина», и первый 50-пушечный фрегатъ херсонской постройки, имя которому было дано «Св. Георгій». Изъ нихъ, на корабль назначенъ былъ командиромъ капитанъ 1-го ранга Тисдель, а

(1) Генераль-аншефъ, начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму, остававшійся у исправленія должности новороссійскаго генераль-губернатора въ отсутствіе князя Потемкина.

на фрегатъ капитанъ 2-го ранга Клаверъ. Всѣ вновь построенныя въ Херсонѣ суда въ томъ же году прибыли въ Севастополь; а именно: корабль «Св. Павелъ», 28-го августа, фрегатъ «Св. Георгій», 4-го октября, и корабль «Св. Магдалина», 28-го ноября. И такимъ образомъ, къ зимѣ на 1786 годъ, нашъ черноморскій наличный флотъ при севастопольскомъ портѣ находился въ нижеслѣдующемъ составѣ: кораблей 68 — пушечныхъ 3; фрегатовъ: 50 — пушечный 1, 40 — пушечныхъ 9, 30 — пушечныхъ 2, 28 — пушечныхъ 1, всѣхъ — 13; шкуни 16 — пушечныхъ 3; малыхъ донскихъ кораблей 2 (29 и 14 орудій); шкунаръ и палубныхъ ботовъ 12 — пушечныхъ 4 и пинковъ 3. Всѣ прочія донскія суда были признаны негодными къ дальнѣйшему плаванію по Черному морю.

Командъ на всѣхъ наличныхъ судахъ 5,100 человекъ. Въ 1785 году, только 11-го іюля, изъ Севастополя выходила въ практическое крейсерство эскадра, состоявшая изъ корабля «Слава Екатерины» и 6-ти фрегатовъ, подъ начальствомъ старшаго изъ судовыхъ командировъ, капитана 1-го ранга Войновича. Она имѣла плаваніе вокругъ юго-западныхъ береговъ Крыма, отъ Кафы до Хаджибея и обратно, и 8-го августа возвратилась на севастопольскій рейдъ.

13-го августа 1785 года утверждены были первые штаты для нашего черноморскаго флота. Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по этому случаю, на имя князя Потемкина, сказано было (1):

«Утвердивъ поданные отъ васъ штаты Адмиралтейству и флоту Нашимъ на Черномъ морѣ, по главному вашему начальству въ томъ краѣ, повелѣваемъ быть имъ въ точномъ вѣдѣніи и управленіи вашемъ».

По этимъ штатамъ назначалось имѣть для Черноморскаго флота:

---

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева, имѣющихся въ морскомъ архивѣ; а также въ «Собраніи Законовъ Россійской Имперіи». II книга 1785 года ст. 101.

	Мелкихъ судовъ при каждомъ.							Ялбговы.
	Число судовъ.	Катеровъ.		Шлюпокъ.		Барказовъ.		
		12-весельныхъ.	10-весельныхъ.	8-весельныхъ.	6-весельныхъ.	18-весельныхъ.	12-весельныхъ.	
Кораблей 80-ти пушечныхъ . . . . .	2	—	1	2	—	1	—	—
» 66-ти » . . . . .	10	—	1	2	—	1	—	—
Фрегатовъ 50-ти » . . . . .	8	—	1	2	—	—	1	—
» 32-хъ » . . . . .	6	—	—	2	—	—	1	—
» 22-хъ » . . . . .	6	—	—	2	—	—	1	—
Для флагмановъ . . . . .	—	4	—	—	—	—	—	—
Ботовъ или шкуръ о 12 пуш. . . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
для брандвахтъ. . . . .	5	—	—	—	1	—	—	1
Транспортныхъ:								
Большой пропорціи . . . . .	5	}	—	—	1	—	—	8
Малой » . . . . .	3		—	—	—	—	—	—
Портовыхъ судовъ:								
Плашкоутовъ безпалубныхъ. . . . .	10	1	2	2	2	—	—	—
К а м е л е й:								
Корабельныхъ 80-ти пуш. ранга . . . . .	1	—	4	1	4	4	—	—
» 66-ти » » . . . . .	1	—	4	1	4	4	—	—
Фрегатскихъ 32-хъ » » . . . . .	1	—	3	1	2	2	—	—

На содержаніе всѣхъ чиновъ флота и управленія ассигновано было въ годъ — 607,049 р. 20 коп.

Великое дѣло привычка. Не смотря на теплый климатъ Чернаго моря и новое поприще дѣятельности, открывавшееся съ учрежденіемъ новаго флота, не всѣ наши прежніе моряки мирились съ новымъ и незнакомымъ для нихъ мѣстомъ и новой службой. Многие изъ нихъ убѣдительно и усиленно отпрашивались къ возвращенію ихъ въ балтійскій флотъ. Мы видѣли, что оттуда выбылъ Козляниновъ — одинъ изъ лучшихъ нашихъ флотскихъ офицеровъ; успѣлъ также отпроситься и Слизовъ, который, между прочимъ, былъ особенно рекомендованъ императрицѣ отъ крымскаго хана Шагинъ-Гирея, за его внимательную за-

ботливость о семействѣ послѣдняго при доставкѣ его, въ 1783 году, изъ Феодосіи въ Тамань. Наконецъ, успѣвъ отпроситься туда же и Яковъ Филипповичъ Сухотинъ — даже отъ главнаго командованія новымъ флотомъ. Вотъ его письмо графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, отъ 3-го ноября 1785 года (1):

«Я сего-жь мѣсяца, 1-го числа, имѣлъ счастье получить отъ его свѣтлости князя Григорія Александровича, чрезъ прибывшаго сюда опредѣленнаго въ херсонское черноморское адмиралтейское правленіе, старшимъ его членомъ, флота г-на капитана Мордвинова, повелѣніе, чтобъ мнѣ сему правленію препоручить всѣ вообще команды адмиралтейскія въ Херсонѣ находящіяся, канцелярскихъ служителей, мастеровыхъ и рабочихъ людей, денежную казну, и всѣ припасы и матеріалы, и строящіяся суда; а потомъ мнѣ возвратиться къ с.-петербургской командѣ, то есть — къ прежней моей питомицѣ Государственной Адмиралтейской Коллегіи, которое повелѣніе почитаю отъ мнѣ знакомъ ко мнѣ, его свѣтлости, милости; что облегчаетъ меня отъ немалой тягости. По исполненіи чего и буду имѣть честь явиться къ вашему сіятельству, милостивому государю моему, и препоручить себя въ милостивое ваше содержаніе».

И такимъ образомъ, 15-го ноября, въ Херсонѣ смѣнилъ Сухотина капитанъ 1-го ранга Николай Семеновичъ Мордвиновъ (2) въ званіи «старшаго члена черноморскаго адмиралтейскаго правленія».

Скоро за тѣмъ выбылъ изъ списковъ и первый строитель севастопольскаго порта. И вотъ какъ объ этомъ событіи, весьма печальномъ для всѣхъ тогдашнихъ севасто-

(1) Въ дѣлахъ графа Чернышева.

(2) Н. С. Мордвиновъ родился 17 апрѣля 1754 г., скончался въ 1845 г., 1766 іюля 24 записанъ былъ въ гардемарины; 1768 ноября 24 произведенъ въ мичмана; 1770 іюня 14 опредѣленъ былъ адъютантомъ къ своему отцу, адмиралу Семену Ивановичу; 1771 марта 31 назначенъ генеральсь-адъютантомъ къ адмиралу Ноульсу; 1783 апрѣля 21 въ капитаны 1 ранга; 1787 мая 13 въ контръ-адмиралы со старшинствомъ съ 1 января; 1792 февраля 24 въ вице-адмиралы; 28 февраля предсѣдательствующимъ въ черноморскомъ адм. правленіи.



польскихъ обывателей, рассказываетъ правдивый его свидѣтель—Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ:

«31-го декабря (1785 г.), во весь день было веселье у адмирала Макензи. Послѣ роскошнаго обѣда — прямо за карты и за танцы; всѣ были дѣйствующіе, зрителей никого, и кто какъ желалъ, тотъ такъ и забавлялся. За полчаса предъ полночью позвали къ ужину; въ послѣднюю минуту, предъ новымъ годомъ, рюмки всѣ налиты шампанскимъ, бьетъ двѣнадцать часовъ; всѣ встали, поздравляютъ адмирала и другъ друга съ новымъ годомъ; но адмиралъ нашъ—ни слова; тихо спустился на стулъ, поставилъ рюмку, потупилъ глаза въ тарелку и крѣпко задумался. Сначала всѣмъ показалось, что онъ выдумываетъ какой нибудь хорошей тостъ задать; а послѣ скоро примѣтили, что потъ на лицѣ его выступилъ, какъ говорится, градомъ; всѣ начали его спрашивать, что вамъ сдѣлалось, что вамъ случилось? Адмиралъ, сильно вздохнувъ, сказалъ: мнѣ нынѣшній годъ умереть, тринадцать насъ сидитъ за столомъ. Тутъ всѣ пустились увѣрять его, что эти примѣты самыя пустыя; всѣ рассказывали, что со всякимъ это случалось по нѣскольку разъ, и всѣ остались не только живы, но и здоровы; наконецъ, адмиралъ заключилъ, что умереть надобно, необходимо, но надобно также и рюмку свою выпить, благодарилъ всѣхъ и всѣхъ поздравилъ съ новымъ годомъ и рюмку свою выпилъ начисто, какъ бывало съ нимъ всегда. Встали изъ-за стола, принимались веселиться, да какъ-то все не клеилось. Адмиралъ мой сдѣлался очень скученъ, однако, не оставилъ, между тѣмъ, чтобы не нарядить себя въ женское платье и представить старую англичанку, танцующую минуэтъ; это была любимая его забава, когда бывалъ онъ веселъ. Скоро всѣ съ бала разошлись (потому разошлись, что тогда во всемъ Севастополѣ было всѣхъ экипажей одна адмиральская коляска, да корабельнаго мастера однѣ дрожки, на столбикахъ, которыя въ Москвѣ называются войлочки). На другой день адмиралъ былъ очень скученъ; вечеромъ только у графа Войновича нѣсколько развеселился, остальные святочные вечера проводили довольно весело и такъ ве-

село, что адмиралъ мой забылъ было, что недавно ужиналъ самъ-тринадцатымъ. Какъ вдругъ, 7-го числа, на вечерѣ, адмиралъ занемогъ, а 10-го, поутру, скончался; мнѣ сердечно было его жаль».

«Странно», прибавляетъ къ этому Д. Н. Сенявинъ— «кто вѣритъ такимъ причудамъ и нелѣпостямъ, съ тѣми часто и сбывается то; а кто не вѣритъ такимъ глупостямъ и предразсудкамъ, вымышленнымъ суевѣрами и малодушными, тѣ рѣдко подлежатъ такимъ событіямъ. Я, когда отправился въ Средиземное море, тогда штабъ мой составляли двѣнадцать человекъ, и до самаго возвращенія въ Россію я почти всегда садился обѣдать самъ-тринадцатый, а изъ насъ въ продолженіе четырехъ-лѣтія никто не былъ боленъ. Совѣтую всемъ, желающимъ избавиться напраснаго безпокойства, придерживаться моей безпечности, оправданной на прямомъ дѣлѣ».

## V.

### Война за Тавриду.

Существенные и общіе поводы къ войнѣ за Тавриду. — Наличныя суда нашего черноморскаго флота, готовыя на оборону Крыма. — Состояніе портовыхъ и городскихъ строеній въ Севастополѣ въ 1787 году. — Приѣздъ императрицы въ Севастополь. — Мѣры, принятыя къ оборонѣ Севастополя. — Объявленіе войны и начало военныхъ дѣйствій. — Неудачное выступленіе нашего флота. — Суворовъ и дѣла на Днѣпровскомъ лиманѣ. — Общее настроеніе нашихъ флотскихъ офицеровъ. — Ломбардъ. — Веревкинъ. — Образцы переобитныхъ военныхъ судовъ, на которыхъ мы открывали кампанію.

Велики были строители общеславянскаго зданія: Петръ I, Екатерина, Потемкинъ. «Скажите Ея Величеству», пишетъ Потемкинъ екатеринославскому и таврическому архіепископу Амвросію, выходявшему на встрѣчу императрицѣ въ Кременчугѣ, «о благодарности, какую Россія чувствуетъ въ превращеніи земли сей, изъ необитаемой степи, въ садъ плодоносный; перечислите всѣ пагубныя слѣдствія отъ бывшихъ сосѣдей, когда татары обладали прежде націею нашей; по разрушеніи же ихъ казанскаго царства, во-

гнѣздившіеся въ Крымъ, испускали по временамъ вредъ на многія провинціи. Но какъ десница ея величества стерла супостата, присоединила землю къ Имперіи — и народъ, прежде вредный, содѣлала намъ собратіей. Тутъ слава Ея проложила новый путь, по коему стопы предшественниковъ ея, не шествовали; испраздненъ Ею и внутренній недугъ: обращавшіеся во злодѣйствѣ обитатели пороговъ днѣпровскихъ, составляютъ нынѣ почтенное и стройное войско. Скажите, что сей край славъ Ея принадлежитъ; а потому народу онаго Она сугубо мать»... То есть, по мысли Потемкина: на твердомъ фундаментѣ Петра строилось великое зданіе, для благоденствія тѣхъ, которые поселялись въ немъ на житье.

Но великихъ трудовъ, великаго ума и великаго политическаго такта требовалось отъ строителей такого громаднаго зданія — не только для того чтобы производить его постройку, но также и для того, чтобы бороться съ враждебными силами, которыя отовсюду стремились его разрушать и подгапывать.

Всѣ письменные и рукотворные памятники, которые сохранились на землѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, особенно выразительно намъ свидѣтельствуютъ о борьбѣ добра и зла, въ постепенномъ развитіи всякаго общественнаго или политическаго бытія человѣка. Добро является намъ въ образѣ жизни осѣдлой, семейной, общежительной — отличающей человѣка отъ всѣхъ прочихъ животныхъ, и служащей единственнымъ источникомъ и проводникомъ прочной цивилизаціи, той цивилизаціи — которая доступна всякимъ нравственнымъ и механическимъ улучшениямъ въ обыденной жизни человѣка. Отсюда возникали города, накапливались капиталы, строились мореходныя суда и такъ далѣе... Напротивъ того: зло — являлось въ образѣ жизни кочевой, чужеядной, истребительной: здѣсь мы видимъ возникновеніе башенъ, бойницъ, валовъ, длинныхъ стѣнъ и за тѣмъ — существованіе развалинъ. Повѣствованія о такой борьбѣ живы для насъ не только по матеріальнымъ признакамъ, но даже и по историческимъ воспоминаніямъ. Они являются въ лѣтописяхъ древняго Рима, древней Гре-

ции, въ преданіяхъ и разсказахъ о норманнахъ, въ ближайшихъ для насъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о маврахъ, татарахъ, туркахъ... Исторія Рима и Греціи сохранили даже для насъ живыя лѣтописныя свидѣтельства о томъ, какъ сама цивилизація способна производить и плодить разрушительные элементы для семейнаго и общественнаго, общежительнаго, существованія человѣка. Но ни въ одной странѣ міра, можетъ быть, не сохранилось, до послѣдняго времени, столько рукотворныхъ памятниковъ этой борьбы, какъ на территоріи нашей Тавриды. Штурманъ прапорщичьяго ранга Иванъ Бутуринъ—первый цивилизованный изслѣдователь новѣйшаго времени, появившійся на этой мѣстности въ 1772 году, еще засталъ явственныя слѣды того обширнаго полу-мифическаго Херрониса, который захватывалъ подъ свои улицы и зданія весь Херронійскій или Ираклійскій полуостровъ—начиная отъ южнаго берега нынѣшняго севастопольскаго рейда, до бывшаго *Севозомоса* или *узкоустаго* Балаклавскаго залива и Георгіевскаго монастыря. Онъ нашелъ еще далѣе, слѣды чоргурскаго рва, простиравшагося, отъ устья Черной рѣчки до Балаклавы, и засталъ, чуть-ли не въ полной сохранности, двѣ сильныя крѣпости на флангахъ этого вала. Все послѣднее, очевидно, служило оградой для жителей Херрониса отъ натиска сосѣднихъ кочевыхъ народовъ.

Нѣкоторое понятіе о размѣрахъ развалинъ самаго города мы можемъ почерпнуть изъ описаній и рисунковъ ученыхъ изслѣдователей, посѣщавшихъ Крымъ уже впоследствии, такъ напримѣръ: у Палласа, Дюбуа-де Монпере и другихъ. Развалины эти едва ли по своей обширности уступаютъ развалинамъ Рима, а ихъ тогдашнее и современное состояніе свидѣлствуютъ о томъ, что существованіе и процвѣтаніе великаго Херрониса относилось, по времени и по свидѣтельству Страбона, къ эпохѣ болѣе отдаленной, нежели существованіе и процвѣтаніе Рима. Такого же рода развалины мы можемъ и теперь еще видѣть по всей цѣпи горъ, облегающихъ южный берегъ Тавриды. О постоянномъ исходѣ вышеупомянутой, первичной политической борьбы человѣка свидѣлствуютъ сами разва-

лины. Въ конечномъ результатѣ этой борьбы никто не можетъ сомнѣваться: хищничество могло продолжаться только до того времени, покуда было что брать и что разрушать. Мы видимъ, что, съ паденіемъ Западной Римской Имперіи, вмѣстѣ и вся общественная жизнь народовъ Европы дошла до крайняго упадка, при которомъ она не въ состояніи уже была ничего прикапывать на приманку хищниковъ и паразитовъ. Борьба германскихъ и гальскихъ бароновъ за личное имущество видимо окончилась — также какъ окончилась на русской территоріи борьба за личную собственность у нашихъ удѣльныхъ князей. Ганза, Венеція, Генуя — послѣднія прибѣжища индустріи — скрылись за хорошо организованной вооруженной силой, и кочевымъ народамъ, самимъ, пришлось ухватиться за ту же индустрію — хотя бы только для добыванія собственнаго прокормленія. Тогда — соплеменные, отдѣльныя толпы бродячаго народа стали группироваться въ государства и въ 16-мъ, въ 17-мъ вѣкѣ мы увидѣли въ Европѣ возникновеніе борьбы собственно *племенной*.

Въ 17 и 18 вѣкѣ, исторія древняго Рима свѣжо присутствуетъ, если не въ памяти, то въ инстинктѣ народовъ средней Европы, и всякая новая политическая группа хочетъ добиться не только самостоятельности, но также и силы, и политическаго преобладанія надъ сосѣдями. Такимъ образомъ — Франція завязала борьбу со всѣми своими латинскими сосѣдями, Англія — съ Франціей, Швеція — съ Даніей, Австрія и Пруссія между собою — за преобладаніе въ Германіи. Россія начала внутреннюю и внѣшнюю борьбу за соединеніе своихъ разрозненныхъ племенъ. А при этомъ программа славянская, объявленная по инициативѣ или вызову Петра, имѣла въ основаніи начала болѣе либеральныя сравнительно съ феодальными началами другихъ европейскихъ народовъ, какъ, на примѣръ, въ Германіи, и сдѣлалась обширнѣе всѣхъ прочихъ программъ. И потому, со времени Петра, она нашла упорное, разрушительное, противодѣйствіе со стороны всѣхъ прочихъ національностей Европы.

Съ самаго начала новѣйшей племенной борьбы въ на-

шей части свѣта, еще древнее и средневѣковое хищничество прикрывается знаменемъ религіи; но католическія индульгенціи просвѣчиваютъ изъ подъ стараго рубища, и знамя никого не обманываетъ изъ числа зрителей постороннихъ и безпристрастныхъ.

Инстинкты племенные уже оказывались повсюду сильнѣе всѣхъ прежнихъ, разъединительныхъ, инстинктовъ, и государственная заслуга великой Екатерины проявилась въ пониманіи инстинктовъ того великаго народа, управленіе которымъ находилось въ ея рукахъ. А вслѣдствіе этого, наша императрица и встрѣтила у себя повсюду сочувствіе и сильныхъ поборниковъ, и царствованіе ея было славно появленіемъ въ Россіи великихъ дипломатовъ и полководцевъ, тогда какъ заслуга Потемкина состояла въ пониманіи другой стороны этихъ инстинктовъ, то есть — въ сознаніи тѣхъ выгодъ, которыя приобрѣтались для общественнаго благосостоянія, отъ соединенія одного и того же племени подъ одно государственное знамя. Въ приведенной выше программѣ Потемкина для привѣтственной рѣчи архіепископа Амвросія, мы видимъ полное свидѣтельство на это пониманіе.

Предшествовавшая наша война съ Турціей, война 1768—74 годовъ и послѣдующія мѣры Потемкина покончили для насъ вопросъ южный, государственно-полицейскій; то есть: вопросъ о присоединеніи Крыма и общемъ уничтоженіи разбойничьихъ шаекъ на нашихъ южныхъ границахъ. Съ 1786 года, и даже съ 1784, всѣ наши распри съ Турціей нисколько не относились къ хищническимъ, будто-бы, наклонностямъ нашей славянской расы—какъ старались насъ увѣрить въ этомъ наши западные сосѣди. Распря эта имѣла въ основаніи вопросъ чисто-племенной: Съ того времени Крымъ и Турція дѣлаются вмѣстѣ: одинъ не болѣе какъ постояннымъ поводомъ, а другая — легкимъ способомъ составлять намъ затрудненія со стороны нашихъ племенныхъ враговъ.

Таковы были мотивы всѣхъ дипломатическихъ комбинацій, скоплавшихся по всей нашей европейской границѣ въ 1786 году.

Окончательное присоединеніе Крыма къ Россіи поведено было Потемкинымъ и Булгаковымъ, дипломатическимъ путемъ, тайно и ловко. Все замаскировано было волненіемъ въ Крыму и водвореніемъ власти тамошняго наслѣдственнаго владѣльца—хана Шагинъ-Гирея. Европа опомнилась только въ 1784 году—уже по притушеніи всякаго непріязненнаго чувства, по этому поводу, между нами и Турціей. И потому западнымъ державамъ, на ново, пришлось раздувать это непріязненное чувство въ Турціи—чѣмъ, немедленно же и усердно, занялись дипломатическіе агенты Англии, Пруссіи и Франціи. Тогда какъ, для увеличенія нашихъ затрудненій, такія же старанія этихъ державъ были употреблены, чтобы возбудить противъ Россіи Швецію и Польшу.

При всемъ томъ, не только въ теченіе двухъ послѣдующихъ, 1785 и 1786 годовъ, мы успѣваемъ отовсюду сохранить у себя мирное положеніе, но даже надѣемся еще продолжить его и на 1787 годъ.

Въ началѣ 1787 года нашъ черноморскій флотъ находился въ нижеслѣдующемъ составѣ (1).

Наличныхъ и готовыхъ военныхъ судовъ въ Севастополь и его гаваняхъ помѣщалось:

<i>Кораблей:</i>	<i>Число орудій.</i>	<i>Командиры:</i>
		Капитаны 1-го ранга:
«Слава Екатерины»	66	Графъ Войновичъ.
«С. Павелъ» . . .	66	Федоръ Ушаковъ.
«Марія Магдалина»	66	Веніаминъ Тисдель.
Итого . . .	3	
<i>Фрегатозъ:</i>		Капитанъ 2-го ранга
«Св. Георгій» . . .	54	Саблинъ.
		Капитанъ 1-го ранга
«Св. Андрей» . . .	50	Вильсонъ.
		Капитаны 2-го ранга:
«Осторожный» . . .	40	Иванъ Берсенева.

(1) Эта вѣдомость за 1-е марта 1787 г.

«Поспѣшный» . . . . .	40	Фома Прокофьевъ.	Капитанъ лейтенантъ
«Крымъ» . . . . .	40	Алексѣй Тверитиновъ.	Капитанъ 2-го ранга
«Стрѣла» . . . . .	40	Дмитрій Доможировъ.	Капитанъ-лейтенантъ
«Побѣда» . . . . .	40	Петръ Овсянниковъ.	Капитанъ 1-го ранга
«Перуцъ» . . . . .	40	Панаіоти Алексіано.	Капитанъ 2-го ранга
«Легкій» . . . . .	40	Иванъ Кусаковъ.	Капитанъ-лейтенантъ
«Скорый» . . . . .	40	Михаиль Обольяниновъ.	Лейтенантъ
«Вѣстникъ» . . . . .	30	Федоръ Заостровскій.	
«Почтальонъ» . . . . .	24		

**Итого 12**

*Бомбарда.*

«Страшный» . . . . .			
Мортиръ . . . . .	2		
Гаубиць . . . . .	2		
Пушекъ . . . . .	10		

*Шкуны:*

«Побѣдославъ» . . . . .	18		
«Вячеславъ» . . . . .	18		
«Измаиль» . . . . .	18		
<b>Итого 3</b>			

*Шкунара.*

«Соколь» . . . . .	12		
<i>Боты:</i>			Лейтенантъ
«Карабуть» . . . . .	12	Дмитрій Сенявинъ.	Штурманъ
«Битюгъ» . . . . .	12	Кузнецовъ.	
«Елань» . . . . .	12		
«Калміусъ» . . . . .	12		
<b>Итого 4</b>			



*Пинки:*

№ 1-й. . . . . 12

№ 2-й. . . . . 12

*Яхта:*

«Пчела». . . . . 10

Итого 27 военных судовъ, составлявшихъ нашу Севастопольскую эскадру. Еще три малыхъ судна находились въ Керчи, у Феодосіи, и въ Козловѣ на брандвахтахъ, всего вмѣстѣ 30 военныхъ судовъ, при 860 орудіяхъ всякаго калибра—преимущественно малаго.

На всѣхъ этихъ судахъ команды состояли приблизительно въ комплектъ и доходили до 5 тысячъ человекъ. Набраны онѣ были отчасти изъ матросовъ, находившихся на прежнихъ азовскихъ судахъ, отчасти изъ новоприбывшихъ рекрутъ. Число офицеровъ пополнялось изъ балтійскаго флота и морскаго корпуса; были между ними также и греки, принятые къ намъ на флотъ съ нашихъ архипелажскихъ каперовъ, а также нѣкоторые изъ тѣхъ, которые переселились въ Крымъ и на сѣверный берегъ Азовскаго моря, по окончаніи нашей архипелажской экспедиціи, въ 1774 и 1775 годовъ.

Транспортныхъ при флотѣ имѣлось до 16 судовъ.

Вся перемѣна, которая произошла въ составѣ этого наличнаго флота, съ 1785 года, состояла въ томъ, что изъ него выбыли за ветхостью остальные донскіе корабли постройки 1770 года, прибылъ изъ Херсона новый 50-пушечный фрегатъ «Св. Андрей» и прибавились нѣкоторыя малыя суда.

Сверхъ этихъ наличныхъ судовъ, у насъ имѣлись еще, отстроенные и спущенные со стапелей на гнило-тонской верфи, четыре сорока-пушечные фрегата, находившіеся весной 1787 года еще въ Кутюрьминскомъ устьѣ Дона, близъ мѣстечка Рогожскіе хутора. Въ Херсонѣ, на стапеляхъ, въ полной готовности къ спуску состояли: одинъ корабль 80-пушечный, одинъ 60-пушечный и одинъ 50-пушечный фрегатъ. Тамъ же одинъ старый фрегатъ

находился на брандвахтѣ у Пристани Глубокой (1), да имѣлось нѣсколько транспортныхъ и портовыхъ судовъ.

Съ осени 1786 года, кромѣ всего этого, въ верхнихъ частяхъ Днѣпра строилось нѣсколько военныхъ судовъ, имѣвшихъ отдѣльное назначеніе. Это были суда рѣчные, долженствовавшія послужить рѣчной эскадрой для принятія самой императрицы и ея свиты, и препровожденія ихъ внизъ по Днѣпру до пороговъ, а потомъ составить гребную флотилію на Днѣпровскомъ лиманѣ въ пособіе флоту и сухопутнымъ войскамъ на военное время, для дѣйствій на мѣстахъ мелководныхъ. Вся эта новая флотилія должна была состоять изъ нижеслѣдующихъ судовъ:

Галеръ 12 баночныхъ . . . . .	2
» 10 » . . . . .	5
Трешхоуть . . . . .	1
Водовиковъ . . . . .	3
Кухонныхъ . . . . .	2
Гофмаршальскихъ и шталмейстерскихъ . . . . .	4
Госпитальнаго и двухъ для провизіи . . . . .	3
Итого . . . . .	20

На всѣхъ этихъ судахъ команды полагались изъ матросовъ, солдатъ и канонеровъ, и вмѣстѣ съ мастеровыми должны были доходить до 1,600 человѣкъ.

Послѣ кончины контръ-адмирала Мекензи, мѣсто его въ командованіи наличнымъ или дѣйствующимъ флотомъ и севастопольскимъ портомъ заступилъ, старшій изъ капитановъ севастопольской эскадры, капитанъ 1-го ранга графъ Маркъ Ивановичъ Войновичъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1787 года, какъ онъ, такъ и старшій членъ черноморскаго адмиралтейскаго управленія, капитанъ 1-го ранга Мордвиновъ, были произведены въ контръ-адмиралы со старшинствомъ съ 1-го января этого года.

Севастопольскій портъ въ началѣ 1787 года все еще

(\*) Пристань или мѣстечко на сѣверномъ берегу Днѣпровскаго лимана, близко къ устьямъ Днѣпра.

находился при самомъ своемъ зарожденіи, и все, что было въ немъ построено, состояло изъ самыхъ необходимыхъ помѣщеній для командъ и офицеровъ. Всѣ дома были возведены преимущественно руками матросовъ, подъ ближайшимъ распоряженіемъ перваго и наиболѣе дѣятельнаго строителя порта и начальника севастопольской эскадры, контръ-адмирала Мекензи. Это все составляло съ небольшимъ отъ 40 до 50 жилыхъ строеній и нѣкотораго числа холостыхъ, какъ-то: сараевъ, магазиновъ, кузницъ и проч. Саженьяхъ на 300 отъ оконечности западнаго мыса южной бухты еще въ 1785 году, по первому ожиданію пріѣзда императрицы въ Крымъ, Мекензи сдѣлалъ пристань изъ тесаннаго камня. Недалеко отъ пристани находился его домъ, выложенный изъ такого же камня. Далѣе — въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Мекензи, на томъ же мысѣ, къ его западной сторонѣ, находился каменный домъ капитана 1-го ранга Тисделя. Самая пристань, по приказанію Потемкина, названа была официально «Екатери-нинскою»; но приказаніе отдано было на словахъ, и потому неофициально она называлась «Графскою», въ слѣдствіе привычки «графа» Войновича садиться съ нее въ шлюпку и приставать къ ней во время его выѣздовъ на эскадру. Отъ этой пристани въ разстояніи отъ нея сажень ста внутрь Южной бухты, по берегу — начиналось мѣсто, отдѣленное подъ адмиралтейство, которое въ 1787 году обнесено было деревянной рѣшеткой (1). Въ этомъ адмиралтействѣ имѣлись уже магазины для запасныхъ вещей и судовыхъ матеріаловъ, шлюпочный сарай, мастерскія и домъ для конторы надъ портомъ. Недалеко отъ пристани, въ адмиралтейскую ограду вдавалась небольшая церковь или, скорѣе, часовня, построенная въ 1784 году, по распоряженію Мекензи, во имя Николая Чудотворца. Дорога отъ пристани въ Балаклаву вела нѣсколько въ гору, по ея береговому уступу, и была еще при Мекензи обсажена тополями. Въ слѣдъ за адмиралтействомъ, по

(1) Всѣ эти свѣдѣнія собраны изъ разныхъ разрозненныхъ документовъ морскаго и московскаго архивовъ.

лѣвую руку этой дороги, тянулось холодное деревянное строеніе, въ которомъ помѣщались лавки; а напротивъ нихъ, по правую, шли дома нѣкоторыхъ офицеровъ и другихъ обывателей, преимущественно поставщиковъ на различныя потребности для флота — имѣвшихъ надобность постоянно проживать въ Севастополь. Большая часть частныхъ дворовъ обсажена была, точно также, фруктовыми деревьями и тополями. Отдѣльно отъ всего этого, по той же улицѣ, напротивъ самаго адмиралтейства къ сторонѣ пристани и лѣвымъ крыломъ на площадь тянулась длинная казарма, которая, даже и въ 1787 году, находилась нѣсколько на дорогѣ и не у мѣста, и оставлена была въ покоѣ по недостатку другихъ строеній для помѣщенія командъ, а для благообразія была чистенько выбѣлена и заслонена со своего фасада, отъ пристани, рядомъ цвѣтовыхъ кустовъ и отчасти стволами тополей, составлявшихъ аллею по главной или Адмиралтейской улицѣ (1). Всѣ военныя суда на время зимовки подтягивались къ берегу, по наиболѣе удобнымъ или приглубымъ мѣстамъ Южной бухты, и берегъ въ такихъ мѣстахъ обдѣланъ былъ, по возможности, гладкимъ камнемъ или же сдѣланы были отъ него прочныя деревянныя сходни. А около этихъ судовыхъ пристаней выстроены были сараи, для склада на зиму корабельныхъ вещей, и небольшія казармы, для помѣщенія караульныхъ людей, кухонь и отчасти корабельныхъ командъ. Три наличные корабли имѣли свои пристани въ небольшой, но болѣе глубокой бухтѣ, находившейся рядомъ съ гаванью, съ ея западной стороны, напротивъ Графской пристани, и эта бухта получила названіе «Корабельной бухты». На длинномъ и плоскомъ мысѣ, огибавшемъ эту бухту съ запада, находилась пристань корабля «Св. Павла», которымъ командовалъ Федоръ Федоровичъ Ушаковъ; тутъ же была и его казарма, и мысокъ этотъ получилъ названіе «Павловскаго». Въ самомъ углубленіи Корабельной бухты устроена была пристань для килеванія кораблей, или то, что называлось

(1) Впослѣдствіи «Екатериинской».

тогда «киленбанка», и въ 1787 году отдѣльвались грани для постановки мачтъ (¹). На самомъ возвышеніи того же западнаго берега Южной бухты заложено было довольно большое каменное зданіе подъ больницу (²).

Всѣ новыя постройки, какъ было уже сказано, особенно успѣшно предпринимались и возводились именно потому, что тесаный камень добывался готовый изъ окрестныхъ развалинь, и къ мѣстамъ, гдѣ строились дома, флотскія команды его подвозили на судахъ. А все это вмѣстѣ и составило то, что могло назваться въ это время «севастопольскимъ портомъ». Въ городѣ чувствовался однакожь недостатокъ въ прѣсной водѣ. Въ 1784 году Мекензи уже началъ, какъ было прежде сказано, проводить ее изъ хорошихъ ключей, находившихся отъ новаго города къ югу въ пяти верстахъ, и даже, какъ видно изъ его донесеній, положены были водопроводныя трубы отъ источниковъ на разстояніи сажень до 400; но покуда, за недостаткомъ средствъ, работа на зиму этого же года была пріостановлена, а послѣ того болѣе не возобновлялась. Колодцы же были устроены вокругъ рейда въ разныхъ мѣстахъ, по балкамъ, на сѣверной и южной его сторонѣ — и это конечно составляло тогда значительное затрудненіе въ доставкѣ воды для самаго города и на суда, которыя могли находиться въ гавани. Въ донесеніи князю Потемкину отъ 28-го января 1787 года (³) Войновичъ жалуется на этотъ недостатокъ, и говоритъ: «Крайняя надобность провести текущую воду въ Севастополь, какъ для обывателей онаго; а еще нужнѣе если случится скорое флоту вооруженіе, то источникъ прѣсной воды у берега значительно ускоритъ его готовность къ исправному выходу въ море».

Таково было состояніе Севастополя въ началѣ 1787 года.

Потемкинъ былъ основателемъ этого порта по суще-

(¹) Изъ донесеній Войновича князю Потемкину въ дѣлахъ послѣдняго.

(²) Тоже въ донесеніи Войновича.

(³) Въ дѣлахъ князя Потемкина-Таврическаго, хранящихся въ морскомъ архивѣ.

ству главнаго дѣла, то есть: по силѣ его потребности для нашего черноморскаго флота. И онъ же продолжалъ его строеніе и дальнѣйшее развитіе въ этомъ смыслѣ.

Всѣ анекдотисты Потемкина, и большая часть его биографовъ, считали за долгъ распространяться всего больше о его странностяхъ и причудахъ, а только вскользь упоминать о его государственной дѣятельности—что едва ли будетъ справедливо. Они же всѣ не уставали приписывать ему какія-то фантастическія побужденія и личные честолюбивые замыслы на востокъ. Въ сущности же онъ, одинаково со всѣми пособниками и членами кабинета нашей императрицы—и много усерднѣе прочихъ—всѣми мѣрами и способами тушилъ то пламя войны, которое пробивалось уже, и готово было вспыхнуть на всей нашей западной границѣ. Это безошибочно можно было видѣть изъ всѣхъ тогдашнихъ его дѣйствій. Потемкину самому, какъ лицу, посвятившему всѣ свои труды и помышленія на извѣстную долю административной дѣятельности, сохраненіе мирнаго положенія для нашего государства—въ его личныхъ и исключительныхъ видахъ—было тогда нужнѣе, нежели кому бы то ни было въ нашемъ государствѣ. Флотъ нашъ на Черномъ морѣ—одинъ изъ главныхъ предметовъ его заботы—еще былъ довольно малосиленъ, какъ это хорошо видно изъ вышеприведеннаго списка его судовъ. Повальные болѣзни только что передъ тѣмъ продолжали свирѣпствовать на всемъ пространствѣ новопріобрѣтенной нами новороссійской мѣстности. Онъ заставляли повсюду сохранять карантинное положеніе, лишали насъ многихъ полезныхъ дѣятелей: такъ умеръ въ 1779 году Софронъ Борисовичъ Шубинъ, въ 1783 г. Клокачевъ, а въ 1785 г. Мекензи и многіе другіе офицеры. Госпитали наши долго наполнены были болящими и умирающими—и дѣло защиты нашихъ провинцій, устройства ихъ пограничныхъ оборонъ, доставка строительнаго матеріала на верфи и флотъ, постройка военныхъ судовъ, сборы на нихъ командъ, всякихъ специалистовъ и офицеровъ—встрѣчали многочисленныя остановки и затрудненія. Кромѣ того, Потемкину необходимо было добыть кредитъ и средства

для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій по части организаціи края. А для этого ему необходимо было показать, какъ говорить — «товаръ лицомъ», и надлежало убѣдить императрицу освятить Тавриду своимъ присутствіемъ. Организовать такое путешествіе и для такой цѣли стоило ему немалыхъ трудовъ и заботъ. Мы видѣли, что уже съ 1784 года начали дѣлаться приготовленія къ принятію императрицы въ Севастополь, и Мекензи тогда уже разчислялъ для этого аллеи, прокладывалъ дороги, строилъ павильонъ и пристани. Сверхъ того необходимо было повсюду приготовить приемъ и помѣщеніе для многочисленной свиты, которая должна была ее сопровождать — сдѣлать путь удобнымъ къ достиженію Севастополя, то есть: на разстояніи слишкомъ двухъ тысячъ верстъ приготовить: лошадей, столъ и развлеченія для многочисленныхъ и знатныхъ посѣтителей, въ такое еще время, когда средства для всякихъ переѣздовъ по Россіи были бѣдны, а мѣстами и вовсе недостаточны. А все это потребовало не малыхъ заботъ отъ самого распорядителя, не мало его умѣнья, не мало вкуса и такта.

Поѣздка эта, послѣ многихъ отсрочекъ и ожиданій, была, наконецъ, рѣшена на 1787 годъ.

Подробности этого пышнаго путешествія нашей императрицы въ южный край къ нашему предмету не относятся и многими у насъ были уже описаны (1). Мы скажемъ только вкратцѣ: что 2-го января 1787 года выѣхала императрица изъ Петербурга въ Царское село. 7-го она тронулась въ путь далѣе на югъ, по старой большой смоленской дорогѣ. Весь ея поѣздъ состоялъ изъ сорока каретъ и болѣе ста саней. Въ этомъ поѣздѣ помѣщалась ея блестящая и многочисленная свита, иностранные послы и придворная прислуга. Отъ пяти до шестисотъ лошадей готовилось для этого на каждой станціи. Вечеромъ — дорога, и по ея сторонамъ лѣса и окружныя возвышенія, освѣщались разноцвѣтными огнями. На ночь 29-го января

(1) Въ особомъ журналѣ, изданномъ въ 1789 году; нѣсколько статей въ «Морскомъ Сборникѣ» и во многихъ другихъ печатныхъ изданіяхъ.

императрица прїѣхала въ Кіевъ, и здѣсь прожила до вскрытія Днѣпра и привода галеръ. 22-го апрѣля, она от-правилась на галерахъ по Днѣпру и вышла на берегъ 9-го мая въ мѣстечкѣ Новые Кайдаки, недалеко отъ нынѣшняго Екатеринослава. На ея дальнѣйшемъ пути, къ ней присоединился тогдашній нашъ союзникъ, императоръ австрійскій Іосифъ II, и многія другія знатныя лица. 12-го мая, вмѣстѣ со всѣми ими, императрица прибыла въ Херсонъ. Здѣсь, 15-го, были спущены со стапеля, въ присутствіи ея и всѣхъ гостей, два корабля и фрегатъ. Одинъ изъ кораблей — первый 80-ти пушечный корабль черноморскаго флота — былъ названъ, въ честь императора Іосифа II, его именемъ; другой, 66-ти пушечный — именемъ «Владиміръ»; фрегатъ получилъ имя въ честь великаго князя, сына наслѣдника престола — «Александръ»; а вмѣстѣ дано было право князю Потемкину, въ его званіи главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ, поднимать кейзеръ-флагъ, составлявшій въ послѣдствіи принадлежность судовъ, на которыхъ присутствовалъ генераль адмираль изъ императорской фамиліи.

17-го мая императрица выѣхала изъ Херсона, 19-го — миновала Перекопъ и 20-го прїѣхала въ Бакчисарай. 22-го мая, въ 8 часовъ утра, она выѣхала изъ Бакчисарая и къ полудню остановилась въ павильонѣ, построенномъ для нея на Инкерманскихъ высотахъ.

Здѣсь поданъ былъ обѣдъ. Въ числѣ гостей, за столомъ императрицы, находился австрійскій императоръ, посланники: австрійскій — Кобенцель, французскій — Сегюръ, англійскій — Фицгербертъ, князь Потемкинъ, принцъ де-Линь, принцъ Нассау и прочія лица свиты государыни — въ томъ числѣ нѣсколько дамъ. При началѣ обѣда, когда музыка стала играть, противъ императрицы, на большомъ огнѣ, отдернута была занавѣсъ и передъ ней открылась перспектива севастопольскаго рейда.

Въ лѣвой рукѣ — разстилались зеленые холмы, перерѣзанные бухтами, испещренные деревьями, развалинами, домиками, и замкнутые бурными горами южнаго берега Крыма. Вправо — цѣлый рядъ береговыхъ возвышеній какъ



бы склонялся къ сторонѣ Ингермана. Между ними, по впадинамъ, мелькали домики и высокія, темнозеленыя, колонны южныхъ тополей. Море безконечнымъ щитомъ облегало всю эту роскошную перспективу холмовъ, между которыми, какъ широкая бурая лента, къ широкому подножію павильона, протягивался длинный заливъ или рейдъ. По этому заливу тянулась линія нашихъ военныхъ судовъ, прямая, стройная линія. На ней появился кейзеръ-флагъ главнокомандующаго и съ обоихъ бортовъ кораблей раздались выстрѣлы. Дымъ отъ нихъ клубами разостлался въ обѣ стороны. Онъ закуталъ эскадру и примѣшалъ новое, живое движеніе на красивомъ ландшафтѣ.

Послѣ обѣда императрица осматривала ингерманскія развалины и главные пещеры. Передъ ней былъ новый красивый пейзажъ: цвѣтущая долина Бюгъ-Узень, Черной рѣчки или Ингерманки, какъ у насъ ее называли тогда. Устье покрыто было волновавшимся камышомъ. Напротивъ спуска возвышалась утесистая известковая гора и цѣлая широкая лента зелени шла влѣво, и уходила вдаль между горами.

Всѣ гости спустились къ пристани. Здѣсь ожидали императрицу катера, съ вызолоченными бортами. Солнце свѣтило ярко, и потому они были накрыты зелеными шелковыми навѣсами. Въ кормѣ, для сидѣнья, положены были мягкія бархатныя подушки, украшенныя золотой бахромой съ кистями. Въ срединѣ, такіе же чехлы прикрывали сложенный шлюпочный рангоутъ. Красивые сильные гребцы одѣты были въ бѣлыя тонкія русскія рубахи. На нихъ были круглыя блестящія черныя шляпы, украшенныя перьями и золотымъ галуномъ. На рулѣ, на катерѣ императрицы, сидѣлъ штабъ-офицеръ, державшій въ рукѣ сигнальный боцманскій свистокъ, на большой серебряной цѣпочкѣ. Когда императрица сѣла, весла упали на воду, и катера быстро тронулись вдоль рейда къ линіи военныхъ судовъ, которыхъ числомъ было 29, какъ показано выше въ приведенной таблицѣ; 8 транспортныхъ составляли вторую линію къ сѣверной сторонѣ рейда.

Всѣ люди на военныхъ судахъ стояли по бортамъ,

вантамъ и реямъ. Какъ только катеръ императрицы отошелъ отъ берега и на его флагштокѣ былъ поднятъ штандартъ, то всѣ суда флота и крѣпостей, каждое и каждая, привѣтствовали императрицу 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ и криками «ура». Она проѣхала, со всей свитой своей, вдоль флота, и эскадра ея шлюпокъ постепенно увеличивалась новыми шлюпками, подходившими съ судовъ стоявшихъ на рейдѣ, причемъ вся эта флотилія сопровождала ее до пристани. У пристани встрѣчали императрицу наличныя сухопутныя войска, адмиралтейскія команды и народъ, собравшійся отовсюду; а съ сухопутныхъ батарей на мысахъ снова произведена была пушечная салютація. Императрица всѣхъ привѣтствовала, и отправилась въ домъ, бывшій Мекензи, а теперь обращенный во дворецъ. Ея гости и свита расположились по ближайшимъ домамъ. Для придворной прислуги поставлены были палатки. Вечеромъ всѣ зданія города и гавань были иллюминованы.

На другой день, 23-го мая, было воскресенье и императрица слушала обѣдню въ единственной тогда церкви города. Послѣ обѣдни она принимала у себя начальника севастопольской эскадры и порта — графа Войновича, флотскихъ капитановъ и прочихъ офицеровъ, съ ихъ семействами, и всѣ они подходили къ ея рукѣ. Послѣ обѣда, когда южный жаркій день сдѣлался нѣсколько прохладнѣе, императрица, вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ, ѣздила на флотъ — причемъ нѣкоторые суда, подъ парусами, маневрировали по рейду и снова произведена была пальба изъ пушекъ. Затѣмъ императрица осматривала Корабельную бухту и другую сосѣдную съ Южной, которая составляла тогда купеческую гавань и наполнена была прибывшими къ Севастополю коммерческими судами.

23-го, вечеромъ, снова городъ былъ иллюминованъ; а во время вечерней прогулки императрицы по площади, въ различныхъ мѣстахъ бухты, былъ устроенъ фейерверкъ, и сверхъ того бомбарда «Страшный» разрушала бомбами деревянный городокъ, нарочно для того устроенный на сѣверной сторонѣ, и произвела въ немъ взрывъ, дополнив-

шій общее разнообразное и очаровательное впечатлѣніе превосходнаго южнаго вечера.

Два дня, проведенные императрицей въ Севастополь, были торжественными праздничными днями въ уединенной жизни нашихъ моряковъ, въ этомъ отдаленномъ, отъ общей ихъ родины, мѣстечкѣ. 24-го, въ 9 часовъ утра, всѣ они провожали ее по дорогѣ въ Байдарскую долину и снова къ вечеру встрѣчали у павильона, на мекензіевыхъ высотахъ, гдѣ она проѣхала на ночь въ Бакчисарай.

Послѣ того императрица посѣтила еще нѣкоторыя мѣста въ Крыму, и по дорогѣ на Москву, 11-го іюля, возвратилась въ Петербургъ.

А между тѣмъ, даже и во время пребыванія императрицы въ Крыму, замѣтно уже было нѣкоторое неблагопріятное для насъ настроеніе при дворѣ турецкаго султана. Булгаковъ пріѣзжалъ, по этому поводу, видѣться съ Потемкинымъ въ Херсонѣ и снова, на шкунѣ «Измаиль», возвратился въ Константинополь.

Турція тогда имѣла весьма оригинальный обычай объявлять войну. Дѣло начиналось прямо съ того, что нашего константинопольскаго посланника заключили въ военную тюрьму или замокъ, подъ стражу. Такъ было въ 1768 году съ Обрѣзковымъ, такъ и теперь, 5-го августа 1787 года, поступлено было съ Булгаковымъ.

Но еще прежде нежели Булгаковъ былъ арестованъ, то есть: еще въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, мы имѣли извѣстіе о выходѣ изъ Беюгдере (1) довольно значительной турецкой эскадры, и Войновичъ получилъ отъ Потемкина приказаніе выступить изъ Севастополя со флотомъ и крейсерами у крымскихъ береговъ; а потомъ, 10-го августа, онъ получилъ, отъ него же, вторичное приказаніе о взятіи всѣхъ возможныхъ военныхъ предосторожностей, и потому,

---

(1) Константинопольскій портъ въ 15 верстахъ отъ города.

какъ значится въ донесеніи Войновича отъ 13-го августа, онъ «разсудилъ войти въ севастопольскую гавань и сдѣлать въ оной нужныя укрѣпленія; а также запастись все́мъ необходимымъ на военное время» (1). Въ морѣ, во время плаванія, онъ покуда никакихъ военныхъ судовъ не видалъ.

Мѣры, которыя были приняты къ оборонѣ Севастополя на случай нападенія на него со стороны моря, можно видѣть изъ донесенія Мордвинова князю Потемкину отъ 12-го августа (2):

«Фрегаты «Поспѣшный», «Осторожный» и корабль «Бомбардирскій», выведя на рейдъ, поставилъ при самомъ входѣ севастопольской гавани, гдѣ также приказалъ занять мѣсто и двумъ пинкамъ, вооруживъ каждый двадцатью четырьмя пушками. Вѣтхое судно «Хотинъ», укрѣпя какъ наискорѣе, велѣлъ я снабдить артиллеріею, старыя батареи усилить военными орудіями и на низменно-стяхъ мысовъ, составляющихъ входъ порта, построить новыя; на восточной сторонѣ мѣста, гдѣ назначено быть севастопольской крѣпости (3), приказалъ я поставить двѣ мортиры и двѣ гаубицы, а подъ самой крутостью берега стать судну «Хотину». На сихъ батареяхъ расположено будетъ 40 пушекъ 12-ти фунтовыхъ, 8 единороговъ 18-ти фунтовыхъ, двѣ гаубицы 1 пудовыя и двѣ 3-хъ пудовыя мортиры. Прочія мелкія орудія поставлены будутъ по мысамъ внутри гавани. Я приказалъ отрядить пристойное число людей за лѣсомъ, для дѣланія туровъ, также приготовить набитые пескомъ мѣшки къ употребленію вмѣсто брустверка».

Всѣ эти распоряженія сдѣлалъ Мордвиновъ во время пребыванія своего въ Севастополь, въ отсутствіе Войновича. Положеніе старыхъ укрѣпленій, сдѣланныхъ въ 1783 году де-Бальменомъ можно видѣть на картѣ Клокачева за этотъ годъ; а большую батарею, о которой Морд-

(1) Въ дѣлахъ князя Потемкина.

(2) Дѣла князя Потемкина.

(3) Т. е. на томъ мысѣ, гдѣ находился дворецъ.

виновъ говорить какъ о будущей крѣпости — на картѣ Биллингса 1797 года (подъ литерою *h*).

Извѣстіе о насильственной мѣрѣ, принятой въ Константинополь относительно нашего посланника, еще не успѣло къ намъ дойти, какъ уже въ половинѣ августа значительная турецкая эскадра появилась у Хаджи-Бей. Она состояла изъ трехъ линейныхъ кораблей, одного фрегата, девяти еще другихъ *мореходныхъ* судовъ и двадцати галеръ, фелюкъ и тому подобныхъ — *прибрежныхъ*.

Но даже и въ виду этой эскадры, мы надѣялись на сохраненіе мира, какъ это можно заключить изъ донесенія Н. С. Мордвинова князю Потемкину отъ 17-го августа, изъ Херсона. Мординовъ представляетъ вѣдомость <sup>(1)</sup> судамъ всего флота и говоритъ:

«На корабль «Владиміръ» и фрегатъ «Александръ», мачты и стеньги поставлены и вооружаются. Къ слѣдованію въ Кинбурнъ для полученія достальнаго груза, они не прежде готовы будутъ первыхъ чиселъ сентября. Галеры къ оному же времени успѣютъ. Во флотъ и во всѣ порты о оказываніи туркамъ дружбы и благопріятства повелѣнія посланы. Не угодно ли будетъ, вашей свѣтлости, повелѣть мнѣ, когда эскадра наша придетъ къ Кинбурну, послать къ начальнику турецкаго флота и къ очаковскому пашѣ объявленіе о дружелюбіи и благопріятствѣ со стороны нашей».

По вѣдомости, представленной Мордвиновымъ, значилось, что изъ нашихъ военныхъ судовъ въ готовности на Лиманѣ находились: во-первыхъ, у Пристани Глубокой на брандвахтѣ—26-ти пушечный малый фрегатъ «Св. Николай». Потомъ—присланные изъ Севастополя, въ помощь къ проводкѣ новыхъ корабля и фрегата, за очаковское мелководіе, стояли у Кинбурна фрегатъ «Скорый», подъ командой капитанъ-лейтенанта Обольянинова, и 12-ти пушечный ботъ «Битюгъ», подъ командой штурмана Кузнецова. Кромѣ того, былъ отданъ приказъ о высылкѣ изъ Севастополя, къ сторонѣ Кинбурна, для наблюденія за

(1) Эта вѣдомость приведена была выше.

движеніями судовъ турецкаго флота, еще одного корабля и двухъ фрегатовъ. Вообще же, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ двухъ фрегатовъ и бота, и за отдѣленіемъ еще малыхъ судовъ на брандвахты и въ разныя посылки, оставалось въ Севастополѣ въ полной готовности къ выходу въ море, еще 18 военныхъ судовъ.

21-го августа, точно также безъ объявленія о началѣ войны, мелкія суда турецкой эскадры приблизились къ фрегату «Скорому» и боту «Битюгу» и ихъ атаквали. Обольяниновъ не располагалъ уступить мѣсто боя мелкимъ турецкимъ судамъ. Онъ подпустилъ ихъ на близкую дистанцію и встрѣтилъ передовыхъ ядрами и брандскугелями, а потомъ картечью. При всемъ томъ, въ виду большаго превосходства непріятели и послѣ довольно жаркаго дѣла, продолжавшагося, съ перемежкой, часа два, онъ вынужденъ былъ отступить къ Глубокой Пристани подъ прикрытіе своихъ батарей.

Самое объявленіе войны, за тѣмъ уже становилось одной формальностью: дѣло было начато — военная плотина прорвалась, и дальнѣйшихъ событій удержать было нельзя. Съ осени же 1787 года стали у насъ готовить сильную эскадру въ Кронштадтѣ для дѣйствій противъ Турціи въ Архипелагѣ. Войска наши въ Новороссіи поспѣшно потянулись къ сборнымъ пунктамъ; а Войновичъ получилъ отъ Потемкина записку такого содержанія:

«Подтверждаю вамъ», писалъ ему Потемкинъ, «собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя бѣ всѣмъ погибнуть, но должно показать всю неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятели. Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкій, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя бѣ всѣмъ пропасть».

И дѣйствительно: по прежнимъ примѣрамъ и по тѣмъ усиліямъ, которыя мы употребили на сооруженіе нашего черноморскаго флота — мы вправѣ были отъ него ожидать хорошаго содѣйствія нашимъ военнымъ операціямъ на предстоящую войну. Припоминая подвиги нашихъ неболь-

шихъ отрядовъ у Балаклавы и Суджукъ-Кале, подъ начальствомъ Кинсбергена, при первыхъ столкновеніяхъ нашихъ съ турками на морѣ въ прошедшую войну — когда нашъ флотъ составляли еще только плохіе «донскіе корабли», когда на этихъ малыхъ военныхъ судахъ приближались мы безстрашно къ двухдечнымъ турецкимъ линейнымъ кораблямъ на ближайшій выстрѣлъ, приводили ихъ въ замѣшательство и обращали въ бѣгство — мы вправѣ были ожидать еще лучшихъ успѣховъ теперь, когда у насъ имѣлось уже 15 настоящихъ боевыхъ судовъ, не считая малыхъ. Наши флотскія команды, наши офицеры, доказали свою неустрашимость, и все дѣло, по видимому, оставалось только за удачнымъ выборомъ энергическаго предводителя.

Кромѣ упомянутаго письма отъ Потемкина, Войновичъ получилъ еще предписаніе и отъ Мордвинова отъ 24-го августа, въ которомъ было сказано, чтобы онъ съ эскадрой своей шелъ искать турецкаго флота къ Варнѣ, напалъ на него и старался его тамъ истребить.

31-го августа Войновичъ выступилъ изъ Севастополя, имѣя у себя въ эскадрѣ 3 линейные корабли и 7 фрегатовъ; всѣ прочія военные суда, какъ значилось въ его донесеніи, были ветхи и не могли держаться въ морѣ въ осеннее время (1). 8-го сентября онъ приблизился къ мысу Кальякріи. Но здѣсь былъ встрѣченъ жестокимъ штормомъ отъ WNW (западо-сѣверо-запада), который сталъ прижимать эскадру къ турецкому берегу.

«Корабли и фрегаты имѣли великую качку», писалъ Войновичъ въ своемъ донесеніи князю Потемкину 24-го сентября, «и открылась во всѣхъ судахъ течь: 9-го числа въ 8-мъ часу по полуночи, на кораблѣ «Слава Екатерины», на которомъ я былъ, изломало многія винтъ-путины (2), порвались винты; а потомъ переломало всѣ три

(1) Донесеніе Войновича 24-го сентября 1787 года, въ дѣлахъ Потемкина.

(2) Т.-е. желзныя скрѣпы у борта корабля, удерживающія ванты или боковые мачтовые канаты—удерживающіе, въ свою очередь, мачты въ вертикальномъ положеніи.

мачты, которыя и упали въ воду, и прибыло въ немъ воды до 10 футъ такъ, что отливаясь всѣми помпами, ведрами и ушатами, она не убывала. Въ то же самое время видно было, что ломаетъ и на прочихъ корабляхъ и фрегатахъ мачты. Видя я такое несчастье, осталось мнѣ только одно стараніе: спасти корабли; и какъ корабль «Слава Екатерины» превосходная течь привела оной до крайней опасности, будучи изломанъ даже румпель, то я хотя и на открытомъ морѣ, и не имѣя въ виду береговъ, но имѣвъ 40 сажень глубины только, приказалъ изъ отчаянности, дабы способнѣе было выливать воду бросить якорь, который, по счастью, отдавъ 170 сажень канату, удержалъ, и двое сутокъ отливались. Оный штормъ продолжался пять сутокъ, послѣ котораго всѣ старались съ запасными стеньгами (¹) и реями спасти суда и довести оныхъ до порта. Исключая корабль «Марію Магдалину» и фрегатъ «Крымъ», прочіе всѣ благополучно пришли; одинъ фрегатъ «Георгій», за противнымъ вѣтромъ, не вошелъ въ гавань, а стоитъ на якорѣ противу мыса Херсонеса, и послѣ переменъ вѣтра, надѣюсь, что и корабль «Марія Магдалина» спасется и придетъ къ своему порту».

Но несчастье было больше, нежели какъ полагалъ Войновичъ: фрегатъ «Крымъ» пропалъ безъ вѣсти, а корабль «Марія Магдалина», находясь въ самомъ отчаянномъ состояніи, былъ занесенъ въ Константинополь и захваченъ въ плѣнъ.

Войновичъ писалъ Потемкину о своемъ крайнемъ огорченіи и жаловался на дурныя качества своихъ судовъ. «Не было никакихъ недостатковъ ни въ раченіи, ни въ усердіи, ни въ осторожности, ни въ искусствѣ; а все произошло отъ слабости судовъ и снастей», говорилъ онъ. «Хотя штормъ пружестокій былъ, но если бы все крѣпко было и качество судовъ лучшее, все устояло бы».

Послѣ сраженія фрегата «Скорого» и бота съ турецкой флотиліей на Лиманѣ 21-го августа, Мордвиновъ поспѣшалъ принимать всѣ мѣры къ защищенію своихъ но-

(¹) Вторыя къ верху мачтовыхъ деревья.



выхъ судовъ: корабля и фрегата, находившихся у Глубокой Пристани. Онъ распорядился, чтобы къ нимъ подвезены были изъ Херсона орудія, которыя еще не были на нихъ поставлены; потомъ вооружилъ всѣ наличныя транспортныя суда, находившіяся въ Днѣпрѣ, привелъ ихъ къ кораблю и усилилъ береговыя батареи. Кромѣ того успѣлъ скоро, туда же, подвести изъ рѣки еще 2 галеры.

Вообще, военные наши историки не сдѣлали намъ никакого объясненія, почему именно первое движеніе турокъ въ началѣ этой войны обнаружилось общимъ ихъ стремленіемъ къ сторонѣ Очакова и Херсона. Было ли это традиціонное ихъ пренебреженіе къ Ахтыяру и южному крымскому берегу, или нежеланіе состязаться съ нашимъ флотомъ; или же, можетъ быть, болѣе основательный расчетъ дѣйствовать сосредоточенно со стороны пункта, наиболѣе задавагоса въ нашу территорію? Во всякомъ случаѣ, намъ очень хорошо извѣстно было тогда, что начало ихъ военныхъ операцій происходило подѣ руководствомъ разныхъ техниковъ по этой части, прибывшихъ въ качествѣ волонтеровъ отъ нашихъ истинныхъ противниковъ—съ запада Европы. Такъ какъ, напримѣръ, укрѣпленіе Очакова происходило подѣ руководствомъ французскихъ инженеровъ; а въ числѣ штабныхъ распорядителей по другимъ частямъ находились англійскіе, прусскіе и шведскіе офицеры (1). А потому и думать можно, что первыя наступательныя дѣйствія турокъ, весьма сознательно направлены были въ разрѣзъ нашей операціонной, или, скорѣе, оборонительной сухопутно-морской линіи, простиравшейся по Бугу на Кинбурнъ, Перекопъ и Севастополь. Нашъ знаменитый Суворовъ, назначенный, по первой же военной тревогѣ, начальствовать нашими сухопутными силами въ южныхъ частяхъ Новороссіи, незамедлил это понять. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать этому движенію, и—первая, самая упорная борьба, завязалась на Днѣпровскомъ лиманѣ.

(1) Въ дѣлахъ Потемкина и разныхъ донесеніяхъ, имѣющихся въ московскомъ архивѣ—въ документахъ, относящихся до турецкой войны.

Въ числѣ главныхъ кондицій, которыми обусловливали мы заключеніе Кучукъ-Кайнарджскаго трактата, заключалось удержаніе за нами Кинбурна. Слѣдовательно, его стратегическое положеніе было и тогда уже достаточно взвѣшено—оставалось имъ воспользоваться. Кинбурнъ и Очаковъ составляли какъ бы геркулесовы столбы для входа въ Лиманъ и для доступа къ нашему новому адмиралтейству въ Херсонъ, со стороны моря; а коса кинбурнская не представляла никакой твердой защиты отъ нападенія на нее съ сухаго пути. Но Суворовъ поставилъ на ней сильную батарею и, при небольшомъ пособіи со стороны судовъ нашего флота, могъ не допускать въ заливъ турецкія большія суда. Туркамъ приходилось овладѣть съ боя Кинбурномъ—что также согласовалось и съ видами Суворова, которому не хотѣлось давать имъ поводъ искать другихъ мѣстъ для атаки и развлекать наши силы, при посредствѣ демонстрацій на другіе пункты по берегамъ крымскаго полуострова.

Присутствіе такого военнаго дѣятеля какъ Суворовъ чувствовалось въ воздухѣ. Даже всѣ наши моряки были наэлектризованы и всѣ рвались къ тому чтобы заслужить его одобреніе. А такъ какъ, ко всему этому, турецкія суда отдѣлялись отъ своего флота и пробовали бомбардировать кинбурнскія укрѣпленія, то бездѣйствіе нашихъ собственныхъ судовъ начинало приводить въ негодованіе нашихъ флотскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, 16 сентября, командиръ одной изъ нашихъ галеръ «Десны» мичманъ Ломбардъ, по первому же его назначенію къ дѣйствию, ушелъ впередъ отъ своей эскадры, успѣлъ судну своему придать видъ браудера, и атаковалъ 8 турецкихъ судовъ, стоявшихъ подъ Очаковымъ, съ такой смѣлостью, что одно изъ нихъ своими выстрѣлами пустилъ ко дну, а другое сильно повредилъ. Объ этомъ обстоятельствѣ необходимо было здѣсь упомянуть и потому еще, что оно послужило какъ бы пробнымъ камнемъ для характеровъ тогдашнихъ главныхъ начальниковъ нашего флота и севастопольскаго порта. Мордвиновъ, по этому поводу, писалъ Потемгину

про Ломбарда «хотя онъ поступилъ противъ непріятеля съ превеличайшею храбростію; но какъ онъ ушелъ ночью съ Глубокой безъ всякаго повелѣнія, то и за долгъ почитаю его *арестовать и отдать подѣ военный судѣ*»<sup>(1)</sup>.

На это донесеніе на другой же день онъ получилъ отъ Потемкина отвѣтъ: «Я прощаю вину офицера (то есть Ломбарда)» было сказано въ отвѣтъ. «Но оправдавъ онъ хорошо свой поступокъ, (то есть, что онъ сражался и побѣдилъ) уже долженъ быть награжденъ. Объяви, мой другъ, ему чинъ — *какой заблагоразсудишь*. Вѣрный и покорный слуга князь Потемкинъ-Таврическій».

Въ то же время, по настоятельному требованію отъ сухопутнаго вѣдомства, флотилія наша на Лиманѣ постоянно усиливалась новыми судами изъ Днѣпра. Поспѣшно былъ вооруженъ старый вычиненный фрегатъ «Херсонъ», еще вооружено орудіями судно Бористень. Туда же приведены были всѣ 7 галеръ, сопровождавшія императрицу до Новыхъ кандаковъ, а всѣ другія суда, находившіяся подѣ помещеніемъ императорской свиты, во время ихъ плаванія по Днѣпру, превращены были въ пловучія батареи. Такъ какъ все это составляло тогда суда нашего черноморскаго флота, при посредствѣ которыхъ мы совершили на Черномъ морѣ пять военныхъ кампаній, то не лишнимъ будетъ здѣсь привести описаніе наименѣе намъ знакомыхъ тогдашнихъ пловучихъ батарей, со словъ такого лица, которое сполна могло испытать ихъ употребленіе и дѣйствіе.

Въ теченіе всего сентября мѣсяца турецкій флотъ много былъ усиленъ и держался у Очакова, имѣя къ сторонѣ Лимана, восточнѣе этой крѣпости, свои болѣе мелкосидящія суда. Примѣръ мичмана Ломбарда, который отдѣлался во время сраженія съ турками только одной, своей собственной, раной въ ухо, давалъ поводъ ожидать отъ насъ болѣе

<sup>(1)</sup> Донесеніе Мордвинова 16-го сентября 1787 года, въ дѣлахъ Потемкина, находящихся въ общемъ морскомъ архивѣ.

рѣшительныхъ дѣйствій, и Мордвиновъ предпринялъ со всѣми своими судами наступательное движеніе: такъ, по крайней мѣрѣ, онъ доносилъ Потемкину въ исходѣ сентября. Передовой его отрядъ составленъ былъ изъ одной пловучей батареи, которой предполагалось сдѣлать еще только испытаніе, и двухъ галеръ. Начальникомъ отряда назначенъ былъ капитанъ 2-го ранга Андрей Веревкинъ, а командирами двухъ галеръ: лейтенантъ Константиновъ и мичманъ Ломбардъ. Но все это назначеніе было сдѣлано 3 октября только вечеромъ; а ночь была до того темна, что Ломбардъ сначала не могъ отыскать по заливу своей галеры; а потомъ Веревкинъ встрѣтилъ такое же затрудненіе въ сообщеніи по другимъ судамъ своихъ распоряженій относительно ночной атаки, и когда тронулся съ мѣста со своей батареей—то обѣ галеры за нимъ не послѣдовали. Къ утру на разсвѣтѣ, онъ оказался въ самомъ близкомъ разстояніи отъ центра турецкаго флота, который не замедлилъ его атаковать, даже при содѣйствіи своихъ очковскихъ батарей — и можно было судить о числѣ боевыхъ снарядовъ, которые посыпались отъ турокъ на батарею Веревкина. Послѣдняя вооружена была четырьмя 36-ти фунтовыми пушками и двумя 18-ти фунтовыми единорогами. Борты ея сдѣланы были на подобіе броневыхъ, изъ двойной стѣнки съ войлочной прокладкой—приблизительно толщиною всего до аршина; команды находилось на батарее 60 человекъ. Веревкинъ въ донесеніи своемъ Мордвинову говоритъ: «Я бы держался до самой ночи, если бы не разорвало у меня пушки съ лѣвой стороны отъ носу, которымъ разрывомъ убило до 15 человекъ, чѣмъ навело такой страхъ на служителей, что насилу, при помощи мичмана Ломбарда и присланнаго отъ васъ лейтенанта, могъ собрать людей, которые бросились въ палубу». Но, спустя полчаса, у Веревкина разорвало другую 36-ти фунтовую пушку и снова перебило до пятнадцати человекъ команды.

Мордвиновъ писалъ Потемкину: «Капитанъ Веревкинъ поступалъ съ великимъ мужествомъ. Онъ имѣлъ всѣ па-

руса разстрѣлянные, но поставилъ новые и ушелъ отъ насъ изъ виду» (1).

И дѣйствительно: послѣ втораго разрыва такой большой пушки, Вережкинъ нашель за лучшее уходить по вѣтру отъ турецкаго флота — изъ Лимана въ море. Его преслѣдовали 6 непріятельскихъ парусныхъ судовъ. Турки почитали батарею Вережкина несомнѣннымъ призомъ, и съ ближайшаго къ нему турецкаго фрегата, командиръ, черезъ переводчика уже, кричалъ на нее, чтобы она сдавалась. Но Вережкинъ, допуская къ себѣ непріятельскіе фрегаты почти до абордажной схватки, еще разъ осыпалъ ихъ картечью изъ остальныхъ своихъ орудій — уже наводя ихъ самъ съ Ломбардомъ, такъ какъ другой офицеръ былъ у него убитъ, а команда рѣшительно отказалась стрѣлять. А при этомъ разорвало на батареѣ еще и третью пушку. Послѣ того батарея была брошена на мель у Хаджи-Бея. Тамъ подбѣжали изъ замка вооруженные турки и татары, и Вережкинъ съ Ломбардомъ снова хотѣли ихъ засыпать картечью изъ оставшихся у нихъ единороговъ, и уже обратили ихъ на собравшуюся толпу: но уцѣлевшая команда батареи болѣе не допустила ихъ сражаться, и они взяты были въ плѣнъ съ остальными своими людьми. Въ послѣдствіи, на другой годъ уже, изъ константинопольской тюрьмы Вережкинъ доносилъ Мордвинову:

«Батарея столь хорошо была построена, а особливо въ бортахъ сдѣланные изъ шерсти туры, что рѣдкое ядро могло ихъ пробивать, и особаго никакого пороку не имѣла, кромѣ что весла надо поздоровѣе дѣлать. При томъ туры — немножко повыше, чтобы человекъ закрывало. Только она биться подъ парусами неспособна. Что же принадлежит до пушекъ — то я удивляюсь, какимъ образомъ онѣ были приняты съ заводовъ — какъ кажется совсѣмъ безъ пробы: такъ какъ чугуны въ изломѣ оказались какъ бы съ грязью. Что же принадлежит до единороговъ, ко-

(\*) Мордвиновъ находился у Глубокой. Эти всѣ донесенія въ двѣхъ Потемкина въ морскомъ архивѣ.

ими я больше и оборонялся, то они хороши и способны; только станки коротки—такъ что, при всякомъ выстрѣлѣ, единорогъ опрокидывался черезъ задніе колеса, и должно его было опять опрокинуть и поставить на мѣсто для пальбы. Я имѣлъ еще несчастіе, что при всякомъ разрывѣ пушекъ батарея загоралась, такъ что съ нуждою потушить могли».

Все это происходило со стороны нашей лиманской флотилии. Но еще прежде нежели Мордвиновъ послалъ Веревкина въ атаку съ его батареей, турки съ исхода сентября работали на самой оконечности Кинбурнской косы. Туда изъ Очакова они подвозили туры и фашины. А Суворовъ, согласно принятому имъ образу дѣйствія, въ этомъ имъ не препятствовалъ и допустилъ ихъ высадить туда, постепенно, до 5-ти тысячъ человѣкъ войска. Наконецъ 1-го октября, съ утра, турки были атакованы нашими войсками. Суворовъ надѣялся также и на диверсію со стороны нашей флотилии, но этого не было сдѣлано, и сраженіе самое упорное затянулось еще болѣе потому, что турецкія суда дѣйствовали безпрепятственно по нашимъ войскамъ изъ своихъ орудій, въ виду нашей флотилии. Это сраженіе сопровождалось, однакожь, страшнымъ убійствомъ, произведеннымъ въ рядахъ турокъ и окончилось, при лунномъ свѣтѣ, почти къ полуночи на 2-е октября, полнымъ истребленіемъ всего турецкаго отряда, тѣлами котораго усѣяна была вся Кинбурнская коса.

Послѣ ухода Веревкина со своей батареей изъ Лимана, турецкія суда еще по временамъ приближались къ Глубокой и завязывали съ нашими судами перестрѣлку, а 13-го октября весь турецкій флотъ ушелъ къ сторонѣ Варны. Потемкинъ былъ очень недоволенъ бездѣйствіемъ Мордвинова (1).

(1) Это видно изъ письменныхъ оправданій Мордвинова, имѣющихся въ дѣлахъ.

## VI.

## ДѢЙСТВІЯ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА.

1788 годъ: Работа въ портахъ. — Общій составъ нашихъ морскихъ силъ. — Зависимость нашихъ военныхъ операцій отъ общаго состоянія политическихъ дѣлъ. — Начало военныхъ дѣйствій на Лиманѣ. — Капитанъ 2-го ранга Сакенъ. — Нашъ наличный флотъ. — Войновичъ. — Ушаковъ. — Первое генеральное сраженіе съ турецкимъ флотомъ. — Первый поискъ къ южнымъ берегамъ Чернаго моря. — Перемѣны въ составѣ флотскихъ начальствующихъ лицъ. — Значеніе Очакова. — Наличный севастопольскій флотъ въ 1789 году. — Первая портовая администрація въ Севастополѣ. — Общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны. — Бездѣйствіе флота подъ управленіемъ Войновича. — Основаніе Николаевского порта.

Къ зимѣ на 1788 годъ, какъ турецкій флотъ, такъ и отдѣльныя эскадры нашего, разошлись по своимъ портамъ. Всѣ стали готовиться къ кампаніи будущаго года. Мордвиновъ не успѣлъ еще вооружить вновь-построенныхъ въ херсонскомъ адмиралтействѣ кораблей, и потому, на защиту ихъ въ Лиманѣ, удержалъ тамъ всю свою флотилію и всѣ малыя парусныя суда. Войновичъ же, при содѣйствіи корабельнаго мастера бригадира Катасанова и всѣхъ своихъ капитановъ и при непрестанныхъ побужденіяхъ со стороны Потемкина, усиленно принялся также за исправленіе судовъ севастопольской эскадры; а оба они вмѣстѣ — и Мордвиновъ, и Войновичъ — старались снарядить греческихъ арматоровъ или вооруженныхъ развѣдчиковъ по Черному морю, для наблюденія за движеніями турецкихъ военныхъ судовъ и преслѣдованія коммерческихъ.

Потемкинъ, сверхъ того, всѣми мѣрами усиливалъ наши дѣйствующія сухопутныя войска. На Балтійскомъ морѣ, по примѣру прошлой войны, у насъ готовилась выступить и идти въ Архипелагъ, въ обходъ Европы, эскадра изъ 15-ти линейныхъ кораблей.

Турецкое правительство точно также дѣятельно готовилось къ войнѣ. Лучшіе европейскіе инженеры и другіе техники заботились объ усиленіи пограничныхъ турецкихъ защитъ, объ организаціи у турокъ артиллерійской части и снаряженіи ихъ военныхъ судовъ.

О числѣ и рангахъ судовъ нашего черноморскаго флота, къ веснѣ 1788 года, можно было судить по вѣдомости, представленной Потемкину за подписью контръ-адмирала Мордвинова (3), 10-го марта 1788 года. Изъ этой вѣдомости видно, что собственно въ севастопольской эскадрѣ къ веснѣ 1788 года состояло:

Кораблей 66-пушечныхъ 2: «Преображеніе», переименованный изъ «Слава Екатерины», и «Св. Павелъ»; фрегатовъ: 50-пушечныхъ 2, 40-пушечныхъ 10 и меньшихъ 2; бомбарда—1; то есть всего 17 судовъ, которыя можно было назвать собственно боевыми. Затѣмъ малыхъ парусныхъ, которыя употреблялись на посты—сторожевые, брандвахтенные, для посылокъ и въ конвой, какъ-то: шкунь, шкунаръ, ботовъ, пинковъ и проч. до 10-ти. А всего, слѣдовательно, парусныхъ военныхъ 27 судовъ, которыя собственно къ веснѣ и составляли наши наличныя дѣйствующія силы на Черномъ морѣ. Затѣмъ еще набрано было у насъ до 20 судовъ малыхъ крейсеровскихъ, преимущественно греческихъ арматоровъ, для развѣдокъ и захвата турецкихъ коммерческихъ судовъ.

Всѣ прочія суда нашего паруснаго флота, еще находившіяся на Лиманѣ и въ Херсонѣ, могли назваться покуда его резервомъ. А такихъ имѣлось, какъ это видно изъ той же вѣдомости: 80-пушечный корабль «Іосифъ II», 66-пушечный «Князь Владиміръ», 50-пушечный фрегатъ «Александръ», 40-пушечный «Скорый» и 26-пуш. «Св. Николай и до 18-ти другихъ малыхъ судовъ.

Лиманская гребная флотилія должна была состоять изъ 8 галеръ, 2 бомбардъ, 6-ти пловучихъ батарей, 6 вооруженныхъ барказовъ, 3 казачьихъ лодокъ и 7 брандерныхъ судовъ, то есть изъ 32 судовъ, которыя уже были на водѣ и вооружались въ Херсонѣ. Кромѣ того, по всѣмъ рѣчнымъ верфямъ на Дону и Днѣпрѣ строилось еще до 60 военныхъ гребныхъ судовъ разныхъ ранговъ, которыя могли быть также приготовлены въ теченіе весенняго и лѣтняго времени 1788 года. Да въ Рогожскихъ Хуторахъ, на Ку-

(\*) Въ дѣлахъ князя Потемкина, хранящихся въ морскомъ архивѣ.



тюрьминскомъ устьѣ Дона, строились два 40-пушечные фрегата.

Прежній образъ нашей войны съ Турціей, преимущественно завоевательный, не входилъ въ планы Потемкина— всѣ дѣйствія котораго отличались большой методичностью и послѣдовательностью. Потемкинъ видимо не располагалъ оставлять непріятельскую территорію въ тылу у нашихъ дѣйствующихъ силъ, и потому намѣревался прежде всего занять побережье Лимана и устья рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, на пространствѣ между Крымомъ и Дунаемъ; а для этого ему, во первыхъ, предстояло овладѣть Очаговымъ, Хаджи-Беемъ и другими турецкими укрѣпленіями на этомъ берегу.

Съ другой стороны, въ тѣхъ же самыхъ видахъ, военныя дѣйствія наши въ 1788 году должны были не столько находиться подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ стремленій къ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ, сколько состоять въ полной зависимости отъ нашей генеральной политической обстановки. Тѣ изъ нашихъ военныхъ теоретиковъ, которые находили въ дѣйствіяхъ Потемкина неугомонную мечту объ изгнаніи турокъ изъ Европы (1), должны были навязать ему, по поводу того же самаго, и безпокойный кровавадный характеръ, и жажду къ нескончаемой войнѣ, и притомъ ему же приписать крайнюю военную неспособность. Тогда какъ въ дѣйствительности — Потемкинъ повсюду доказалъ свои миролюбивыя тенденціи и склонности организатора. Все дѣло состояло въ томъ, что онъ не желалъ и не искалъ войны; а посвятивши всю свою дѣятельность на благоустройство ввѣреннаго ему края, почиталъ преимущественно послѣднее однимъ изъ лучшихъ способовъ общаго возвеличенія нашего государства. А государству нашему: съ весны 1788 года предстояла уже не одна только война съ Турціей. На сѣверѣ спѣшилъ воспользоваться удаленіемъ оттуда нашихъ войскъ, къ турец-

(\*) Очень легко разубѣдится во всемъ этомъ всякій, кто внимательно прослѣдитъ за содержаніемъ мнѣній Потемкина, которыя подавались имъ въ военный совѣтъ императрицы (Архивъ государственнаго совѣта).

кимъ границамъ, шведскій король Густавъ III. Онъ дѣятельно, съ весны же, вооружалъ у себя и флотъ, и армію, въ надеждѣ отнять у Россіи ея Выборгское намѣстничество. На западъ не меньшія затрудненія готовили намъ Польша и Пруссія, при настойчивыхъ побужденіяхъ со стороны Англіи. И потому, какъ было сказано, намъ приходилось думать не столько о новыхъ захватахъ въ турецкихъ владѣніяхъ, сколько о сохраненіи повсюду угрожающаго положенія и сбереженіи наличныхъ силъ нашихъ армій. А при этомъ и все наши дѣйствія должны были клониться къ тому, чтобы не удалять военныхъ нашихъ силъ отъ своихъ границъ и создавать какъ можно больше затрудненій для Турціи. Движенія нашихъ новороссійскихъ армій на югъ—разсчитанныя, медленныя, наступательныя движенія — гармонировали сполна съ выполненіемъ этой стратегической задачи.

Потемкинъ начиналъ съ того, что шелъ съ сухопутными войсками обложить Очаковъ, и на Лиманѣ собиралъ всевозможныя суда для составленія гребной флотилии. Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній, мы видѣли, что всѣхъ такихъ судовъ, готовыхъ и приводившихся въ готовность, у насъ имѣлось числомъ до 78. Начальство надъ ними предполагалось поручить принцу Нассау-Зигену, который былъ принятъ въ нашъ флотъ изъ французской службы въ чинѣ контръ-адмирала.

Турки, съ своей стороны, рѣшались не только отстаивать Очаковъ, но и, по прошлогоднему, дорываться до Херсона—и потому вся военная буря въ этомъ году готовилась снова разразиться на Лиманѣ.

Флотъ турецкій въ началѣ 1788 года, то есть спустя 17 лѣтъ послѣ истребленія его при Чесмѣ, былъ снова доведенъ до значительныхъ размѣровъ. Онъ состоялъ уже теперь изъ 20 линейныхъ кораблей, болѣе нежели изъ 20 фрегатовъ и множества меньшихъ военныхъ судовъ. Его предводитель, капитанъ-паша Гассанъ, извѣстенъ былъ необыкновенной настойчивостью и твердостью характера.

Въ этомъ году военныя дѣйствія на Лиманѣ и на водѣ

открывалъ одинъ изъ нашихъ флотскихъ офицеровъ, капитанъ 2-го ранга Сакенъ.

Борьба за непосредственные наши русскіе интересы, личный характеръ императрицы и тогдашнихъ нашихъ мѣстныхъ ближайшихъ дѣятелей: Румянцева, Потемкина, Суворова — борьба, въ которой дипломатическимъ путемъ и отчасти на дѣлѣ принимала участіе положительно вся Европа — все это незамѣтно имѣло огромное нравственное вліяніе на кругъ людей, почти отрѣзанныхъ отъ общества, какими были наши черноморскіе моряки. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, настроеніе ихъ доходило до высшей степени героизма и самоотверженія. Мы видѣли уже прежде дѣйствія нашихъ двухъ отрядовъ подъ командой Кинсбергена въ 1773 году. Выше упомянуто было о дѣйствіяхъ Ломбарда и Веревкина. Послѣдніе находились теперь въ плѣну въ Константинополѣ. Но флотъ нашъ на половину состоялъ изъ такихъ же дѣятелей, для которыхъ не доставало только случая и предлога на новые военные подвиги.

7-го мая 1788 года капитану Сакену, командиру дубельшлюпки № 2, данъ былъ малый отрядъ, состоявшій изъ его собственнаго судна и двухъ казачьихъ или канонерскихъ лодокъ, и онъ отправленъ былъ подъ Кинбурнъ въ распоряженіе сухопутнаго вѣдомства, для сохраненія сообщеній этой крѣпости съ нашей лиманской эскадрой — суда которой только еще сосредоточивались у пристани Глубокой. 18-го мая появились у Очакова главныя силы турецкаго флота, подъ командой самого Гассана. Эти силы состояли изъ 13 кораблей, 15 фрегатовъ и 32 разныхъ меньшихъ, преимущественно гребныхъ, военныхъ судовъ, и потому отряду Сакема дано было приказаніе присоединиться къ своей эскадрѣ.

Сакенъ не вдругъ исполнилъ данное ему приказаніе — однакожь повиновался, и 20-го утромъ отправилъ къ эскадрѣ обѣ канонерскія лодки, а самъ, видимо съ умысломъ, замедлилъ, имѣя желаніе вызвать турецкія суда на сраженіе. Такъ оно и случилось: турецкая флотилія, со времени прибытія своего къ Лиману, два дня стояла не-

подвижно, и вдругъ—20-го мая, часу въ 12-мъ дня, очень поспѣшно и безъ всякаго видимаго приготовленія, отдѣлились отъ нея 30 гребныхъ судовъ и прямо направились на дубель-шлюпку Сакена. Послѣдній не располагалъ вступать въ такую неравную битву; онъ тотчасъ поставилъ паруса и выкинулъ весла. Всѣ турецкія суда сдѣлали тоже самое, причѣмъ оказались всѣ быстрѣе на ходу, нежели наша дубель-шлюпка, и часу въ 6-мъ вечера 8 галеръ нагнали ее невдалекѣ отъ устья Буга. Когда Сакенъ увидѣлъ, что ему уйти уже нельзя, то посадилъ гребцовъ на бывшую у него 8-весельную шлюпку и послалъ ее увѣдомить Нассау-Зигена, что онъ живой въ руки не отдастся. Большія орудія помѣщались на носу у дубель-шлюпки, и потому Сакенъ спѣшилъ повернуться носомъ къ турецкимъ галерамъ, чтобы дать имъ отпоръ. Но онъ не успѣлъ сдѣлать этого маневра и былъ взятъ двумя турецкими галерами на абордажъ. Тогда—выполняя данное имъ прежде обѣщаніе — онъ сначала сражался, а потомъ зажегъ свою крѣпость-камеру и взлетѣлъ на воздухъ, а вмѣстѣ съ собой потопилъ еще 4 турецкія галеры. Все это происшествіе во всей подробности видно было въ зрительныя трубы изъ Кинбурна. Трупъ Сакена былъ найденъ на пескѣ при самомъ устьѣ Буга, совершенно обезображенный. Дѣло Сакена было важно для насъ въ томъ отношеніи, что турки особенно тщательно, впоследствии, избѣгали абордажныхъ схватокъ съ русскими судами, и держались отъ нихъ всегда въ приличной дистанціи, что и давало намъ немалый нравственный перевѣсъ надъ ними.

Въ 1788 году, сообразно предположенному плану кампаніи, съ весны, одна изъ нашихъ армій, подъ начальствомъ фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, направлена была къ Днѣстру и должна была придерживаться къ польскимъ границамъ; а Потемкинъ, съ другою арміею, находившеюся подъ личнымъ его начальствомъ, въ маѣ мѣсяцѣ началъ кампанію съ обложенія Очакова и старался преимущественно о томъ, чтобы всѣми возможными способами отвлекать вниманіе турокъ къ сторонѣ моря. Характеры двухъ новыхъ лицъ, призванныхъ коман-

довать нашими лиманскими эскадрами, какъ разъ соотвѣтствовали этимъ стратегическимъ комбинаціямъ. Лица эти были: принцъ Нассау-Зигенъ и французско-американскій корсаръ Поль-Джонесъ, шотландскій уроженецъ—оба, по репутаци, люди храбрые и предприимчивые; но, какъ оказалось впоследствии, оба довольно неугомонные, а вдобавокъ, что касалось Поля-Джонеса, то онъ мало стѣснялся обычаями благоустроеннаго общества, держался въ этомъ отношеніи многихъ нигилистическихъ привычекъ <sup>(1)</sup> и тѣмъ возбудилъ къ себѣ общее нерасположеніе нашихъ командъ и офицеровъ. При всемъ томъ цѣль принятія ихъ на службу была достигнута. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1788 года—оба они, при содѣйствіи нашего капитана бригадирскаго ранга Панаіоти Алексіано, человекъ, сдѣлавшагося также извѣстнымъ своей отважностью со времени нашей архипелажской экспедиціи — четыре раза нанесли пораженіе всей турецкой флотиліи, державшейся у Очакова и наступавшей на насъ со стороны Кинбурна. Всѣ наши офицеры и команды отличались при этомъ самой блестящей храбростью. Капитанъ-паша Гассанъ въ теченіе іюня мѣсяца не только лишился всѣхъ своихъ мелкихъ судовъ, которыя онъ привелъ въ Лиманъ, для того, чтобы проникнуть до Херсона, но потерялъ до 14 кораблей и другихъ парусныхъ большихъ боевыхъ судовъ — отчасти сожженныхъ и взорванныхъ, а отчасти захваченныхъ нами въ плѣнъ, причемъ считали потерю у турокъ людьми тысячъ до 8-ми.

Между тѣмъ, Войновичъ всю зиму занятъ былъ исправленіемъ судовъ севастопольской эскадры. Не ранѣе однакожь, какъ въ началѣ іюня, могъ онъ привести большую ихъ часть въ готовность къ выступленію изъ порта, и только 18-го іюня, послѣ настойчивыхъ требованій со стороны Потемкина, онъ вышелъ съ ними въ море, и послѣдовалъ къ сѣверо-западу, для нападенія на турецкій флотъ,

(1) Въ архивныхъ дѣлахъ графа Чернышева имѣется весьма любопытное, но неудобопечатное дѣло Поля Джонеса, рисующее его довольно рельефно со стороны нравственно-общежительной.

находившійся у Очакова. Всего Войновичъ вывелъ въ эскадръ своей изъ Севастополя 2 линейные корабли: «Преображеніе» и «Св. Павель», 2 фрегата 50 пушечные: «Св. Георгій» и «Андрей», 8 фрегатомъ 40 пушечныхъ; изъ нихъ: «Стрѣла», «Побѣда», «Перунъ» и «Легкій» были прежней постройки, и потомъ новые, въ прошломъ году приведенные съ гнилотонской верфи: «Кинбурнь», «Бериславъ», «Фанагорія» и «Таганрогъ». Эти двѣнадцать судовъ должны были составить боевую линію, и потому въ новомъ нашемъ черноморскомъ флотѣ положено ихъ было называть *кораблями*. Въ сущности же, не только 40-пушечные, но и 50-пушечные фрегаты этого рода были фрегатами малыми, имѣвшими орудія малаго калибра, и одинаковые съ ними въ балтійскомъ нашемъ флотѣ, да и вообще въ европейскихъ флотахъ не почитались судами, которыя могли сражаться въ линіи противъ настоящихъ боевыхъ линейныхъ кораблей. Затѣмъ находились еще при флотѣ: малый 32-пушечный фрегатъ «Вѣстникъ», два вооруженныхъ транспорта: шебека «Острая» и 16 пушкахъ, и шкуна «Полоцкъ» о 10 пушкахъ, 17 малыхъ корсарскихъ судовъ, подъ названіемъ лансоновъ и кирлангичей, размѣреніями: отъ 54 до 80 футовъ длиною, и отъ 14 до 20 шириною; малыхъ орудій на каждомъ изъ нихъ имѣлось отъ 3 до 10-ти, и наконецъ—3 малыхъ брандерныхъ судна. То есть—всего малыхъ судовъ при дѣйствующемъ флотѣ находилось 23, которыя могли быть годны только на посылки и крейсерство по берегамъ, для развѣдыванія о движеніи и состояніи непріятельскаго флота (1). Графъ Войновичъ имѣлъ свой флагъ на кораблѣ «Преображеніе»; авангардомъ командовалъ Федоръ Федоровичъ Ушаковъ.

Изъ многихъ писемъ Войновича къ Ушакову видно, что послѣдній руководилъ всѣми дѣйствіями нашего флота. Такъ, напримѣръ (2), 1-го іюля Войновичъ ему писалъ:

«Любезный товарищъ. Миѣ бы нужно было поговорить

---

(1) Изъ дѣлъ князя Потемкина въ морскомъ и московскомъ архивахъ (донесенія Войновича, Ушакова и другихъ).

(2) Изъ дѣлъ князя Потемкина.

съ вами. Пожалуйста прїѣзжай, если будетъ досугъ. 20 линейныхъ кораблей насчиталъ!»

А потомъ еще 2-го іюля:

Я думаю, другъ мой, чтобъ ввечеру намъ поворотить чрезъ контръ-маршъ <sup>(1)</sup> къ берегу. Но на сіе согласимся послѣ. Авось, Богъ дастъ вѣтру отъ берега и взять бы у него съ навѣтра — такъ и сомнѣнія бы не было. Тутъ только три корабля (то есть у турокъ), хорошо снабжены людьми; а прочее все у нихъ сволочь. На абордажъ у насъ не возьмешь — люди хороши и подерутся шибко. Наши храбростью имъ не уступятъ. Сегодня думаю онъ не подойдетъ, ибо будетъ поздно; но завтра рано надобно быть готовымъ, да и ночью осторожнымъ. Если подойдетъ къ тебѣ капитанъ-паша, сожги батюшка, проклятаго! Надобно намъ поработать теперича, и отдѣлаться на одинъ конецъ. Если будетъ тихо, посылай ко мнѣ часто свои миѣнія, и что предвидишь? Будь здоровъ и держи всѣхъ сомкнутыхъ, авось избавимся».

По выходѣ нашего дѣйствующаго флота изъ Севастополя, вѣтеръ стоялъ для него неблагопріятный. Крейсера въ началѣ дали знать Войновичу, что флотъ турецкій находится у Очакова: потомъ 24 іюня они его увѣдомили, что онъ былъ усиленъ прибывшими изъ Константинополя новыми большими судами. Наконецъ, когда эскадра наша подвигалась къ сторонѣ Хаджи-Бея, то снова крейсера увѣдомили Войновича, что флотъ турецкій находится подъ парусами и лавируетъ къ сторонѣ Севастополя. Наконецъ 29 іюня у насъ и на эскадрѣ видны стали турецкія военныя суда. 1 іюля, когда она находилась невдалекѣ отъ острова Феодоносіи <sup>(2)</sup> Войновичъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго его письма, насчиталъ тогда въ турецкомъ флотѣ до 20 линейныхъ кораблей. 2 іюля флоты сблизились и могли уже лучше разсмотрѣть другъ друга. Турецкій флотъ состоялъ изъ 17 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ пять было 80-ти пушечныхъ; сверхъ того въ немъ было

<sup>(1)</sup> Послѣдовательно, одному кораблю за другимъ.

<sup>(2)</sup> Лежитъ къ востоку у устья Дунай.

8 фрегатовъ и точно также 24 мелкія судна, державшіяся за флотомъ или въ замѣ. Собственно боевую силу обоихъ флотовъ можно было выразить такимъ образомъ:

У турокъ линію составляли одни ихъ корабли. На нихъ было до 1100 орудій и отъ 9-ти до 10-ти тысячъ человѣкъ командъ.

На нашихъ линейныхъ судахъ было 550 орудій и невступно до 4 тысячъ командъ.

Вѣсь металла, который могли турки единовременно выбрасывать изъ орудій, еще болѣе нарушалъ диспропорцію этихъ силъ,—такъ какъ наши фрегатскія орудія, по общему свидѣтельству и по образу тогдашняго вооруженія судовъ, были меньшихъ калибровъ, сравнительно съ тѣми, которыя находились на турецкихъ корабляхъ. Такъ, что можно было вѣрно положить общій вѣсь снарядовъ выбираемыхъ изъ орудій турецкаго флота въ 410 пудовъ, а изъ нашего 160 пудовъ; что и могло окончательнo выразить относительную боевую силу обоихъ флотовъ нашего и турецкаго, при ихъ первомъ генеральномъ столкновеніи на Черномъ морѣ,

3 іюля, на разсвѣтѣ, оба флота сходились. Капитанъ паша Гассанъ надѣялся одолѣть наши слабыя силы. Тогда какъ, ободренные прежними примѣрами и повинуясь приказанію Потемкина атаковать турецкій флотъ во что бы то ни стало, командиры нашихъ судовъ, не смотря на видимое превосходство турецкихъ силъ, точно также шли охотно въ сраженіе.

Съ самаго утра, въ этотъ день, вѣтеръ дулъ тихій отъ сѣверо-востока. Нашъ флотъ лежалъ къ юго-востоку, то есть—къ сторонѣ моря. Флотъ турецкій, случайно, находился между нами и Крымомъ, на вѣтрѣ у нашей эскадры. Ушаковъ, командуя авангардомъ, старался всѣми силами выиграть ходъ у передовыхъ шведскихъ судовъ. Онъ самъ, со своимъ кораблемъ, и два его передовые фрегата вовсе не держали строя, а шли подъ всѣми парусами—какъ бы въ авангардѣ у непріятеля. Намѣреніе Ушакова состояло въ томъ, чтобы голову турецкой колонны обойти и поставить въ два огня. Но Гассанъ понялъ предстоящую ему



опасность, и точно также спѣшили прибавлять паруса. Турецкіе корабли оказались легче нашихъ на ходу, и передовые изъ нихъ сблизились на короткій выстрѣлъ съ нашей авангардіей, тогда какъ всѣ прочія суда обоихъ флотовъ вытянули длинныя линіи почти въ разсыпную, и въ этомъ положеніи открыли жестокою кононаду съ обѣихъ сторонъ. Это было въ 2 часа по полудни. Команды наши получили приказаніе дѣйствовать по непріятелю не иначе какъ ближними прицѣльными выстрѣлами. Особенно мѣтко сражалась на короткомъ разстояніи наша авангардія—такъ, что три передовые турецкіе корабли не выдержали и получасоваго огня съ нашихъ двухъ фрегатовъ и корабля «Св. Павла», они поворотили (оверъ-штагъ) на другой галсъ и пошли прочь. Когда они проходили контръгалсомъ (1) мимо Гассана, то онъ, въ наказанье имъ, самъ палилъ въ нихъ ядрами, и требовалъ, чтобы они вступили снова въ сраженіе. Но это было напрасно. За тѣмъ постепенно, на смѣну выбывшихъ у турокъ изъ линіи, вступалъ въ сраженіе съ нашей авангардіей самъ капитанъ-паша, и битва самая упорная продолжалась по всей линіи до 5 часовъ по полудни. На одномъ изъ турецкихъ кораблей была сбита мачта, на нѣкоторыхъ стеньги, у капитана-пашы разбита вся корма Ушаковымъ — и весь флотъ турецкій пустился бѣжать. Корабль «Св. Павелъ», находясь всѣхъ ближе къ непріятелю, еще догналъ и выстрѣлами потопилъ одну его шебеку. Всѣ прочія турецкія суда успѣли уйдти на юго-западъ и ночь разлучила флоты.

«Поздравляю тебя, батюшка Федоръ Федоровичъ», писалъ Войновичъ (2) Ушакову. «Сего числа поступилъ ты весьма храбро. Далъ же ты капитану-пашѣ порядочный ужинъ. Миѣ все видно было! Симъ вечеромъ, какъ темно сдѣлается, пойдемъ на курьь OSO къ нашимъ берегамъ. Сіе весьма нужно, вамъ скажу послѣ. А нашъ флотикъ заслужилъ чести и устоялъ противъ этакой силы! Мы пойдемъ къ Козлову: надобно миѣ доложить князю кое-что.

(1) На ветрѣчу.

(2) Въ дѣлахъ князя Полежакина.

Прости другъ сердечный—будь, душенька, остороженъ, чтобы намъ сей ночью неразлучиться. Я сдѣлаю сигналъ о соединеніи: тогда и спустимся».

Потери наши въ этомъ сраженіи были не велики. Нѣсколько болѣе другихъ пострадали фрегаты: «Бериславъ», «Стрѣла» и корабль «Св. Павелъ», было нѣсколько человѣкъ раненыхъ и ни одного убитаго, какъ это видно изъ повѣрочныхъ списковъ нашихъ командъ по судамъ (1). Безпорядочное отступленіе турецкаго флота показало намъ, что уронъ въ людяхъ былъ на немъ значителенъ. Послѣ сраженія флоты еще два дня держались вдалькѣ, въ виду одинъ у другаго. Нашъ находился у крымскихъ береговъ къ сторонѣ Евпаторіи.

Войновичъ еще писалъ Ушакову 5 іюля (2):

«Другъ мой Федоръ Федоровичъ. Предвижу дурныя намъ обстоятельства. Сегодня вѣтеръ туркамъ благодѣтельствуешь, а у насъ его нѣтъ. Фрегаты упали подъ вѣтеръ. Если да приблизится онъ (капитанъ-паша), то должно намъ строгитъ поскорѣе линію и приготовиться къ бою. Если бы фрегаты не были такъ увалены подъ вѣтеръ, мы достигли бы гавани. Но что дѣлать—судьба наша такая, надобно дѣлать все что къ лучшему. Дай мнѣ свое мнѣніе и обкураж! Какъ думаешь, дойдемъ ли до гавани? Пошли къ фрегатамъ, чтобъ поднимались къ вѣтру. Да самъ не уходи далеко очень—самъ ты знаешь!».

7 іюля отъ нашихъ крейсеровъ получено было извѣстіе, что турецкій флотъ ушелъ къ сторонѣ Варны. Войновичъ съ эскадрой своей продержался еще въ виду у Севастополя до 19 іюля, и въ этотъ день вошелъ на рейдъ.

Потомъ, по приказанію Потемкина, Войновичъ снова 24 августа выходилъ съ эскадрой своей въ море; но встрѣтилъ на самомъ выходѣ изъ порта крѣпкій съверо-западный вѣтеръ и 27-го снова возвратился на рейдъ (3); а послѣ того не выходилъ уже изъ Севастопо-

(1) Изъ отдѣльныхъ донесеній, въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи.

(2) Все эти письма живѣе характеризуютъ сношенія нашихъ тогдашнихъ флотскихъ начальниковъ и мы приводимъ ихъ въ текстъ.

(3) Донесеніе Войновича отъ 27-го августа, въ дѣлахъ князя Потемкина.

ля, не смотря ни на какія побужденія со стороны Потемкина. То онъ жаловался на поврежденія своихъ судовъ и на множество у него на эскадрѣ больныхъ, то говорилъ что жители Крыма не спокойны, и что онъ не рѣшается выйдти въ море изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ главнаго своего порта, или быть застигнутымъ снова бурей <sup>(1)</sup>; а на послѣднее приводилъ въ примѣръ первое выступленіе флота въ прошломъ году, когда, вслѣдствіе претерпѣнныхъ имъ поврежденій, онъ принужденъ былъ въ теченіе цѣлой зимы заниматься одними исправленіями, и потерялъ два большія военныя судна. Одержанная 3-го іюля побѣда надъ турецкимъ флотомъ давала мнѣніямъ Войновича нѣкоторый авторитетъ, а многіе его доводы невольно склоняли и самого Потемкина на соблюденіе извѣстной осторожности.

А между тѣмъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, капитанъ-паша снова появился подъ Очаковымъ <sup>(2)</sup> и укрѣпилъ островокъ Березань или Аду, лежащій противъ входа съ моря въ Днѣпровскій Лиманъ. Все это вмѣстѣ держало морскія силы наши въ довольно неопредѣленномъ состояніи, и неопредѣленность эту довершало затруднительное положеніе, въ которомъ находились всѣ наши прочія дѣла въ государствѣ.

Съ самой весны 1788 года стали къ намъ доходить извѣстія о тайственныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ Швеціи, а 23 іюня русскіе пограничныя посты въ Финляндіи были атакованы шведскими войсками и вынудили насъ собирать новую армію на сѣверѣ, для защиты нашихъ границъ со стороны новаго непріятели. Наша балтійская эскадра, въ составѣ 15 кораблей, совсѣмъ уже готовая выступить изъ Кронштадта, съ десантными войсками, идти въ обходъ Европы и произвести сильную диверсію со стороны Архипелага—была задержана въ Балтійскомъ морѣ—и, вмѣсто того, имѣла жестокое сраженіе со шведскимъ

(1) Очень много писемъ Войновича, написанныхъ къ Потемкину въ этомъ духѣ, имѣется въ дѣлахъ подъ рубрикой «дѣла князя Потемкина», въ морскомъ архивѣ.

(2) Изъ донесеній разныхъ лицъ въ дѣлахъ князя Потемкина.

флотомъ 6 юля у Хогланда. Англія, Пруссія—не скрывали также своего непріязненнаго расположенія къ Россіи, и заставляли насъ удерживаться отъ всякихъ наступательныхъ движеній на югъ—которые, въ противномъ случаѣ, могли бы увязить наши арміи въ Турціи. Все это вынуждало Потемкина держать наши сухопутныя силы въ сборѣ и ближе къ своимъ границамъ и всѣ ихъ дѣйствія ограничивать покуда обложеніемъ Очагова, который такимъ образомъ, по всѣмъ расчетамъ, и долженъ былъ составлять до времени большое мѣсто Турціи.

Еще одна небольшая экспедиція была устроена съ нашей стороны для развлеченія вниманія турокъ на Черномъ морѣ. Въ началѣ сентября составленъ былъ въ Севастополѣ небольшой отрядъ судовъ для поисковъ въ Малую Азію. Начальникомъ этого отряда Потемкинъ посылалъ своего флотскаго адъютанта Дмитрія Николаевича Сенявина. Отправляя его туда, Потемкинъ его благословлялъ и говорилъ: «Богъ да сохранить тебя, Дмитрій, въ предстоящихъ опасностяхъ; исполняй свой долгъ, а мы не оставимъ о тебѣ молиться» (1). Мы приводимъ эти добрыя слова старшаго патрона севастопольскаго порта, какъ свидѣтельство одной изъ характеристическихъ особенностей его личности.

Сенявинъ выполнилъ, впрочемъ, свое дѣло безъ особенной тревоги. 16 сентября онъ вышелъ изъ Севастополя съ 5-ю малыми судами, перешелъ къ южному берегу Черпаго моря, атаковалъ тамъ не только турецкія малыя суда, но и самыя береговыя турецкія укрѣпленія отъ Синопа до Воны и Керасунды; набралъ призовъ, надѣлалъ общей тревоги въ мало-азійскихъ турецкихъ владѣніяхъ, и съ военной добычей, 6 октября, возвратился въ Севастополь.

Это былъ первый военный поискъ, совершенный нашими судами на южные берега Черпаго моря.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, на сѣверѣ, у насъ наступили холода: въ Балтійскомъ морѣ и Финляндіи военныя дѣйствія прекратились. Потемкину на зиму хотѣлось уже покончить

(1) Изъ рукописи Д. Н. Сенявина у Арцымовича.

и съ Очаковымъ, и онъ строго предписалъ Войновичу атаковать турецкій флотъ, державшійся у острова Ада. Приказаніе было сдѣлано до того опредѣлительно, что Войновичъ не посмѣлъ на этотъ разъ ослушаться, и 2 ноября снова вышелъ въ море съ севастопольской эскадрой, находившейся въ томъ же составѣ. Но покуда онъ шель къ сторонѣ Тендры, вдоль западнаго берега Крыма, капитанъ-паша ушелъ отъ Очакова къ сторонѣ Хаджи-Бей, и 6-го числа, слѣдуя къ югу вдоль румилійскаго берега, со всѣмъ своимъ флотомъ скрылся изъ вида у нашихъ крейсеровъ. Послѣ этого Очаковъ, давно стѣсненный съ сухаго пути, былъ заблокированъ со стороны моря одной нашей лиманской флотиліей. 7 ноября для полнаго господства нашего на Лиманѣ, при содѣйствіи этой же флотиліи, сухопутными нашими войсками овладѣли Березанью, а 6 декабря Потемкинъ взялъ штурмомъ Очаковъ. Тогда какъ севастопольская эскадра, на основаніи всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствъ, получила приказаніе окончить кампанію и 19 ноября <sup>(1)</sup> вошла въ севастопольскую гавань на зимовку.

Независимо отъ всего этого, къ исходу 1788 года, на основаніи сдѣланнаго опыта, въ составѣ лицъ, начальствующихъ черноморскимъ флотомъ и его частями, произошли многія перемѣны: безпрестанныя ссоры Нассау-Зигена и Поля Джонеса, между собою и съ нашими офицерами, заставили Потемкина прималчивать на всѣ ихъ жалобы, по ихъ обоюднымъ спорамъ, и оба они, въ октябрѣ мѣсяцѣ, отказались продолжать службу въ черноморскомъ флотѣ. Нассау-Зигенъ поѣхалъ въ Польшу и Францію, а Польш Джонесъ въ Петербургъ.

Потомъ, около половины ноября, когда установились морозы на Лиманѣ, а по рѣкамъ, въ него впадающимъ, пошелъ ледъ, то всѣ суда наши, тамъ находившіяся, попали въ довольно бѣдственное положеніе. А при этомъ Потемкинъ былъ недоволенъ распоряженіями Мордвинова, и потому въ исходѣ декабря 1788 года Мордвиновъ былъ

(1) Довесеніе севастопольскаго капитана надъ портомъ Дожжирова, въ дѣлахъ князя Потемкина.

уволень въ долговременный отпускъ; а на его мѣсто Войновичъ вызванъ былъ въ Херсонъ, для принятія главнаго командованія надъ флотомъ и портомъ. Эта смѣна между послѣдними состоялась 27-го декабря. По отъѣздѣ же Войновича изъ Севастополя, старшимъ изъ флотскихъ капитановъ у командованія тамошней эскадрой и вмѣстѣ портомъ, остался Федоръ Федоровичъ Ушаковъ, состоявшій тогда въ чинѣ капитана бригадирскаго ранга.

«Неожиданный успѣхъ сопротивленія, оказаннаго турками соединенными силами Россіи и Австріи (въ 1788 году), охладилъ ревность и остановилъ вооруженія Англии и Пруссіи, которыя, въ случаѣ невыгоднаго оборота дѣлъ для Турціи, вѣроятно приняли бы участіе въ войнѣ». Такъ говоритъ нашъ военный исторіографъ М. И. Богдановичъ (1), оканчивая описаніе нашихъ дѣйствій въ Турціи въ теченіе 1788 года. И это была дѣйствительная разгадка всѣхъ нашихъ военныхъ операцій за этотъ годъ, или «чудачества Потемкина»—какъ это полагали нѣкоторые его современники, находившіеся у него въ лагерѣ подъ Очаковымъ. Очаковъ былъ тогдашнимъ турецкимъ Гибралтаромъ или нашимъ Севастополемъ въ 1854 году. Подъ нимъ централизовались всѣ военныя дѣйствія въ теченіе цѣлой кампаніи; туда стягивались и сухопутныя войска, и флоты. Это была крѣпость, для овладѣнія которой мы почитали неразумнымъ останавливаться (2) въ теченіи предшествовавшей войны съ Турціей (1768—1774) и которую мы обходили даже и въ то время, когда, съ одной стороны, приближались къ Адрианополю, а съ другой овладѣли Крымомъ и берегами Кубани. Только теперь, имѣя за собой Очаковъ и весь Лиманъ сполна, мы дѣлались владѣльцами устьевъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море по западную сторону Крыма, и теперь только могли свободно заводить на Черномъ морѣ флотъ. Это приобрѣтеніе въ стратегическомъ смыслѣ было, слѣдова-

(1) Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи, изд. 1852 г. стр. 165.

(2) Архивъ государственнаго совѣта.

тельно, болѣе важно, нежели всякій временный переходъ нашихъ войскъ за Дунай. Такъ понималъ это Потемкинъ; такъ понимала это и наша императрица. А вмѣстѣ съ тѣмъ, это же самое приобрѣтеніе не бросалось тогда въ глаза и нашимъ западнымъ противникамъ. Они дѣйствительно почитали, что Россія совершила большія затраты и сдѣлала такія большія усилія на овладѣніе одной этой крѣпостью, послѣ которыхъ имъ самимъ уже не стоило напрягать свои собственныя силы на дальнѣйшее ея истощеніе. Наконецъ—только вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ Очакова, мы свободно могли выбирать и мѣста для нашихъ военныхъ верфей по Лиману. Но этого всего не хотѣлъ принять во вниманіе бывшій «старшій членъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія» Николай Семеновичъ Мордвиновъ, какъ это было видно изъ его длинныхъ писемъ къ секретарю Потемкина Попову (1), и потому разладилъ съ Потемкинымъ и принужденъ былъ оставить свою должность.

Зимнее время служило тогда постоянно какъ бы безмолвнымъ перемиріемъ между воюющими сторонами. Это былъ общій роздыхъ для обѣихъ; и каждая изъ нихъ спѣшила имъ воспользоваться, для того конечно, чтобы вновь формировать войска и собирать свои силы. Тоже самое происходило въ 1788 году у Россіи, и на ея сѣверѣ, въ войнѣ со Швеціей.

Нашъ черноморскій парусный флотъ къ веснѣ 1789 г. состоялъ изъ 5 кораблей, 4 большихъ и 14 меньшихъ фрегатовъ. Кромѣ того, въ самомъ Севастополѣ имѣлось 8 малыхъ военныхъ и до 30 вооруженныхъ транспортныхъ судовъ и малыхъ каперовъ, и въ теченіе 1788 года, или къ веснѣ 1789 года, все перемѣны въ составъ севастопольской эскадры ограничились ея увеличеніемъ однимъ линейнымъ кораблемъ «Св. Владиміра», который при наступленіи зимы обмерзъ на Лиманѣ близко къ выходу въ море и былъ приведенъ въ Севастополь зимой, въ январѣ

(1) См. Записки гидрографическаго департамента морскаго министерства. Т. 10, стр. 381—8.

1780 года; а флотъ черноморскій вообще увеличенъ былъ двумя кораблями, додѣланными въ Херсонѣ, и двумя большими фрегатами, построенными въ Рогожскихъ Хуторахъ на Кутюрминскомъ устьѣ Дона, взамятъ которыхъ удостоены были въ негодность два старые новохоперскіе фрегата.

Въ томъ же 1788 году сдѣлана была на Черномъ морѣ первая проба обшивки мѣдью подводной части судовъ.

Кромѣ того, всѣ суда наши въ теченіе зимы были нѣсколько передѣланы въ бортахъ и палубахъ для помѣщенія болѣе крупныхъ орудій, и у нѣкоторыхъ измѣнены названія, и вмѣсто прежнихъ даны имъ другія, въ воспоминаніе нашихъ святыхъ угодниковъ по тѣмъ днямъ въ году, когда суда эти были приобрѣтены или выведены въ плаваніе.

Самъ Севастополь со времени Мекензи и пребыванія въ немъ нашей императрицы, къ 1789 году, измѣнился очень мало. Вся дѣятельность наличныхъ флотскихъ командъ съ 1787 года была преимущественно направлена къ починкамъ и передѣлкамъ тѣхъ судовъ, которыя теперь выходили непрерывно въ плаваніе. Существенная перемѣна по портовой администраціи Севастополя состояла въ томъ только, что, въ началѣ 1789 года, оформализировано было его портовое управленіе, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго донесенія Потемкину<sup>(1)</sup> отъ черноморскаго управленія, 26-го апрѣля 1789 года:

«Хотя въ Севастополѣ для адмиралтейства и для порта штата нѣтъ», сказано было въ этомъ донесеніи, «но чтобъ теченіе дѣлъ соблюдено было по самой точности установленныхъ на то законовъ, и чтобъ каждый служащій занимался по званію своей должности, контръ-адмиралъ графъ Войновичъ почелъ прямымъ долгомъ учредить тамъ «контору севастопольскаго порта». Черноморское адмиралтейское правленіе, по отзыву его, сходственно адмиралтейскимъ законамъ, оную контору открыло, которая существованіе приняла 22-го марта, на основаніи кон-

(1) Въ архивныхъ дѣлахъ князя Потемкина.



торы кронштадтскаго порта. Для засѣданія и присутствія въ оной опредѣленъ капитаномъ надъ портомъ капитанъ 2-го ранга (Дмитрій) Доможировъ, потребныя ему чины отдѣлены изъ штата, положеннаго въ правленіи. О чемъ черноморское правленіе долгомъ имѣеть донести вашей свѣтлости».

Съ весны 1789 года мы продолжали состоять въ союзѣ съ Австріей, и военныя дѣйствія въ текущемъ году предполагалось вести, противъ Турціи, съ ней сообща, а общія военныя операціи направить на Молдавію, которая длинной и широкой ступней задавалась между Россіей и Австріей къ сторонѣ Польши. Потемкинъ дѣлался главнымъ распорядителемъ всѣхъ нашихъ военныхъ силъ, собранныхъ противъ Турціи. По общимъ его предположеніямъ, намъ слѣдовало, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, переходить за Днѣстръ и занимать черноморское побережье до Дуная; а въ центрѣ и на правомъ флангѣ, при пособіи австрійцевъ, отвлекать турецкія силы къ западу, и тѣмъ поддерживать упомянутое береговое движеніе нашего лѣваго фланга. Лиманскія морскія силы наши, то-есть: остававшіяся тамъ на зимовкѣ большія парусныя суда нашего черноморскаго флота и вся гребная флотилія, должны были охранять очаковскій берегъ отъ турецкихъ десантовъ, а севастопольская эскадра—грозить съ тыла турецкому флоту, при всякихъ его движеніяхъ къ сторонѣ Лимана, и защищать крымскіе берега, въ случаѣ какихъ-либо иныхъ его враждебныхъ намѣреній къ сторонѣ этого полуострова и Тамани (1).

Турецкій флотъ зимовалъ въ Константинополь, и потому, для наблюденія за его движеніями, мы съ ранней весны разсылали по всему Черному морю наши малыя крейсерскія суда. Съ весны же, днѣпровская наша флотилія выходила къ острову Березани, а севастопольская эскадра вооружалась и вытягивалась на свой рейдъ.

Въ 1789 году весна на сѣверномъ черноморскомъ по-

(1) Все это можно видѣть въ опубликованныхъ документахъ «Архива государственнаго совѣта».

бережь открывалась довольно поздно. Въ мартѣ мѣсяцѣ всѣ рѣки вздулись, разорвали повсюду мосты и затруднили движенія войскъ и доставку къ нашимъ арміямъ продовольствія, рекрутъ и всякаго рода военныхъ запасовъ. Сверхъ того, война со Швеціей много оттягивала наши средства къ сѣверу въ противоположный край нашего государства, и это заставляло насъ снова дѣйствовать вообще осторожно и сберегать свои силы. При дворѣ нашемъ, всѣми мѣрами, старались склонить союзницу нашу Австрію, принять болѣе дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціей. Но съ начала кампаніи мы успѣли добиться только того, что австрійскія войска вступили въ Молдавію и Сербію и остались въ оборонительномъ положеніи. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ, и то сами турки вывели ихъ изъ бездѣйствія, собственнымъ наступательнымъ движеніемъ со стороны Валахіи. Австрійцы и тутъ рѣшались уже отступать: неожиданное появленіе имъ на помощь небольшого нашего корпуса, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Суворова, заставило ихъ, однакожь, сражаться, и 21-го іюля турки потерпѣли пораженіе на лѣвомъ флангѣ своей арміи у Фокшанъ. Пораженіе это заставило турокъ опасаться за лѣвый флангъ своей операціонной линіи. Они начали стягивать туда свои главные силы, и тѣмъ облегчили дѣйствія нашей арміи съ черноморскаго побережья.

Потемкинъ этого только и дожидался, и съ начала сентября тронулся со всѣми своими главными силами за Днѣстръ. 4-го сентября онъ занялъ Кишеневъ. Затѣмъ, 7-го сентября, вся турецкая армія снова потерпѣла пораженіе недалеко отъ Фокшанъ на рѣкѣ Рымникъ; а 14-го корпусъ нашихъ сухопутныхъ войскъ штурмовалъ Хаджи-Бей. 30-го сентября мы взяли Аккерманъ и заняли войсками почти все пространство отъ Днѣстра до рѣки Серета, имѣли уже во власти своей устье Днѣстра, и немного не доходили до устья въ Дунай.

Турецкій флотъ во все лѣто дѣйствовалъ крайне нерѣшительно. Въ началѣ іюня онъ показался у Хаджи-Бея, гдѣ и держался отчасти на якорѣ, отчасти же подъ

парусами. Съ 9-го по 11-е іюня одно изъ его отдѣленій приходило на видъ Севастополя; а въ половинѣ этого мѣсяца онъ снова весь располагался на якорѣ между Кинбурномъ и Хаджи-Беемъ. По слухамъ, доходившимъ въ Севастополь, турки снаряжали большую десантную экспедицію, которая моремъ, изъ Константинополя, должна была слѣдовать на Синопъ и Аналу къ сторонѣ Керчи и Таганрога, и Ушаковъ предлагалъ князю Потемкину сдѣлать поиски по берегамъ Чернаго моря. Онъ писалъ къ нему 27-го іюля: «Ежели и повстрѣчаюсь я (1) съ неприятельскимъ флотомъ, буде не найду случая обойтись съ нимъ безъ боя, то и сему, думаю, въ необходимомъ случаѣ когда-нибудь быть должно». Но Войновичъ приводилъ Потемкину много доводовъ въ пользу сохраненія въ сборѣ всѣхъ судовъ нашего флота въ Севастополь (2); самъ же съ лиманской флотиліей не оказалъ никакого пособія нашимъ сухопутнымъ войскамъ даже и при атакѣ на Хаджи-Бей; а только въ началѣ сентября, когда предположено было начать общее наступательное движеніе со стороны нашей арміи, по настоятельному уже требованію Потемкина, онъ послалъ предписаніе Ушакову выступить изъ Севастополя съ его наличной эскадрой и произвести диверсію въ тылу у турецкаго флота. Выступление это, по времени, не могло быть выполнено раньше 18 сентября (3), оно заставило турецкій флотъ удалиться къ Каіакрїи, и единственная помощь, которую нашъ флотъ оказалъ въ 1789 году, для нашихъ общихъ дѣлъ на Черномъ морѣ, въ теченіе этой кампанїи, состояла въ томъ, что Войновичъ могъ въ послѣднее время выйти изъ Лимана съ четырьмя зимовавшими тамъ кораблями: «Іосифъ II», «Марїа Магдалина», «Леонтїй Мученикъ» и «Александръ», и присоединиться къ эскадрѣ Ушакова. А 29 сентября Войновичъ привелъ весь нашъ флотъ въ Севастополь и съ нимъ распо-

(1) Въ дѣлахъ князя Потемкина.

(2) Это видно изъ многихъ писемъ Войновича, имѣющихся въ морскомъ архивѣ.

(3) Донесенія Ушакова и Войновича въ дѣлахъ Потемкина.

ложился тамъ на якорѣ. Туда же, въ исходѣ сентября, капитанъ бригадирскаго ранга Павелъ Васильевичъ Пустошкинъ привелъ изъ Керчи и два новые фрегата: «Петръ Апостолъ» и «Иоаннъ Богословъ».

Потемкинъ былъ, однакожь, не доволенъ всѣми уклончивыми дѣйствіями Войновича и требовалъ, чтобы онъ далъ сраженіе непріятельскому флоту. Но когда Войновичъ снова выступилъ, 8 октября, со флотомъ изъ Севастополя, то не нашелъ уже въ морѣ никакихъ турецкихъ судовъ, и 4-го ноября окончательно вводилъ флотъ въ севастопольскую гавань на зимовку.

Херсонскій портъ, между тѣмъ, по причинѣ мелководія днѣпровскихъ устьевъ оказался неудобнымъ для постройки большаго ранга судовъ, а еще больше для ввода въ него тѣхъ изъ нихъ, которыя требовали случайныхъ исправленій, и въ 1788 году, со времени обложенія Очакова нашими войсками, Потемкинъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы найти лучшее мѣсто подъ черноморское адмиралтейство на одномъ изъ вновь приобрѣтенныхъ устьевъ рѣкъ. Для такого рода изысканій, былъ посланъ въ 1788 году на Бугъ и Ингуль херсонскій корабельный мастеръ полковникъ Семень Афонасьевъ, который, послѣ сдѣланнаго имъ внимательнаго осмотра и промѣра, нашелъ болѣе удобное мѣсто для корабельной верфи при сліяніи этихъ рѣкъ, и въ 1789 году туда приведены были съ Лимана нѣкоторыя наши суда для исправленій; первое между ними было фрегатъ «Федотъ Мученикъ», бывшій «Скорый» новохоперской постройки, а потомъ двѣ дубель-шлюпки. На мѣстѣ, отведенномъ подъ новое адмиралтейство, немедленно стали возводиться элинги, магазины, мастерскія и казармы; а новому селенію, которое тутъ же предполагалось выстроить, дано было названіе «города *Николаева*». За тѣмъ,

5 января 1790 года <sup>(1)</sup>, на одномъ изъ основанныхъ здѣсь элинговъ заложено было первое военное судно, ранга 44 пушечнаго фрегата, которому имя было дано «Святой Николай.»

## VII.

### СЕВАСТОПОЛЬ И ФЛОТЪ ПРИ УШАКОВѢ.

Общее положеніе дѣлъ въ черноморскомъ флотѣ и причины многихъ перемѣнъ въ строеніи судовъ и портовой администраціи. Федоръ Федоровичъ Ушаковъ дѣлается начальникомъ севастопольскаго флота и порта. Составъ нашего паруснаго флота въ началѣ 1790 года.—Общее положеніе военныхъ дѣлъ съ весны этого года.—Поискъ къ турецкимъ берегамъ.—Выступленіе нашего флота и встрѣча его съ турецкимъ флотомъ у мыса Таклы. Сраженіе.—Маневры Ушакова.—Двухдневное сраженіе при о. Тендрѣ и его послѣдствія.—Потемкинъ на флотѣ.—Окончаніе кампаніи въ 1790 году.—Сраженіе при Каіакрїи и его послѣдствія.—Кончина князя Потемкина.—Миръ.—Причины, повліявшія на увеличеніе Севастополя.—Состояніе севастопольскаго порта и флота при вступленіи на престолъ императора Павла I.

Съ наступленіемъ 1790 года, политическія дѣла нашего государства еще нѣсколько болѣе усложнились противъ прежняго. Намъ уже предстояла четвертая кампанія въ войнѣ съ Турціей и третья въ войнѣ со Швеціей; то есть—продолженіе войны при болѣе напряженныхъ средствахъ, продолженіе войны—на двухъ противоположныхъ концахъ нашего государства, когда отъ каждаго успѣха нашего оружія число нашихъ политическихъ опонентовъ увеличилось. А именно: въ 1787 году, если такъ можно выразиться, на насъ была натравлена одна только Турція; но мы имѣли союзника въ Австріи. Въ 1788 году выступила уже противъ насъ и Швеція; а имѣли мы союзникомъ Дانیю. Въ 1789 году, вслѣдствіе угрозъ Англіи и Пруссїи, отъ союза съ нами отдѣлилась Данія. Въ началѣ 1790 уклонялась отъ союза съ нами и Австрія; Пруссїя вооружала на насъ свою сухопутную армію, а Англія готовила

(1) Дѣла Потемкина, донесеніе статскаго совѣтника Фальева.

флотъ. Благодаря необыкновенной энергіи екатерининскихъ дѣятелей, Россія обнаружила при этомъ безпримѣрное развитіе своихъ внутреннихъ, не только матеріальныхъ, но еще болѣе и нравственныхъ средствъ. Она не только успѣвала выставлять въ поле храбрыя и хорошо организованныя войска, но, сверхъ того, завоевывала мѣста подъ корабельныя верфи и выводила изъ своихъ рѣкъ многочисленныя военныя суда — свидѣтельствовавшія о результатахъ большаго развитія ея индустріи и просвѣщенной внутренней дѣятельности. На сѣверѣ всѣмъ дѣломъ войны руководила тогда у насъ сама императрица, на югѣ—Потемкинъ. И, конечно, не безъ громадныхъ трудовъ, усилій и борьбы доставалась организація всѣхъ нашихъ силъ, въ этомъ напряженномъ состояніи государства, для перваго патрона нашего севастопольскаго порта. Обширны были степи нашего новороссійскаго края. Сюда, для веденія войны съ Турціей, не только приходилось издалека привозить людей и всѣ обще-военныя средства—провизию, орудія, снаряды... Здѣсь, подъ огнемъ у непріятеля, съ которымъ мы сражались, на его водахъ, устраивался на novo флотъ; у него же завоевывались мѣста подъ адмиралтейства и верфи. Сюда, изъ внутренней Россіи для постройки судовъ надлежало приводить лѣса; надлежало для флота отливать орудія, ковать якоря, вить канаты. Сюда не только приходилось набирать огромное число мастеровыхъ, какъ то: плотниковъ, кузнецовъ, парусниковъ, конопатчиковъ, литейщиковъ и всякаго рода морскихъ спеціалистовъ—еще необходимо было найдти для всякой работы и новую наилучшую норму, на основаніи всякихъ климатическихъ и мѣстныхъ условій. А для этого необходимо было имѣть знатоковъ военно-морскаго и строительнаго дѣла. Необходимы были школы; необходимо было приобрѣтеніе опыта, который дается не иначе какъ при значительной затратѣ времени. Море Черное — глубоко и бурливо: самый способъ веденія на немъ войны потребовалъ особой сноровки въ постройкѣ судовъ, въ снабженіи ихъ артиллеріей и присканіи для нихъ верфей. Наши первыя суда были не болѣе какъ плоскодонныя «донскіе ко-

рабли,» отстроены въ Новопавловскѣ и на Игорцѣ. Отъ сильнаго волненія на нихъ раскачивались борта и палубы, валились мачты; при недостаточномъ скрѣпленіи судовыхъ членовъ, на нихъ могло ставиться очень мало орудій. Для постройки послѣдующихъ, болѣе сильныхъ, судовъ мы не могли, вначалѣ, найти другаго мѣста какъ на Хопрѣ. Далѣе мы строили фрегаты на гнило-тонской верфи и въ Рогожскихъ Хуторахъ. Но всѣ эти суда не были настоящими боевыми судами, способными составить сильный флотъ; а между тѣмъ приходилось ихъ сплавать рѣками и проводить по 4-хъ футовой глубинѣ кутюрминскаго устья Дона, перегружать на мелководіи у Еникале, вести для додѣлки вокругъ Крыма на Днѣпровскій Лиманъ и снова на камеляхъ поднимать до херсонскаго адмиралтейства. За тѣмъ ихъ плаваніе по Черному морю, ихъ состязательство въ ходу съ турецкими судами, показали неудовлетворительность въ образованіи ихъ подводной части, а военныя столкновенія показали и неудовлетворительность ихъ артиллеріи. Слѣдовательно—приходилось на-ново передѣлывать ихъ порта и палубы, готовить новые планы для улучшенныхъ судовъ,—строить новыя суда, собирать на нихъ новую артиллерію и новыя принадлежности. Въ 1789 г. въ Николаевѣ закладывали мы для черноморскаго флота, въ немногіе годы его существованія, уже восьмое адмиралтейство: а по новости дѣла и огромному требованію на суда необходимо еще было разрознивать корабельныя работы по всѣмъ наиболѣе доступнымъ къ морю мѣстамъ—особенно тамъ, гдѣ существовали уже верфи и судостроительныя средства, и потому постройка фрегативъ и другихъ судовъ продолжалась у насъ даже и въ 1789 году, въ числѣ прочихъ мѣсть, и на старыхъ донскихъ пристаняхъ. Съ развитіемъ военныхъ операций на водахъ, намъ не только нужно было имѣть большихъ размѣровъ линейные корабли, но приходилось, какъ мы видѣли, для дѣйствій на Лиманѣ строить суда мелкоходныя: галеры, пловучія батареи, дубель-шлюпки, канонерскія лодки; для береговой и каперской службы приходилось строить бригантины, катеры, для дѣйствій на Дунаѣ по образцу существующихъ

турецкихъ судовъ—кончебасы, лансоны, чектырмы и шай-ти; наконецъ—необходимо было имѣть и множество судовъ транспортныхъ. Понадобилось раздѣленіе средствъ, и приходилось захватить возможно дальніе ихъ источники.

Но самый тяжелый крестъ администраціи, самый неподатливый для нея на рѣшеніе вопросъ, всегда былъ и будетъ состоять въ выборѣ распорядителей или дѣятелей приходящихъ въ соприкосновеніе съ потребностью и разработкой самаго дѣла. Этотъ крестъ приходилось нести на долю и Потемкину, какъ главному распорядителю нашими южными военными силами. Мы видѣли, какъ поочередно выбывали первые строители нашего будущаго черноморскаго флота: Шубинъ умеръ, Ганнибалъ былъ отозванъ, Клокачевъ умеръ, Сухотинъ стосковался и отпросился, Козляниновъ захворалъ и отпросился, Мекензи умеръ. Мордвиновъ оказался болѣе теоретикомъ, нежели практикомъ въ дѣлѣ военномъ. Мы видѣли, какъ, въ началѣ самой войны, вмѣсто того чтобы идти со всей лиманской флотиліей на поддержку Кинбурна противъ атаки поведенной на него турецкими десантными войсками 1 октября 1787 года—онъ, послѣ многихъ побужденій со стороны Потемкина, на другой день только послалъ Веревкина и Ломбарда зажигать турецкій флотъ въ такую темную ночь, когда они по заливу не могли отыскать своихъ собственныхъ судовъ; а потомъ, когда надо было дѣйствовать съ малыми средствами и становиться въ уровень съ нашими тяжелыми военными обстоятельствами—онъ останавливался передъ всѣми затрудненіями и обременялъ Потемкина всевозможными жалобами. Его преемникъ Войновичъ не выполнилъ никакихъ надеждъ на него Потемкина. Самъ онъ постоянно не только уклонялся отъ наступательныхъ дѣйствій противъ турецкаго флота, но умѣлъ еще связывать руки самому Потемкину неопровержимыми на это доводами—тѣснилъ Ушакова (1) и прибѣгалъ ко мно-гимъ мѣрамъ, возбуждавшимъ нерасположеніе къ нему его

(1) Это видно изъ довольно большой архивной коллекціи писемъ Ушакова къ Потемкину и отвѣтовъ послѣдняго.



подчиненныхъ. Въ началѣ 1790 года онъ былъ отозванъ изъ Севастополя въ Херсонъ; а 19-го марта обращенъ на прежнее мѣсто своей службы—состоять начальникомъ каспійской флотиліи. И такимъ образомъ полномочнымъ хозяиномъ Севастополя остался Федоръ Федоровичъ Ушаковъ—въ началѣ 1789 года произведенный, по линіи, въ контръ-адмиралы. Въ то же время въ Николаевѣ, гдѣ возводились уже постройки для помѣщенія главнаго адмиралтейства и всего главнаго Управленія Черноморскаго флота, старшимъ членомъ послѣдняго, за выбытіемъ Войновича, временно оставался техникъ судостроительнаго дѣла, бывший корабельный мастеръ, а теперь флота оберъ-интендантъ генераль-маіоръ Семень Ивановичъ Афонасьевъ.

Для того, чтобы можно было лучше судить о положеніи Севастополя на современной военной шахматницѣ и доли его участія въ доставленіи хорошаго убѣжища судамъ нашего корабельнаго флота, мы приведемъ здѣсь исчисленіе наличныхъ судовъ этого флота въ самый разгаръ турецкой войны въ началѣ 1790 года (1).

(1) Нижеслѣдующая ведомость извлечена изъ различныхъ отчетовъ за это время, имѣющихся въ дѣлахъ адмиралтейскихъ и Потемкина.

18	111	111	1789	—	Лейтенантъ
13	150	150	1785	1784	Ср. Топографъ
15	150	150	1785	1784	Ср. Андрей
15	150	150	1785	1785	Александръ
15	150	150	1785	1785	Наваринъ и въ Рос- нееміе Топографъ
15	150	150	1785	1785	Ср. Наваринъ
14	148	148	1789	1788	Моръ Константинъ
13	148	148	1789	1788	Федоръ Ефратъ

С У Д А.	Время за- кладки	Время спуска.	Въ футахъ.			КОМАНДИРЫ.
			Длина.	Ширина.	Углубленіе въ водѣ.	
<b>Корабли:</b>						
Рожд. Христова.	1782.	1787. Мая 15.	180	49 1/2	20 1/4	Капитаны 2 ранга. Матвій Ельчани- новъ.
Преображеніе.	1779.	1783. Сентябр. 6.	155	41 1/2	19	Яковъ Саблинъ.
Св. Павелъ.	1782.	1784. Октябр. 12.	155	41 1/2	19	Капитанъ 1 ранга. Иванъ Овцынъ.
Св. Владиміръ.	1782.	1787. Мая 15.	155	41 1/2	19	Капитаны бри- гадирскаго ранга. Павелъ Пустош- кинъ.
Марія Магдалина.	1788.	1789. Апрѣля 12.	156	42	18	Гаврило Голен- кинъ.
Богоявленіе.	1789. Март. 15.	—	156	42	18	Капитанъ 1 ранга. Гаврило Шапи- ловъ.
<b>Линейные фре- гаты:</b>						
Леонтій мученикъ.	—	взять у ту- рокъ.	144	41 1/2	18	Капитаны 2 ранга: Анисѣоръ Оболь- яиновъ.
Св. Георгій.	1784.	1785. Юня 16.	150	40	15	Федоръ Поскочинъ.
Св. Андрей.	1784.	1786. Апрѣл. 11.	150	40	15	Капитанъ 1 ранга. Робертъ Вильсонъ.
Александръ.	1785.	1787. Мая 15.	150	40	15	Капитанъ 2 ранга. Николай Языковъ. Генеральскъ-адью- танты: Дмитрій Сенявинъ.
Навархія или Воз- несеніе Господне.	1789. Ноябр. 16.	1790. Апрѣл. 23.	150	40	15	Михаилъ Львовъ Капитаны 2 ранга: Федоръ Лупандинъ.
Св. Николай.	1790. Янв. 5	—	150	40	15	
Царь Константинъ.	1788.	1789.	148	38 1/2	14 1/4	
Федоръ Страти- латъ.	1788.	1789.	148	38 1/2	14 1/4	Иванъ Селивачевъ.

О Р У Д І Я.	Мъего по- стройки.	Гдѣ нахо- дятся весной 1790 года.	Комплектъ командъ.	ПРИМЪЧАНІЯ.
33 фунт. 30	Херсонъ.	Въ Севасто- поль.	560	
18 " 30				
12 " 20				
30 " 26	Тоже.	Тоже.	476	
12 " 26				
6 " 16				
Тоже.	Тоже.	Тоже.	476	
Тоже.	Тоже.	Тоже.	476	
30 фунт. 26	Тоже.	Тоже.	462	
18 " 28				
24 ф. едан. 12				
Тоже.	Тоже.	На стапель.	462	
24 фунт. 26	—	Въ Севасто- поль.	434	Взять въ 1788 г.
12 " 26				
6 " 14				
24 " 28	Херсонъ.	Тоже.	364	
12 " 24				
Тоже.	Тоже.	—	364	
Тоже.	Тоже.	Тоже.	364	
Пушекъ 52	Тоже.	На стапель.	—	
Тоже.	Николаевъ.	Тоже.	—	
30 фунт. 24	Рогожскіе хутора.	Въ Таган- рогъ.	322	Додѣлывается.
12 " 22				
Тоже.	Тоже.	Тоже.	322	Тоже.

С У Д А.	Время за- кладки.	Время спуска.	Въ футахъ.			КОМАНДИРЫ.
			Длина.	Ширина.	Углубленіе въ водѣ.	
Петръ Апостолъ.	1788.	1788.	148	38 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	14 <sup>1</sup> / <sub>4</sub>	Федоръ Заостров- скій.
Иоаннъ Богословъ.	1788.	1788.	148	38 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	14 <sup>1</sup> / <sub>4</sub>	<i>Капитанъ 1 рани.</i> Николай Кумани.
Святая Троицы.	1789.	1790.	148	38 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	14 <sup>1</sup> / <sub>4</sub>	<i>Капитанъ 2 рани.</i> Петръ Юрьевъ.
<b>Фрегаты меньшіе:</b>						
Св. Антоній.	—	1778	125	34	13 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	—
Св. Феодосій.	—	1778.	125	34	13 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	—
Иоаннъ Воинствен- никъ. (Бывшій «Стрѣла»)	1780.	1782.	121	34 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	13	<i>Капитанъ 2 рани.</i> Андрей Барановъ.
Матвѣй Еванге- листъ. (Бывшій «Побѣда»)	1780.	1782.	121	34 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	13	<i>Капитанъ-Лейте- нантъ.</i> Егоръ Карандино.
Амвросій Медиолан- скій. (Бывшій «Перунъ»)	1782.	1783.	121	34	13	<i>Капитаны 2 рани:</i> Михаилъ Неледин- скій.
Кириллъ Вьдозер- скій. (Бывшій «Легкій»)	1781.	1783.	121	34	13	Стати Сарандинави.
Покровъ Богоро- дицы. (Бывшій «Кин- буртъ»)	1781.	1785.	121	34	13	Илья Ознобишинъ.
Лука Евангелистъ. (Бывшій «Вери- славъ»).	1781.	1786.	121	34	13	<i>Лейтенантъ.</i> Константинъ Гай- тани.

О Р У Д І Я.	Мѣсто постройки.	Гдѣ нахо- дятся весной 1890 года.	Комплектъ командъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
30 фунт. 24 12 » 22	Рогожскіе хутора.	Въ Севасто- поль.	322	
Тоже.	Тоже.	Тоже.	322	
Тоже.	Тоже.	Въ Таган- рогъ.	322	Додѣлывается.
30 фунт. 18 24 » 12	Новохо- перскъ.	Въ Севасто- поль.	—	Негоденъ къ плаванію.
Тоже.	Тоже.	Тоже.	—	Тоже.
18 фунт. 20 8 » 10	Гнилая тона.	Тоже.	250	Не очень надеженъ.
Тоже.	Тоже.	Тоже.	250	Тоже.
Тоже.	Тоже.	Тоже.	250	—
Тоже.	Тоже.	Тоже.	250	—
30 фунт. 16 24 » 12	Тоже.	Тоже.	250	—
Тоже.	Тоже.	Тоже.	250	Весьма худъ.

С У Д А	Время закладки.	Время спуска.	Въ футахъ.			КОМАНДИРЫ.
			Длина.	Шарина.	Углубленіе въ водѣ.	
Преподобный Несторъ. (Бывшій «Фонагорія»)	1781.	1786.	121	34	13	Федоръ Шишмаревъ.
Св. Геронимъ. (Бывшій «Таганрогъ»).	1781.	1786.	121	34	13	Капитаны 2 ранга. Антонъ Алексіано.
Федотъ Мученикъ. (Бывшій «Скорый»)	1782.	1783.	114	31	13	Василій Великошакинъ.
Василій Великій.	1774.	1775.	101	26	12	»
Григорій Богословъ.	—	1783.	96	24	12	»
Григорій Великій Арменій.	—	1784.	93	25	12 1/2	Лейтенантъ. Спиро Ричардопуло.
Іоаннъ Златоустъ.	—	1785.	93	25	12 1/2	»
<b>Фрегаты, начатые постройкой:</b>						
Іона.	—	1788.	—	—	—	»
Филиппъ.	—	1788.	—	—	—	»
<b>Линейные катеры:</b>						
Сергій Чудотворецъ.	—	1788.	—	—	—	Капитанъ 1 ранга Іванъ Кусаковъ.
Николай Чудотворецъ.	—	1788.	—	—	—	Капитанъ-лейтенантъ. Федоръ Деморъ.
Судно Макроплиа.	—	—	—	—	—	Капитанъ 2 ранга Михаилъ Чезальано.

ОРУДІЯ.	Мѣсто постройки.	Гдѣ находится весной 1790 года.	Комплектъ командъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
30 фунт. 16 24 » 12	Гнилая тоня.	Въ Севастополѣ.	250	Весьма худъ.
Тоже.	Тоже.	Тоже.	250	—
36 » 16 24 » 10	Новохоперскъ.	Въ Херсонѣ.	250	—
34 » 14 12 » 4	—	Въ Николаевѣ.	—	Негоденъ къ плаванію.
Тоже.	—	Тоже.	190	—
18 фунт. 12 12 » 4	—	Въ Херсонѣ.	—	—
Тоже.	—	Тоже.	—	—
12 фунт. 18 6 » 6	—	На Лиманѣ.	—	—
12 » 18 6 » 6	—	Тоже.	—	—
30 » 20	—	Въ Таганрогѣ.	—	Додѣлывается.
Тоже.	—	Тоже.	—	—
Пушекъ 22	—	Въ Таганрогѣ.	—	—
И. С.				

Изъ этой таблицы видно, что въ началѣ 1790 года мы въ наличіи имѣли всѣ боевыя суда, находившіяся въ севастопольскомъ портѣ, и собственно такихъ состояло:

Ранга корабельнаго или линейнаго отъ 46 до 80 пушечныхъ, числомъ 11.

Ранга фрегатскаго отъ 28—30 пушечныхъ 8.

Сверхъ того имѣлись:

Бомбарды 2.

Судовъ репетичныхъ 2.

Малыхъ крейсерскихъ или каперскихъ, считая тутъ же и три брондерныя, до 30.

А сверхъ того въ достройкѣ и додѣлкѣ находилось, въ Херсонѣ, Николаевѣ и Таганрогѣ:

Судовъ ранга корабельнаго числомъ 6.

Ранга фрегатскаго 5.

Прочихъ 2.

Малыхъ крейсерскихъ въ починкѣ было 5.

Число судовъ лиманской гребной флотилии, какъ то: галеръ, дубель шлюпокъ, канонерскихъ лодокъ, пловучихъ батарей, гребныхъ бомбардъ, коттеровъ, бригантинь, лансоновъ, шкунъ и проч. доходило до 70-ти.

Военныя дѣйствія на границахъ нашихъ въ 1790 году начались на югѣ въ мартѣ мѣсяцѣ, неудачнымъ нападеніемъ нашихъ войскъ на Анапу. Въ апрѣлѣ, австрійская армія вступила въ Валахію въ намѣреніи принудить Турцію къ заключенію отдѣльнаго мира съ Австріей. А такъ какъ политическія обстоятельства вынуждали наши сухопутныя войска сохранять въ Молдавіи выжидательное положеніе, то это движеніе австрійцевъ значительно насъ облегчило, отвлекая турецкія силы къ западу. На другомъ концѣ нашего государства, на его сѣверѣ, военныя дѣйствія начались, въ апрѣлѣ же, на сухомъ пути въ Финляндіи. 2-го мая шведскій флотъ произвелъ неудачное нападеніе на нашу ревельскую эскадру; а 23 и 24 мая наша кронштадтская эскадра сражалась два дня сряду со шведскимъ флотомъ въ кронштадтской губѣ и принудила его укрыться въ выборгскій заливъ.

На Черномъ морѣ, съ весны 1790 года, у насъ полу-

чены были извѣстія о намѣреніи турецкаго правительства отправить сильную экспедицію моремъ съ десантными войсками къ сторонѣ Крыма. Флотъ турецкій долженъ былъ идти изъ Константинополя къ южнымъ берегамъ Чернаго моря. Тамъ, въ Самсунѣ и Синопѣ, онъ долженъ былъ принять малоазійскія сухопутныя войска, слѣдовать потомъ на главный сборный пунктъ къ Анапѣ, — здѣсь еще усилить свой десантный корпусъ татарской и абазинской милиціей, и оттуда сдѣлать короткій переходъ къ берегамъ Крыма. Все это потребовало соблюденія осторожности со стороны нашего черноморскаго флота, и Потемгинъ поручилъ Ушакову сдѣлать сильный поискъ по всѣмъ турецкимъ сборнымъ пунктамъ по берегамъ Чернаго моря, и потомъ быть въ полной готовности къ военнымъ дѣйствіямъ со всѣмъ наличнымъ флотомъ.

Для выполненія перваго изъ этихъ назначеній, Ушаковъ составилъ эскадру изъ болѣе сильныхъ и легкихъ судовъ нашего флота. Въ нее вошли три большіе линейные фрегата, 4 малыхъ фрегата, одно репетичное судно и 41 малыхъ крейсерскихъ. Начальство надъ ней принялъ самъ Ушаковъ и 16-го мая вышелъ изъ Севастополя. 21-го мая онъ приблизился съ ней къ Синопу и всѣми возможными демонстраціями старался туркамъ показать, что мы имѣемъ въ морѣ сильный флотъ для воспрепятствованія ихъ десантнымъ экспедиціямъ. Для этого онъ дѣлалъ небольшія атаки на крѣпость и нѣкоторыя суда, укрывавшіяся подъ ея защиту; а крейсеровъ своихъ, подъ прикрытіемъ фрегативъ, разсѣялъ вдоль берега — при чемъ было ими переловлено и потоплено много крейсерскихъ и коммерческихъ судовъ — люди съ которыхъ отчасти успѣли спастись на берегъ, а отчасти сняты и доставлены на эскадру. Съ 24 на 25-е мая Ушаковъ перешелъ къ Самсуну, повторилъ и тамъ маневръ, сдѣланный имъ у Синопа, и къ ночи 26-го пошелъ къ сѣверу. На этомъ послѣдующемъ переходѣ онъ имѣлъ для своей эскадры не совсѣмъ благопріятныя вѣтры, и только 29-го мая къ вечеру приблизился къ Анапѣ. Здѣсь нашелъ онъ одинъ турецкій линейный корабль и нѣсколько малыхъ судовъ. Но такъ какъ погода безпрестанно мѣня-

лась и вѣтеръ штиль, то это лишило Ушакова возможности застать въ расплохъ эти суда. Они успѣли подтянуться къ берегу, разгрузились, усилили своими орудіями береговыя батареи и сдѣлали атаку на нихъ невыгодной для нашей эскадры. А потому, Ушаковъ, ограничился однимъ сильнымъ бомбардированіемъ по крѣпости и судамъ; а потомъ пошелъ назадъ, и обходя вблизи крымскіе берега, 5-го іюня возвратился съ эскадрой на севастопольскій рейдъ.

Захваченныхъ во время поиска плѣнныхъ непріятельскихъ коммерческихъ судовъ, приведено было въ Севастополь 6; нѣсколько прочихъ оказались ничтожны, и потому грузъ съ нихъ былъ снятъ, а суда затоплены. Всѣхъ людей, забранныхъ на турецкихъ судахъ, привезено 201 человекъ, въ томъ числѣ находились взрослые турки, греки, армяне, турчанки; черкешенокъ и черкесскихъ мальчиковъ, отпавленныхъ на продажу въ Константинополь, было 41 человекъ; да своихъ людей, взятыхъ турками въ плѣнъ, въ разныхъ прежнихъ сраженіяхъ, освобождено 12 человекъ.

Эскадра возвратилась въ портъ почти безъ всякихъ потерь и поврежденій. Отъ взятыхъ нами плѣнныхъ и мимоидущихъ коммерческихъ судовъ, получены были извѣстія, что флотъ турецкій не выступалъ еще изъ Константинополя, и что на усиленіе его подходили изъ Средиземнаго моря алжирскія суда разныхъ величинъ.

Донося Потемкину объ исполненіи даннаго ему порученія, Ушаковъ прибавлялъ, что онъ не останавливался у крѣпостей на болѣе продолжительное время, во первыхъ: для того, чтобы скорѣе имѣть всѣ суда флота въ полномъ сборѣ, на представшія ему болѣе общія дѣйствія; а также и потому, что дальнѣйшая настойчивость къ овладѣнію турецкими судами, укрывшимися подъ защиту крѣпостей, не приносила соразмѣрной тому пользы—и что теперь онъ находится, со всѣмъ флотомъ, въ готовности къ дѣйствіямъ генеральнымъ и рѣшительнымъ.

Со второй половины іюня, показался и турецкій флотъ на Черномъ морѣ; а 27-го іюня онъ находился уже въ виду Севастополя. Федоръ Федоровичъ Ушаковъ получилъ отъ

Потемкина приказаніе слѣдить за его движеніями, препятствовать всякимъ его операціямъ по берегамъ Крыма и при первой возможности его атаковать. 2-го іюля онъ вышелъ со флотомъ изъ Севастополя и разслалъ крейсеровъ на поиски; а самъ держался въ сѣверо-восточной части моря у южныхъ крымскихъ береговъ. 4-го іюля турецкій флотъ былъ видѣнъ у кавказскаго берега, 6 го у Анапы, и Ушаковъ подвинулся восточнѣе — къ мысу Таклы. 7-го къ вечеру, по причинѣ пасмурнаго времени, онъ сталъ со флотомъ на якорь противъ Керченскаго пролива — имѣя у себя мысъ Таклы почти на сѣверо-западѣ, въ разстояніи миль 10-ти, а Бугазскій проливъ или южное устье Кубани миляхъ въ 20-ти на сѣверо-востокъ. Весь дѣйствующій флотъ нашъ состоялъ изъ 10-ти судовъ, называвшихся тогда у насъ на Черномъ морѣ кораблями; собственно же изъ нихъ линейныхъ кораблей было 5 и 5 большихъ линейныхъ фрегатовъ, а еще 6 меньшихъ фрегатовъ; всего 16 боевыхъ судовъ; одно репетичное судно Полоцкъ и одно бомбардирское; 13 крейсерскихъ малыхъ и два брандерскія судна держались въ это время также при флотѣ въ замкѣ. Изъ числа же всѣхъ наличныхъ военныхъ судовъ нашего флота, одинъ корабль и два фрегата, за ихъ ветхостью, оставлены были въ Севастополь на усиленіе защиты порта.

Линія баталіи нашей эскадры, начиная съ ея передовыхъ судовъ, расположена была въ такомъ порядкѣ:

- 52-пушечный фрегатъ Св. Георгій.
- 30 — фрегатъ Іоаннъ Воинственникъ.
- 66 — корабль Марія Магдалина, подъ брейдымпеломъ авангарднаго начальника — бригадира Гольцкина.
- 46 — фрегатъ Іоаннъ Богословъ.
- 28 — фрегатъ Св. Іеронимъ.
- 68 — корабль Преображеніе.
- 28 — фрегатъ Покровъ Богородицы.
- 80 — корабль Рождество Христово, подъ флагомъ Ушакова.
- 52 — фрегатъ Александръ Невскій.
- 30 — фрегатъ Амвросій Медиоланскій.
- 68 — корабль Св. Владиміръ.



- |    |   |   |
|----|---|---|
| 30 | — | фрегатъ Кирилль Бѣлозерскій.  |
| 46 | — | фрегатъ Петръ Апостоль, подъ брейд-<br>вымпеломъ начальника арьергардіи, капитана 1-го ранга<br>Шапилова. |
| 28 | — | фрегатъ Несторъ Преподобный.  |
| 52 | — | Св. Андрей.   |

Сверхъ того одно репетичное судно Полоцкъ, одна бомбарда, 13 малыхъ крейсерскихъ и два брандера, состояли при флотѣ въ качествѣ судовъ посыльныхъ и специальныхъ на случай надобности. Всѣ они находились въ замкѣ, и въ линейномъ сраженіи участія не принимали.

Командиры всѣхъ означенныхъ здѣсь военныхъ судовъ показаны были выше по общей вѣдомости флота, и въ настоящее время всѣ измѣненія состояли только въ томъ, что командиръ корабля Св. Павелъ, капитанъ Овцынъ, былъ командированъ въ Николаевъ, и вмѣсто него поступилъ капитанъ 1-го ранга Шапиловъ; кораблемъ «Св. Владиміръ», за отсутствіемъ Павла Васильевича Пустошкина, командовалъ капитанъ 2-го ранга Оболяниновъ.

Съ утра 8-го іюля извѣстій о турецкомъ флотѣ вновь никакихъ не приходило; погода была пасмурная — такъ, что береговъ съ нашей эскадры ни съ которой стороны не было видно, вѣтеръ дулъ отъ ОНО-та. Ушаковъ располагалъ сниматься съ якоря и слѣдовать на дальнѣйшіе поиски за непріателемъ — какъ вдругъ, часовъ въ 10 утра, изъ тумана, со стороны Бугаза показались непріятельскія военныя суда уже миляхъ въ 8-ми отъ нашей эскадры, и наконецъ цѣлый турецкій флотъ, спускавшійся къ ней подъ всѣми парусами. Всего насчитано было отъ насъ въ этомъ флотѣ 8 линейныхъ кораблей, 2 большіе фрегата, 8 меньшихъ фрегатовъ, и разныхъ мелкихъ судовъ — какъ то: шебекъ, бригантинъ шайтій, лансоновъ, кирлангичей — до 36-ти. Нашъ адмиралъ продолжалъ выполнять начатое имъ движеніе, и для того, чтобы имѣть свободу дѣйствій, немедленно же снялся съ якоря и выстроилъ линію баталіи лѣвымъ бортомъ къ непріятелю, на юго-востокъ. Турецкій флотъ точно также выстраивалъ линію и спускался послѣдовательно на соотвѣтствующія наши суда. Онъ прежде

всего, самыми сильными своими кораблями, шелъ атаковать нашу авангардію и въ полдень открылъ по ней огонь на довольно дѣйствительномъ, хотя и не близкомъ разстояніи. Нападеніе у турокъ разсчитано было очень хорошо: они, вступая въ бой послѣдовательно, начиная съ своихъ передовыхъ судовъ, въ интервалы между ними пропускали свои малыя суда, вооруженныя для такого случая орудіями крупнаго калибра, и сражались въ наилучшемъ порядкѣ. Съ нашей стороны юманды были хорошо уже подготовлены, имѣли строгій наказъ не тратить даромъ выстрѣловъ и потому очель скоро послѣ того, когда началось сраженіе, по замедленію турецкаго огня, замѣтно стало превосходное дѣйствіе нашей артиллеріи. Но такъ какъ отдаленное положеніе турецкаго флота не соотвѣтствовало видамъ Ушакова, и ему хотѣлось сдѣлать сраженіе болѣе рѣшительнымъ, то онъ и употребилъ маневръ, который долженъ былъ его привести къ этой цѣли; а именно: онъ поспѣшилъ немедленно же двинуть противъ растянутой турецкой линіи свои болѣе крупныя и сильныя суда, а всѣ свои малыя фрегаты выпустилъ подъ вѣтеръ, на фланги своей линіи. Онъ надѣялся, что турки постараются обхватить эти фланги, и для этого уменьшать разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ нашего флота. Но они упорно сохраняли свою линію и взятую ими позицію, а потому и бой продолжался часа два, безъ особенно рѣшительнаго результата. Наконецъ, часу въ 3-мъ пополудни, вѣтеръ сталъ мѣняться и отходить по немногу къ сѣверу. Ушаковъ не замедлилъ этимъ воспользоваться: онъ сдѣлалъ сигналъ своимъ кораблямъ: «въ точности слѣдовать движеніямъ адмирала», и совершенно неожиданно для турокъ, въ густомъ дыму, сблизился съ ними на картечный выстрѣлъ. Тогда турецкіе корабли засыпаны были нашей картечью и кнпелями, и немедленно за тѣмъ на нихъ происходило полное замѣшательство. Всѣ они сначала бросились къ вѣтру; а потомъ, задерживая ходъ, одни поворачивали оверъ-штагъ (1), уходя отъ

(1) Противъ вѣтра, относительно него на другую линію — въ этомъ случаѣ къ сторонѣ Керченскаго пролива.

нашей эскадры; тогда какъ другіе, находившіеся въ центрѣ и арьергардѣ, поворачивали черезъ фордевиндъ <sup>(1)</sup>, то есть—сближаясь еще болѣе съ нашими задними судами. Безпорядокъ въ строѣ турецкихъ судовъ сдѣлался мгновенно полный, и одно общее желаніе ихъ замѣтно состояло въ томъ, чтобы, огибая сѣверный плангъ нашей эскадры, какъ можно поспѣшнѣе уходить на западъ. Суда ихъ съверху до низу одѣвались парусами. Мелкія и быстроходныя уже летѣли впередъ по направленію къ Феодосіи, а крупныя боевыя, поворотившія черезъ фордевиндъ, до того сблизились съ нашей линіей, что адмиралъ нашъ, по его словамъ, каждоминутно ожидалъ абордажа. Корабли наши времени не теряли, и полные амфиладныя ихъ залпы наносили большія поврежденія ближайшимъ турецкимъ кораблямъ и производили опустошеніе въ ихъ палубахъ. У турокъ началъ уже валиться верхній рангоутъ, и одинъ отстрѣленный адмиральскій флагъ былъ пойманъ нашими шлюпками. Только густота дыма и нѣсколько затихшій вѣтеръ помѣшалъ, въ первый моментъ, болѣе дѣйствительнымъ маневрамъ нашего флота. Адмиралъ нашъ уже спѣшилъ пользоваться своимъ положеніемъ; онъ сдѣлалъ одинъ сигналъ своей эскадрѣ: «вступить по способности въ кильватеръ адмиралу» и другой: «поставить всевозможные паруса». Еще нѣкоторое время осыпали мы выстрѣлами уходящія непріятельскія суда. Къ несчастію нашему, они были всѣ легче на ходу нежели наши; разстояніе между сражающимися постепенно увеличивалось и часу въ 6-мъ вечера пришлось, за недѣйствительностью нашихъ выстрѣловъ, прекратить сраженіе. За тѣмъ наступившая темнота скрыла изъ отъ насъ, и утромъ 9-го числа непріятеля нигдѣ уже не было видно.

«Поздравляю вашу свѣтлость съ побѣдой», писалъ Ушаковъ 10-го іюля къ Потемкину. И, дѣйствительно, побѣда была полная: только быстрота хода турецкихъ судовъ избавила ихъ отъ еще сильнѣйшаго пораженія, потому что команды наши и офицеры сражались твердо и сохраняли,

(1) По вѣтру.

по общему свидѣтельству нашихъ командировъ, во все время сраженія, полное хладнокровіе—какъ бы они дѣйствовали орудіями на ученѣ; тогда какъ новый начальникъ нашего флота моментально умѣлъ пользоваться всѣми возможными обстоятельствами, которыя могли ему послужить въ пользу во время самага боя.

Поврежденія на нашихъ судахъ были незначительны и ни одно изъ нихъ не было приведено въ бездѣйствіе: эскадра, наша въ полномъ ея составѣ, могла бы преслѣдовать непріятели: но такъ какъ не было извѣстно по какому направленію пошелъ турецкій флотъ, то для приведенія въ порядокъ своихъ судовъ, Ушаковъ временно остановился съ ними противъ Феодосіи: а впереди эскадры снова выслалъ крейсеровъ по разнымъ направленіямъ. Убитыхъ у насъ было 2 офицера и 27 рядовыхъ, раненыхъ 4 офицера и рядовыхъ 64 человекъ. У турокъ замѣтно потери и поврежденія были значительны, и нашими выстрѣлами былъ потопленъ одинъ ихъ кирлангичъ со всѣми его людьми.

12-го іюля нашъ флотъ вошелъ въ севастопольскую бухту.

Довольно важные для насъ результаты, описаннаго сраженія, состояли въ томъ, что мы отбили турецкій флотъ отъ крымскихъ береговъ и уничтожили его намѣреніе произвести въ Крыму у татаръ возстаніе, при поддержкѣ того значительнаго десантнаго войска, которое имѣлось на его судахъ.

Въ теченіе того же времени наши политическія дѣла шли своимъ чередомъ: 22-го іюня весь шведскій флотъ потерпѣлъ значительное пораженіе подъ Выборгомъ, а трехлѣтняя война истоцила въ конецъ небольшія средства Швеции, и 3-го августа она заключила съ нами миръ. Въ іюль мѣсяцѣ Австрія начала вести отдѣльные отъ насъ переговоры съ Турціей; а послѣдняя готова была также къ заключенію мира и съ нами: но со стороны Англии и Пруссіи употреблены были всѣ старанія, чтобы не допустить ея ни на малѣйшія уступки, и намъ приходилось продолжать военныя дѣйствія. Мы приступали къ нимъ

очень неохотно, и потому—постепенно и медленно. Всѣ наши наступательныя дѣйствія въ этомъ году должны были заключаться въ томъ, чтобы придвинуться къ устьямъ Дуная. Для этого Потемкинъ съ августа мѣсяца сосредоточивалъ на югѣ наши сухопутныя войска, усиливалъ флотилію на Лиманѣ, въ намѣреніи употребить ее на Дунаѣ, а флотъ намѣревался выставить на поддержку всѣхъ этихъ операций со стороны моря. Но куда флотъ еще оставался въ іюлѣ и августѣ на севастопольскомъ рейдѣ, Ушаковъ дѣятельно занимался исправленіемъ его судовъ во всей самонаибольшей ихъ подробности и снабженіемъ ихъ всевозможными походными запасами.

Въ половинѣ августа у насъ на флотѣ было все готово, а турецкія военныя суда съ 17-го этого мѣсяца въ большемъ числѣ показывались къ сторонѣ Хаджи-Бея, и Ушаковъ напоминалъ Потемкину о возможности дать турецкому флоту новое генеральное сраженіе; но еще лиманская флотилія не находилась въ сборѣ и Потемкинъ почиталъ дѣйствія нашего флота рановременными. Наконецъ, снова, 25-го августа, флотъ нашъ выступилъ изъ Севастополя въ прежнемъ своемъ составѣ, то есть: 5 линейныхъ кораблей, 5 большихъ и 6 меньшихъ фрегативъ, 1 репетичное судно, 1 бомбарда и 2 брандера, а при нихъ 17 малыхъ крейсеровскихъ судовъ. Вѣтеръ стоялъ переменчивый, отчасти западный, и потому флотъ находился ближе къ западному крымскому берегу. 28-го августа, утромъ, вѣтеръ дулъ отъ юго-востока; онъ шелъ вдоль острова Тендры (1) и часу въ 7 съ верхушекъ его мачтъ видны стали къ западу военныя суда, а часовъ около 8-ми открылся и цѣлый турецкій флотъ, расположенный между Тендры и берегомъ Хаджи-Бея на якорѣ безъ особаго порядка въ строѣ. Отъ насъ насчитано было въ немъ 14 кораблей, 8 фрегативъ и 23 меньшихъ, но довольно значительныхъ военныхъ судна. При первомъ же появленіи нашего флота всѣ эти суда поспѣшно отдавали паруса, рубили канаты и

(1) Продолговатый островъ, лежащій прямо на югъ отъ Кинбурнской косы и почти параллельно съ ней.

часу въ 9 всѣ они ложились въ полвѣтра къ югу, и подъ всѣми парусами старались уходить къ сторонѣ Дуная. Скорость хода у нихъ была не одинакова; нѣкоторая ихъ часть отставала, и потому нашъ адмиралъ, пускаясь со всѣмъ своимъ флотомъ въ погоню, старался отрѣзать отстававшіе у нихъ корабли. Движеніе это было, однако-жь, замѣчено со стороны турецкаго главнокомандующаго, и онъ, желая спасти свои заднія суда, привелъ къ вѣтру и, послѣдовательно поворачивая оверъ-штагъ къ сѣверу, выстраивалъ линію баталіи, заслоняя свои меньшія суда и устанавливая ихъ къ сторонѣ дунайскаго берега. Нашъ флотъ, со своей стороны, не переставалъ нести всевозможные паруса; онъ точно также, вытягиваясь въ линію, поворачивалъ послѣдовательно къ сѣверу параллельно тому направленію, въ которомъ находилась линія непріятельскихъ судовъ, и держалъ полнѣе, для того, чтобы скорѣе съ нимъ сблизиться; а такъ какъ непріятельскій флотъ былъ многочисленнѣе и сильнѣе нашего, то Ушаковъ, централизируя атаку въ своемъ авангардѣ, ставилъ, на ходу же, съ подвѣтвенной стороны у своихъ передовыхъ линейныхъ судовъ еще три фрегата въ видѣ резерва. Въ этомъ порядкѣ, сохраняя свое навѣтренное положеніе, онъ спускался на непріятеля и, въ 3 часа по полудни, на разстояніи картечнаго выстрѣла, открылъ со всѣхъ батарей своихъ самый сильный огонь. Около часа сряду продолжалъ турецкій флотъ отвѣчать на наши выстрѣлы; но потомъ, подъ прикрытіемъ густаго дыма, сталъ уклоняться отъ сраженія. Это не обмануло, впрочемъ, нашихъ капитановъ, и всѣ они не отступали отъ своихъ противниковъ; тогда, часовъ около 5-ти по полудни, корабли турецкаго флота стали еще болѣе спускаться: ихъ линія разстроилась — авангардъ поворачивалъ черезъ фордевиндъ и, обращаясь въ бѣгство, быстро сталъ уходить къ дунайскому берегу. Корабли же наши и фрегаты, снова прибавляя всевозможные паруса, входили у нихъ въ интервалы и неотступно продолжали производить по нимъ самую жестокую канонаду, дѣйствуя всѣми возможными снарядами: ядрами, кнпелями, картечью — по мѣрѣ разстоянія каждаго изъ нихъ отъ соотвѣтствующихъ

судовъ непріятеля. Вѣтеръ въ это время мѣнялся къ югу. Весь флотъ турецкій разсыпался, и всѣ суда его спасались отъ нашего преслѣдованія, кто какъ могъ, увеличивая всѣми мѣрами свою парусность. День клонился къ вечеру—все поле сраженія застлано было густымъ дымомъ—и самая темная осенняя ночь наступила незамѣтно, заставши оба флота въ этомъ полусмѣшанномъ положеніи.

Нашъ адмиралъ сдѣлалъ своимъ судамъ ночной сигналъ: «имѣсть установленные огни», и вслѣдствіе этого только нашъ флотъ могъ нѣсколько сосредоточиться: по крайней мѣрѣ—большая часть его судовъ; тогда какъ турецкія суда старались по возможности скрывать свои огни. Вѣтеръ, между тѣмъ, крѣпчалъ отъ юга и юго-запада — что и подавало Ушакову надежду и на утро, еще разъ, настичь турецкій флотъ въ этомъ углу Чернаго моря; а чтобы сохранить свое навѣтренное положеніе, онъ въ 11 часу ночи сдѣлалъ общій сигналъ своимъ судамъ: «стать на якорь по способности». Крейсера же наши спѣшили укрыться отъ вѣтра по заливамъ. На самомъ разсвѣтѣ, 29-го августа, видны стали отъ насъ турецкія суда, разсѣянные по всѣмъ сторонамъ горизонта: ихъ большая часть лавировала и старалась выбраться на вѣтеръ къ югу. Два болѣе поврежденные корабля: вице-адмиральскій 74-пушечный и другой 66-пушечный находились у насъ подъ вѣтромъ, къ сторонѣ Хаджи-Бея. Первый изъ нихъ держалъ большіе паруса и старался присоединиться къ своему флоту; а второй, имѣя поврежденный рангоутъ, уходилъ къ очаковскому берегу. Большая часть мелкихъ судовъ, находилась точно также у насъ подъ вѣтромъ, къ сторонѣ Тендры. Нашъ адмиралъ отдѣлилъ у себя два корабля и два фрегата для того, чтобы овладѣть 66-ти пушечнымъ турецкимъ кораблемъ, а съ прочими своими судами продолжалъ преслѣдованіе непріятельскаго флота. Нашъ большой фрегатъ «Св. Андрей», подъ командой капитана Вильсона, находился болѣе всѣхъ прочихъ судовъ своего флота на вѣтрѣ; онъ первый догналъ турецкій вице-адмиральскій корабль и подбилъ ему форъ-марсель. А тогда ходъ его уменьшился и къ нему приблизились прочіе наши

корабли. Это былъ одинъ изъ лучшихъ кораблей турецкаго флота и Ушакову очень хотѣлось его сберечь; но такъ какъ находившійся на немъ турецкій адмиралъ, трехъ-бунчужный паша Сеидъ-Бей, продолжалъ надѣяться, что флотъ его придетъ къ нему на выручку, и упорно защищался, то пришлось съ нимъ еще сражаться, а при этомъ попавшая въ него ракета засѣла у него въ кормъ и корабль загорѣлся. Тогда на одной изъ нашихъ шлюпокъ удалось съ него снять только самого Сеидъ-Бея, командира и другихъ офицеровъ 17 человекъ—больше подступиться къ нему было невозможно: онъ обнятъ былъ пламенемъ, взлетѣлъ на воздухъ и засыпалъ суда наши горящими головнями. Послѣ того, при постоянно крѣпчившемъ вѣтрѣ, который начиналъ уже выбивать наши суда изъ парусовъ, приходилось прекратить погоню за прочими турецкими судами, и часу въ пятомъ по полудни весь флотъ нашъ собрался у Очакова.

Другой турецкій корабль сдался намъ безъ сопротивленія и на немъ было взято въ плѣнъ 561 человекъ. Сверхъ того, у насъ впослѣдствіи получены были извѣстія, что, при слѣдованіи турецкаго флота къ Варнѣ, послѣ описаннаго сраженія при Тендрѣ, одинъ его корабль до того пострадалъ отъ полученныхъ имъ пробоинъ, что потонулъ въ морѣ со всей командой. На вице-адмиральскомъ кораблѣ сгорѣла и вся казна турецкаго флота, составлявшая довольно значительную сумму. Многіе турецкіе корабли точно также пострадали отъ нашихъ выстрѣловъ; да малыхъ турецкихъ судовъ нами было взято въ плѣнъ 3 и на нихъ 72 человека команды. И такъ матеріальная потеря турокъ въ сраженіяхъ 28-го и 29-го августа состояла въ 3-хъ корабляхъ и 3-хъ малыхъ судахъ. Съ обломковъ погибшаго турецкаго корабля нашими крейсерами снято было 81 человекъ, и, слѣдовательно, всѣхъ плѣнныхъ турокъ у насъ находилось 733 человекъ. На сгорѣвшемъ кораблѣ погибло 700 человекъ, да, по свидѣтельству турокъ, убитыхъ на взятомъ нами кораблѣ было человекъ 80. Одной видимой потери у нихъ людей, слѣдовательно, было до 1,500 человекъ, да еще не меньше надобно было



считать убылыхъ въ сраженіи и утонувшихъ съ третьимъ кораблемъ

Съ нашей стороны были нѣкоторыя поврежденія въ рангоутѣ у нашихъ кораблей, которыя, однакожь, не помѣшали имъ выдержать послѣ того два раза бурную погоду и благополучно возвратиться въ Севастополь. Убитыхъ на нашемъ флотѣ было 21 человекъ и раненыхъ 25. Такая изумительная разница въ обоюдныхъ потеряхъ флотовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ она подтверждается самымъ безукоризненнымъ свидѣтельствомъ нашихъ шканечныхъ журналовъ, и, конечно, зависѣла много отъ необыкновенно дерзкой атаки нашихъ судовъ. Всѣ они приближались къ турецкимъ кораблямъ на самый короткій ружейный, даже на пистолетный выстрѣлъ, и по заранѣ сдѣланному уже строгому наказу Ушакова не теряли по возможности ни одного заряда даромъ—что немедленно смущало и озадачивало нашихъ противниковъ. Послѣдніе же, напротивъ того, извѣстны были за довольно плохихъ канонеровъ: артиллерію свою держали въ большомъ безпорядкѣ—во время боя очень скоро приходили въ смущеніе, за немногими исключеніями, наводили очень плохо орудія, и потому снаряды ихъ по большей части ложились въ сторонѣ отъ нашихъ судовъ или за нихъ перелетали.

Въ результатъ — сраженіе при Тендрѣ имѣло для насъ весьма большое военное значеніе: по плану, предстоявшихъ намъ военныхъ операцій, приходилось намъ теперь овладѣть турецкими крѣпостями, находившимися въ устьяхъ Дуная; тогда какъ болѣе слабыя верки этихъ крѣпостей обращены были къ рѣкѣ—а на ней господствовала многочисленная турецкая флотилія, и уничтожить послѣднюю мы могли не иначе, какъ при посредствѣ однородной съ ней силы. На все это расчитывало со своей стороны и турецкое правительство, и потому распорядилось, какъ мы видѣли, такимъ образомъ, чтобы флотъ свой помѣстить въ разрѣзъ пути нашей лиманской флотиліи, изъ Лимана къ устьямъ Дуная. Но теперь этотъ флотъ былъ разбитъ, на

остальное время года приведенъ въ бездѣйствіе и флотилія наша получила полную свободу для своихъ движеній.

1-го сентября, во время пребыванія нашего флота у Очакова, прїѣзжалъ на него главный начальникъ этого флота и новороссійскаго края—князь Потемкинъ-Тавричeskій.

Корабли были все иллюминированы флагами, а команды стояли по рядамъ и привѣтствовали его криками «ура!» День этотъ былъ какъ бы днемъ торжества нашего знаменитаго государственнаго челоуѣка, какъ начальника черноморскаго флота, и флотъ его привѣтствовалъ пушечными выстрѣлами. Это было общее празднованіе бывшей знаменитой побѣды молодаго флота, возникшаго при попеченіи Потемкина одновременно съ тѣмъ портомъ, который былъ для него избранъ на постоянное пребываніе.

8 го сентября, въ  $\frac{1}{2}$ 8 часа утромъ, флотъ нашъ прибылъ обратно на севастопольскій рейдъ.

16-го сентября, въ награду за одержанную имъ побѣду, Ушаковъ получилъ орденъ Георгія 2-го класса. Мы напомнимъ, что онъ въ прошломъ году только былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и награда эта, конечно, была почетная. При ея посредствѣ, Потемкинъ какъ бы старался окупить для Ушакова все притѣненія, которыя онъ умѣлъ терпѣливо перенести въ бытность его подчиненнымъ у Войновича (1).

Вмѣстѣ съ началомъ нашихъ военныхъ операцій по Дунаю, для полнаго ихъ обезпеченія со стороны моря, нашъ флотъ еще разъ въ этомъ году выходилъ изъ Севастополя. 16-го октября утромъ онъ выступилъ изъ порта точно также подъ начальствомъ Ушакова и увеличенъ былъ тремя вновь построенными и однимъ исправленнымъ большими фрегатами. Онъ послѣдовалъ къ Тарханкуту, къ аккерманскому берегу и устьямъ Дуная, а между тѣмъ повсюду разосланы были наши крейсера для полученія возможно точ-

(1) Эти притѣненія начались со времени сраженія у Феодонисіи въ 1789 году, по поводу того, что Ушаковъ началъ пользоваться особеннымъ вниманіемъ Потемкина, и были одной изъ причинъ увольненія Войновича.

ныхъ свѣдѣній о мѣстѣ пребыванія флота непріятельскаго. Но такъ какъ въ морѣ настало осеннее бурное время и, по извѣстіямъ, турецкій флотъ, чинившійся нѣкоторое время послѣ сраженія подъ Варной, ушелъ въ Константинополь и тамъ разоружился и остался на зимовку, то и нашему флоту вѣрно было возвратиться окончательно на зиму въ Севастополь, куда онъ и прибылъ 14-го ноября.

15-го ноября, Ушаковъ доносилъ Потемкину:

«По сходству повелѣнія вашей свѣтлости, по прибытіи со флотомъ на севастопольскій рейдъ, приказалъ я оный ввести въ гавань, поставить на мѣсто и употреблю всевозможное стараніе въ приуготовленіи его къ ранней кампаніи».

Наши военныя дѣйствія противъ Турціи на сухомъ пути окончены были въ этомъ году занятіемъ турецкихъ крѣпостей по устьямъ Дуная и взятіемъ важнѣйшей изъ нихъ Измаила.

Въ теченіе зимняго времени на 1791 годъ, въ Севастополѣ всѣ служащіе на флотѣ были заняты исправленіемъ судовъ и возобновленіемъ ихъ запасовъ. Портоваго дѣла у флота въ то время бывало всегда достаточно на цѣлую зиму и весну, а особенно въ военное время. Домовое и преимущественно южное корабельное хозяйство довольно было сложно: вѣтеръ и волненіе раскачали члены корабля, а южное солнце выварило изъ его палубы и снастей всю смолу. Тогдашнюю досчатую судовую обшивку проѣли черви и облепила толстымъ слоемъ ракушка, окраска повсюду слѣзла, снасти обдергались, рангоутъ раскачалось до трещинъ, конопать повсюду вылѣзла, паруса, въ осеннія бури, отчасти изорвало въ клочья, артиллерія раздергалась—и все это, безъ малѣйшаго исключенія, требовало исправленій, и исправленій аккуратныхъ и тщательныхъ. А потому и большую часть судовъ флота приходилось наклонять или кренговать для осмотра ихъ подводной части; верхнюю обшивку приходилось иногда отдирать и нижнюю или первую проконопачивать; палубы и верхнія части ковабля проконопачивать, стоячій такелажъ <sup>(1)</sup> ти-

(1) Такелажъ, это—снасти, веревки; *блущимъ такелажемъ* называются

ровать, переборки и столярную работу чинить, перетертый такелаж мѣнять и сплеснивать; клетень, блоки, шкивы, нагиля, канаты, рангоуть, все—чинить и исправлять; паруса чинить и примѣрять; шлюпки вытаскивать, чинить, а ихъ весла и рангоуть—пополнять. За артиллеріей новая работа: станки, банники и прочія принадлежности—чинить, снаряды готовить, орудія провѣрять и осматривать. А къ веснѣ, съ первымъ теплымъ временемъ, наступала всему чистка и окраска. Заготовка для всего этого матеріала: дѣсу, досокъ, гвоздей, болтовъ, всякаго металла, каболокъ, ворсы, масла, ковопаты, тиру, снастей, краски, щетины, полотна, нити, смолы и прочаго и прочаго, все составляло очень мелочное и дробное хозяйство, требовавшее вниманія и расчетливости отъ самихъ хозяевъ. Всеконечно и о личности хозяевъ необходимо было точно также позаботиться. Въ кампаніи все пообносилось, поиспачкалось въ смолѣ и копоти, а особенно все пообтрепалось: мундиры, фуфайки, рубахи, сапоги, башмаки, бѣлье. Все это также требовало ремонту и заботливости. Наконецъ обычное теченіе дѣлъ, какъ-то: уходъ за больными, снабженіе провизіей и топливомъ зданій, а также ихъ отдѣлка—все это въ портѣ, при всѣхъ экстренныхъ судовыхъ дѣлахъ по военному времени и при постоянныхъ выходахъ флотскихъ командъ на море, затягивалось и пріостанавливалось, а съ ихъ возвращеніемъ продолжалось въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ на удовлетвореніе текущей нужды и всякихъ новыхъ потребностей.

Въ такихъ обычныхъ заботахъ прошла и зима на 1791 годъ для севастопольскаго порта. Главнѣйшія строительныя работы состояли въ додѣлкѣ большаго госпитальнаго зданія на восточной или корабельной сторонѣ южной бухты и въ постройкѣ магазиновъ для новоприбывшихъ кораблей. Очистившіяся госпитальныя помѣщенія по малымъ флигелямъ были отдѣланы и обращены въ казармы.

подвижныя снасти, при посредствѣ которыхъ управляютъ парусами; *столчимъ такелажемъ*—неподвижныя снасти, при посредствѣ которыхъ удерживается въ данномъ положеніи рангоуть, то есть мачтовые деревья. *Тировать*, это—пронитывать снасти смолевымъ составомъ.

При усиленной настойчивой дѣятельности Ушакова, по части корабельнаго и портоваго благоустройства, со всякимъ появленіемъ нашего флота въ севастопольскомъ портѣ, всякія обычныя городскія и адмиралтейскія работы производились самымъ порядочнымъ образомъ и ему лично, его постоянной и неусыпной заботливости мы были обязаны не только тѣмъ, что нашъ флотъ являлся хорошо вооруженный и снабженный на морѣ, и одерживалъ рѣшительныя и малостоящія для насъ побѣды, но и тѣмъ, что портъ севастопольскій за послѣдующее время управленія Ушаковымъ гораздо быстрѣе обстроился новыми зданіями, нежели во все продолженіе своего прочаго существованія. Ушаковъ былъ издавна знаменитъ у насъ хорошимъ веденіемъ портоваго хозяйства и памятникъ временныхъ камышевыхъ бараковъ, устроенныхъ имъ еще во время чумной эпидеміи въ 1784 году въ Херсонѣ, для его собственной корабельной команды, сохранившійся до нашего времени въ рисункахъ, и теперь можетъ почитаться образцовымъ на подобные случаи.

Его заботливость о матросахъ и прочихъ его подчиненныхъ была вмѣстѣ источниковъ и всѣхъ его военныхъ успѣховъ: она ему привлекала общую довѣренность; а личное его мужество, твердый и настойчивый характеръ—до самопожертвованія, навлекалъ ему по временамъ вражду даже людей, пользовавшихся хорошей репутаціей. Этимъ послѣднимъ объясняются, какъ доброе расположеніе подчиненныхъ къ нашему знаменитому адмиралу и командиру севастопольскаго порта, такъ и вѣчная борьба его со всѣми тѣми лицами, которыя пользовались какимъ нибудь вліяніемъ или поддержкой лицъ сильныхъ по тому времени, и конечно все это вмѣстѣ далеко не могло идти въ его предосужденіе.

11-го января 1791 года черноморское адмиралтейское правленіе получило отъ Потемкина приказъ нижеслѣдующаго содержанія: «Господину контръ-адмиралу Ушакову быть старшимъ членомъ черноморскаго адмиралтейскаго управленія, въ которомъ ему и присутствовать, когда отправляемое имъ при флотѣ служеніе можетъ позволить.

Предложенія его по долгу службы черноморское адмиралтейское правленіе имѣеть исполнять съ прилежаніемъ».

То есть, на основаніи этого распоряженія Потемкина, съ 11-го января 1791, Федоръ Федоровичъ Ушаковъ, по смыслу его новой должности, дѣлался главнымъ начальникомъ черноморскаго флота и могъ принять его въ свое полное вѣдѣніе, какъ только онъ освобождался отъ военныхъ дѣлъ.

Въ 1791 году военныя наши дѣйствія противъ Турціи, точно также продолжались находиться подъ вліяніемъ внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. Ушаковъ, Суворовъ, Рибасъ и многіе другіе современные наши военные люди, спали и видѣли какъ бы овладѣть Константинополемъ, и задача, по общимъ ихъ расчетамъ, казалась не трудною при массѣ тѣхъ способныхъ людей, которые были вызваны у насъ тогда на военное поприще. Но въ политическомъ отношеніи это было невысказано, потому что привлекло бы намъ борьбу на жизнь и смерть со всей остальной Европой, а такая борьба никакъ не могла стать въ уровень съ нашими наличными государственными средствами, какъ бы мы ихъ тогда ни натягивали, и намъ пришлось обходить не только по прежнему интересы Англіи и Пруссіи, но и новые интересы Австріи, которая, по соглашенію съ двумя первыми державами, объявила теперь территорію Валлахіи нейтральною.

Всѣ наши дѣйствія, слѣдовательно, могли ограничиваться нанесеніемъ только такого вреда туркамъ, который могъ исключительно относиться къ ихъ военнымъ вооруженіямъ, и добиваться отъ нихъ самихъ умѣренныхъ уступокъ, взаимно всѣхъ уже сдѣланныхъ нами завоеваній. По расчетамъ Потемкина, для нанесенія туркамъ матеріальнаго и нравственнаго потрясенія, въ 1791 году, намъ приходилось, съ одной стороны—овладѣть Анапой и тѣмъ отнять у нихъ доступъ къ Тамани; потомъ стараться объ уничтоженіи судовъ и турецкихъ сухопутныхъ вооруженій по Дунаю и дѣйствовать на морѣ преимущественно въ смыслѣ угрозы, а главныя свои собственные сухопутныя силы держать

точно также въ готовности, для угрозы Пруссіи и Польши, какъ можно ближе къ нашимъ западнымъ границамъ.

Въ этомъ смыслѣ начались въ 1791 году и наши военныя операціи.

11-го мая, изъ Петербурга Потемкинъ писалъ Ушакову нижеслѣдующее:

«Считая флотъ готовымъ къ выходу въ море, я симъ предписываю вамъ тотчасъ выступить по прошествіи весеннихъ штормовъ. Испрося помощь Божію, направьте плаваніе къ румилійскимъ берегамъ, и если гдѣ найдете непріятеля, атакуйте, съ Богомъ. Я вамъ препоручаю искать непріятеля, гдѣ онъ въ Черномъ морѣ случится, и господствовать такъ, чтобы наши берега были ему неприкосновенны».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ получены были въ Севастополѣ извѣстія о выходѣ турецкаго флота изъ Константинополя, и флотъ этотъ, дѣйствительно, показался 28-го іюня у крымскихъ береговъ; но вѣтеръ былъ свѣжій юго-западный и нашему флоту не удалось прежде 10-го іюня выйдти съ рейда; тогда же наступила бурная погода, при которой бесполезно было искать встрѣчи съ непріателемъ; а между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нашихъ судовъ потерпѣли поврежденія въ парусахъ и рангоутѣ, и Ушаковъ призналъ за лучшее возвратиться въ Севастополь.

Между тѣмъ войска наши одерживали большіе и рѣшительные успѣхи на Дунаѣ; а 21-го іюня, съ другой стороны Чернаго моря, послѣ жестокаго сопротивленія гарнизона, взята была нами приступомъ крѣпость Анапа, имѣвшая для своей защиты значительный турецко-татарскій корпусъ войскъ и черкесскую милицію внѣ крѣпости. Турецкій флотъ, какъ было сказано, слѣдовавшій мимо крымскихъ береговъ и явившійся 5-го іюля на поддержку этой крѣпости съ моря, нашелъ ее уже въ нашихъ рукахъ. Все это давало перевѣсъ той партіи въ турецкомъ правительствѣ, которая дѣйствовала въ интересахъ мира, независимо отъ побужденій западныхъ державъ. А вслѣдствіе этого, главнокомандующіе дѣйствующими арміями съ обѣихъ сторонъ, на основаніи данныхъ имъ полномо-

чій, сошлись 31-го іюля въ Галацѣ и постановили перемиріе, на основаніи предполагавшихся условій къ заключенію мира.

Предложенныя съ нашей стороны статьи мирнаго трактата давно уже были извѣстны. Онѣ состояли въ требованіи: опредѣленной суммы въ уплату отъ Турціи за наши военныя издержки, и уступки намъ турецкой территоріи между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ. Отъ условій этихъ мы не отступались съ самаго начала войны. Но у турецкаго правительства все это было предметомъ колебаній, зависѣвшихъ отъ посторонняго вліянія и силы различныхъ партій при Константинопольскомъ дворѣ, а потому и окончательное заключеніе мира подлежало еще великому сомнѣнію.

Всѣ эти обстоятельства мирныхъ переговоровъ не были еще извѣстны въ Севастополѣ въ тотъ моментъ, когда для флота нашего насталъ благопріятный вѣтеръ, и 29-го іюля, Ушаковъ, на основаніи данныхъ ему прежнихъ приказаній отъ Потемкина, вывелъ его въ море. Флотъ сева-стопольскій состоялъ теперь уже изъ 16-ти линейныхъ судовъ. А именно: изъ 6-ти кораблей, въ число которыхъ прибавился 66-пушечный, взятый въ прошломъ году у турокъ и получившій имя «Іоаннъ Предтеча»; потомъ изъ 10-ти большихъ фрегативъ, въ счету которыхъ состояли два новые, прибывшіе изъ Херсона и Николаева, и двухъ меньшихъ фрегативъ. Прочія суда при флотѣ были: 1 репетичное, 2 бомбардирскихъ, 1 брандеръ и до 17 малыхъ крейсеровъ.

Флотъ турецкій, по весьма вѣрнымъ извѣстіямъ, находился въ сборѣ подъ Варной у мыса Кальякрии. Вся нерѣшительность турецкаго двора въ окончательномъ утвержденіи мирныхъ условій именно состояла въ надеждѣ на свой флотъ. Побѣды наши на Дунаѣ оставили еще турокъ въ нерѣшимости—взятіе Анапы дѣло мира нѣсколько подвинуло впередъ и окончательное рѣшеніе его у турокъ зависѣло отъ ихъ флота. Послѣдній былъ увеличенъ въ этомъ году еще 5-ю новыми кораблями и, кромѣ того, другими военными судами, которыя были усиленно строены и



спущены со стапелей отчасти въ Архипелагѣ и отчасти на южномъ берегу Чернаго моря. Команды на нихъ пополнены были наборомъ изъ вассальныхъ земель Турціи алжирскими и трипольскими матросами, а также десантными войсками—для произведенія высадки, по мѣрѣ надобности, или въ Анапѣ, или въ Крыму. Такъ, что люди находились на всѣхъ турецкихъ судахъ въ большомъ излишкѣ. Начальство надъ каждымъ судномъ ввѣрено было наиболѣе храбрымъ турецкимъ и алжирскимъ генераламъ и капитанамъ; а для управленія артиллеріей, на многихъ судахъ находились англійскіе офицеры. Всего, въ это время, у турокъ при Кальякріи было въ сборѣ 18 линейныхъ кораблей, 10 большихъ и 7 меньшихъ фрегатовъ, не считая множества разныхъ другихъ судовъ, набранныхъ отовсюду—сила, слишкомъ двойная сравнительно съ нашимъ флотомъ. Сверхъ того, весь турецкій флотъ въ исходѣ іюля былъ расположенъ по южную сторону Кальякріи, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

Вѣтеръ нашему севастопольскому флоту, по выходѣ его изъ порта, былъ попутный, легкій сѣверный, и Ушаковъ, 31-го іюля, часовъ около трехъ по полудни, появился съ нимъ въ виду турецкаго флота. Онъ шелъ подъ всѣми парусами и безъ малѣйшаго колебанія въ густомъ ордерѣ трехъ походныхъ колоннъ, направлялся между берегомъ и турецкимъ флотомъ; наши корабли имѣли приказаніе развертывать линію по мѣрѣ приближенія къ неприятелю. Это рѣшительное непоколебимое движеніе плотной массы нашихъ военныхъ судовъ до того озадачило всѣхъ турецкихъ капитановъ, что всѣ они безсознательно рубили или выпускали свои якорные канаты, ставили паруса и спѣшили уходить съ попутнымъ вѣтромъ къ сторонѣ моря. Но, въ слѣдъ за тѣмъ, множество сигналовъ появилось на всѣхъ брамстенгахъ (1) у турецкихъ адмираловъ—послѣдовали отъ нихъ пушечные выстрѣлы, означавшіе строгій выговоръ, и флотъ турецкій сталъ приходить въ нѣкоторый порядокъ, на походѣ. Спустя около часа, по вступле-

(1) Верхнія мачтовые деревья.

нии подъ паруса, онъ выстроилъ волнистую линію на лѣвомъ галсѣ, и одинъ изъ вновь призванныхъ на флотъ флагмановъ, извѣстный у турокъ своей храбростью, паша Сеидъ-Али, имѣвшій флагъ вице-адмирала, взялся быть его колоновожатымъ. Имѣя желаніе показать примѣръ рѣшимости для всѣхъ прочихъ своихъ капитановъ, Сеидъ-Али, съ двумя передовыми кораблями, не смотря на то, что нашъ флотъ шелъ въ атаку съ навѣтра, привелъ круче въ бейдевиндъ <sup>(1)</sup> и, дѣлая видъ, какъ бы намѣревался поставить наши передовые корабли въ два огня, вышелъ на вѣтеръ у всѣхъ прочихъ своихъ судовъ. Тогда адмиралъ нашъ принялъ на себя обязанность сражаться лично съ нимъ; онъ отдалъ сигналомъ приказаніе своему флоту: «атаковать соотвѣтствующіе непріятельскіе корабли», а самъ спустился на пашу Сеида до самаго малаго разстоянія, прорѣзалъ его подъ корму, и засыпалъ картечнымъ залпомъ съ цѣлаго борта своего 100-пушечнаго корабля.

Атака эта произведена была съ такой ловкостью и силой, что у Сеидъ-Али посыпалась вся его раззолоченая корма и въ тотъ же моментъ свалилась бизань-мачта; вслѣдствіе этого онъ увалился подъ вѣтеръ и былъ заслоненъ слѣдовавшими за нимъ въ линіи кораблями. Тогда и Ушаковъ задержалъ свой ходъ, уклонился подъ вѣтеръ, прорѣзалъ, съ кораблемъ своимъ, линію турецкихъ судовъ, вошелъ въ самую ихъ средину и открылъ по нимъ огонь на оба борта. Этимъ маневромъ волновавшійся турецкій строй окончательно былъ спутанъ: всѣ суда его торопливо и въ крайнемъ безпорядкѣ побѣжали подъ вѣтеръ, и каждое, стараясь уйдти отъ нашихъ судовъ, подставляло имъ свою корму. Въ этомъ видѣ весь флотъ турецкій смѣшался въ кучу, отовсюду былъ окруженъ нашими судами и каждый выстрѣлъ съ послѣднихъ рикошетировалъ по немъ какъ по густому лѣсу, повсюду производя разрушеніе и находя повсюду жертвы. Въ дыму и въ общей сумятицѣ, турки отстрѣливались совершенно на удачу, не разбирая своихъ и непріятельскихъ судовъ. Такая погоня продолжалась съ

---

(1) Носомъ ближе къ вѣтру.

5-ти часовъ по полудни до полной темноты, которую наступившее безвѣтріе и разстилавшійся по водѣ густой пучечный дымъ, увеличили еще болѣе противъ обыкновеннаго. На судахъ турецкаго флота столько было разбитыхъ бортовъ и снесеннаго рангоута, что многія изъ нихъ должны были попасться намъ въ плѣнъ, если бы вѣтеръ продержался еще на время и корабли наши могли подаваться впередъ. Но тишина настала полная. Суда турецкія разсѣялись все въ разныя стороны и все спѣшили на буксирѣ уходить разными путями къ своимъ берегамъ. Тѣ, которые впослѣдствіи появились прежде другихъ въ Константинополь, имѣли столько убитыхъ и раненыхъ, столько разорванныхъ парусовъ и поломаннаго рангоута, къ тому же принесли такія печальныя извѣстія о состояніи прочихъ судовъ своего флота и видимой рѣшимости русскаго адмирала слѣдовать за ними до Константинополя, что немедленно же отправленъ былъ новый спѣшный гонецъ отъ султана въ лагерь къ визирю, съ приказаніемъ поспѣшить заключеніемъ мирныхъ условій.

Извѣстіе объ этомъ несчастномъ положеніи турецкаго флота не замедлило дойти изъ Константинополя и въ Петербургъ. 24 августа 1791 года въ дневникѣ у Храповицкаго сказано: «Курьеръ съ извѣстіемъ (прибылъ въ Галацъ, гдѣ происходили переговоры о мирѣ), что 31 іюля надъ турецкимъ флотомъ контръ-адмиралъ Ушаковъ одержалъ побѣду въ 60 верстахъ отъ Константинополя. Извѣстіе сіе прибыло не отъ Ушакова, но изъ Цареграда къ визирю съ просьбою, чтобъ нашъ флотъ отступилъ».

У насъ на флотѣ убитыхъ въ сраженіи было 17 и раненыхъ 28 человекъ. На другой день, то есть 1 августа, вдали, съ нашихъ салинговъ (1), еще были видны нѣкоторыя турецкія суда, уходившія къ югу; а между тѣмъ сдѣлался штормъ отъ сѣвера, и Ушаковъ, преслѣдуя еще ихъ нѣсколько времени къ сторонѣ Константинополя, принужденъ былъ остановиться у мыса Эмине, гдѣ, укрывшись за берегомъ, исправлялъ нѣкоторыя поврежденія, полученныя

(1) Верхній уступъ на мачтѣ.

нашими судами во время боя. Въ то же время крейсера наши успѣли истребить нѣсколько турецкихъ судовъ, пострадавшихъ во время бывшаго сраженія и бросившихся искать спасенія къ румилійскимъ берегамъ, а также захватили нѣсколько турецкихъ транспортовъ съ провіантомъ, везеннымъ для арміи. 13 августа, когда флотъ нашъ находился уже сѣвернѣе, къ дунайскимъ устьямъ, пришло къ нему увѣдомленіе о заключеніи перемирія, и потому 20-го числа того же мѣсяца онъ вошелъ въ Севастополь.

Ушаковъ получилъ въ награду за сраженіе при Калыбаси орденъ Св. Александра-Невскаго, двое его эскадренныхъ командировъ—ордена Св. Георгія 3-й степени, и многіе изъ капитановъ и офицеровъ другія награды.

Между тѣмъ, 5 октября этого года, скончался главный начальникъ черноморскаго флота—князь Потемкинъ-Тавричскій, а 29 декабря заключенъ былъ въ Яссахъ миръ, по которому мы приобрѣтали отъ Турціи часть Молдавіи между Днѣстромъ и Бугомъ, съ ея черноморскимъ побережьемъ, и удерживали за собой все прочія торговыя и политическія преимущества, приобретенныя нами по прежнимъ договорамъ на водахъ Чернаго моря.

Два важныя событія совершились на югѣ нашего государства въ исходѣ 1791 года, по отношенію къ Севастопольскому порту, это—кончина князя Потемкина и окончаніе военныхъ дѣйствій съ Турціей.

У многихъ нашихъ историческихъ писателей мы находимъ безпрестанное упоминаніе о томъ, что Потемкинъ будто бы мечталъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы... очень можетъ быть. Но если у нашего великаго государственнаго труженика и существовала такая мечта, то она осталась одной мечтою—въ родѣ мечты о доведеніи до совершенства человѣческаго общежитія на всемъ земномъ шарѣ. То есть—эта мечта была отдаленнымъ свѣтильникомъ той идеи, для которой собственно и работалъ Потемкинъ; а работа его подвигалась такъ же медленно, какъ и работа Великаго Петра въ органическомъ благоустройствѣ его государства. Всякій шагъ впередъ долженъ былъ опираться на твердомъ основаніи того, что было уже предварительно

сдѣлано; иначе—все было бы построено на колеблющейся почвѣ. Еще до временъ Петра предпринимали мы походы на покореніе Крыма; но походы эти оканчивались гибелью нашихъ армій, на ихъ переходѣ туда отъ Москвы, степями новороссійскаго края. Потемкинъ не заботился вовсе о войнѣ — какъ это видно изъ всей его административной дѣятельности, а предоставлялъ эту заботу всѣмъ тѣмъ, кого могла интересовать самая война. Напротивъ того— онъ постоянно возставалъ, какъ мы видѣли, противъ всякаго кровопролитія. Самъ же онъ занимался заселеніемъ земель и подготовкой всякихъ средствъ къ веденію всякой возможной или неизбѣжной войны. Всѣ современныя его письма, до насъ дошедшія, наполнены жалобами на недостатки военныхъ средствъ въ нашемъ южномъ краѣ и на тягости военного времени для его обывателей. Сама императрица говорила, что Потемкинъ не имѣлъ привычки мѣшаться въ дѣла политическія <sup>(1)</sup>; а между тѣмъ всѣ его дѣйствія, по управленію ввѣреннаго ему края и способу веденія войны, строго всегда гармонировали съ состояніемъ нашихъ политическихъ дѣлъ — какъ отчасти можно было видѣть также и изъ всего здѣсь изложеннаго. Онъ не бросался съ нашими войсками для наводненія ими турецкихъ владѣній и не рисковалъ земельными захватами, которыхъ мы, на основаніи всѣхъ прочихъ политическихъ обстоятельствъ, ни въ какомъ случаѣ впоследствии не могли бы удержать за собою. Онъ не посылалъ флота нашего къ Константинополю, потому что это точно также могло навлиять намъ войну со всей Европой—въ уровень съ которой у насъ ни въ какомъ случаѣ не доставало бы силъ. Онъ молчалъ, упорно молчалъ, отдѣлывался молчаніемъ ото всѣхъ любопытныхъ, которымъ хотѣлось узнать его политическія мнѣнія, и въ то же время — осмысленно работалъ для той единственной задачи, работать надъ которой онъ составилъ дѣлъ для своего отечественнаго труда. Подобно тому, какъ большая часть государственныхъ трудовъ Петра I прошла посреди военныхъ заботъ по поводу

(1) У Храповицкаго; у А. В. Висковатого.

слишкомъ 20-ти лѣтней непрерывной войны со Швеціей— такъ точно большая часть административныхъ трудовъ Потемкина посвящена была усиленію военныхъ средствъ на югѣ нашего государства — только потому, что такая дѣятельность обусловливалась тогда военной потребностью. Населяя новороссійскій край, Потемкинъ вмѣстѣ долженъ былъ заботиться: и о содержаніи арміи, и о строеніи флота и верфей, и о поставленіи этого флота въ независимое положеніе отъ его отдаленной центральной администраціи— всякія сношенія съ которой, по тогдашнему времени, замедляли ходъ самаго дѣла и нарушали цѣлость временной и мѣстной идеи и всякой насущной безотлагательной потребности военнаго времени.

Всѣ нововведенія въ нашемъ черноморскомъ управленіи за время Потемкина были основаны на самой строгой необходимости и прошли сквозь анализъ наиболѣе спеціальныхъ знатоковъ дѣла. А между тѣмъ мы находимъ, что все — начиная съ флотской администраціи и рода судовъ, и кончая характеромъ ихъ наименованій, въ черноморскомъ флотѣ нашемъ, въ сильной степени разнилось съ тѣмъ, что у насъ одновременно существовало на флотѣ балтійскомъ. Нашъ флотъ балтійскій строенъ былъ съ Петра, и готовился постоянно для войны—преимущественно со шведами и отчасти съ англичанами; а потому и корабли его были крупныхъ линейныхъ ранговъ, и флотилія шхерная состояла преимущественно изъ судовъ, имѣвшихъ сильную греблю. Флотъ черноморскій долженъ былъ дѣйствовать противъ турокъ, и потому имѣлъ линейныя суда преимущественно среднихъ ранговъ; а рѣчную флотилію не столько подвижную, сколько нагруженную орудіями сильнаго калибра.

Самое различіе въ наименованіяхъ этихъ судовъ не было изъято отъ нѣкоторой доли политическаго смысла. Въ мѣстности, гдѣ заводился балтійскій флотъ, былъ, можно сказать, избытокъ элемента православія, и имена судовъ характеризовались преимущественно историческими воспоминаніями. На югѣ же Россіи, граждане нашего государства состояли изъ грековъ, старовѣровъ и разныхъ

азіятскихъ и другихъ пограничныхъ выходцевъ, и Потемкинъ вывѣшивалъ для нихъ особенно тщательно хоругви общаго соединенія, имена святыхъ—символы православія. Наконецъ балтійскій нашъ флотъ, что называется—стоялъ на европейскихъ нововведеніяхъ. Тамъ червь вовсе не протачивалъ судовой обшивки, а уже въ восьмидесятихъ годахъ суда начали обшиваться мѣдью и въ 1788 году большая часть балтійскихъ военныхъ судовъ имѣла мѣдную обшивку. Потемкину не было времени заводить въ черноморскомъ флотѣ приспособленія въ пользу долговѣчности его судовъ: онъ заводилъ только тѣ изъ возможныхъ приспособленій, которыя могли усиливать его дѣйствія противъ непріятели. Въ Петербургѣ необходима была центральная администрація для флота, въ видахъ большей солидности административнаго дѣла; въ черноморскомъ флотѣ самъ Потемкинъ былъ полномочнымъ рѣшителемъ всякаго государственнаго дѣла и ему необходимы были одни прочные исполнители его административныхъ соображеній. А потому для балтійскаго нашего флота существовала административная коллегія и высшіе чины флота; тогда какъ у Потемкина были одни частные только дѣятели: Мордвиновъ, Войновичъ, Нассау были удалены преимущественно потому, что настойчиво держались, по вѣсѣмъ вопросамъ, своихъ мнѣній—вопреки вѣсѣмъ политическимъ соображеніямъ, которыми строго руководился самъ Потемкинъ, и постоянно: или требовали отъ него невозможныхъ разъясненій, или не входили въ его виды и цѣли, сообразно съ тѣми потребностями, которыхъ имъ Потемкинъ разъяснять и не могъ, и не хотѣлъ. Все это было также причиной и того, что вмѣсто всякихъ общихъ или особыхъ административныхъ учреждений по флоту, Черноморское Адмиралтейское Управленіе осталось въ видѣ простой его канцеляріи по дѣламъ флота. Суда проектировались и строились подъ вѣдѣніемъ корабельныхъ мастеровъ Афанасьева и Катасанова, зданія возводилъ въ портахъ и лѣсъ заготовлялъ статскій совѣтникъ или бригадиръ Фалѣевъ, а дѣйствующій флотъ выводилъ на пораженіе нашего непріятели контръ-адмиралъ Ушаковъ; прочими флагманами были флотскіе капитаны.

«Не занимайтесь братъ, а старайтесь истреблять, ибо одно бываетъ скорѣе другаго. Требуйте отъ всякаго, чтобы дрались мужественно. Подходите къ непріятелю меньше кабельтова (1). Богъ съ вами!» Писалъ Потемкинъ Ушакову. И Ушаковъ безотвѣтно исполнялъ его приказанія. Строго требовалъ онъ, чтобы командиры кораблей слѣдовали все́мъ его движеніямъ; а самъ приближался къ непріятелю на полкабелтова, приводилъ его съ перваго залпа въ замѣшательство и потомъ добивалъ его до тѣхъ поръ, покуда ночь и вѣтеръ не прекращали сраженія.

Все такое положеніе нашей флотской и портовой администраціи, вмѣстѣ съ кончиной Потемкина, во многомъ должно было получить измѣненія: все дѣло основательно было имъ сдѣлано; но подробности и основная мысль, для его преемниковъ улетучивались.

При самой кончинѣ Потемкина, нашъ черноморскій флотъ, имѣвшій пребываніе въ Севастополѣ, находился въ нижеслѣдующемъ составѣ:

Кораблей: 80-ти пушечный одинъ: «Рождество Христова», 74-пушечныхъ три: «Іоаннъ Предтеча» (взятый у турокъ въ 1790 году), «Богоявленіе Господне» и «Св. Троица»; 66 пушечныхъ четыре: «Преображеніе Господне», «Св. Павелъ», «Св. Владиміръ», «Марія Магдалина», а всего линейныхъ кораблей 8.

Большихъ или линейныхъ фрегативъ — 50-пушечныхъ шесть: «Леонтій Мученикъ» (взятый у турокъ въ 1788 году), «Св. Георгій Побѣдоносець», «Св. Андрей Первозванный», «Св. Александръ Невскій», «Свят. Николай», «Григорій Великія Арменіи», 46 пушечныхъ семь: «Петръ Апостоль», «Іоаннъ Богословъ», «Царь Константинъ», «Федоръ Стратилать», «Сошествіе Св. Духа», «Вознесеніе Господне» или «Навархія», «Казанская Богородица», а всего линейныхъ фрегативъ 13.

Меньшихъ фрегативъ было . . . . . 8

Еще другихъ военныхъ судовъ бомбардирскихъ и репетичныхъ. . . . . 6

(1) Отъ 100 до 120 сажень.



Крейсерскихъ и брандерныхъ мелкихъ воору-  
женныхъ до. . . . . 40

Транспортныхъ до . . . . . 16

Черноморская рѣчная флотилія, имѣвшаяся для дѣйствій противъ Турціи на Дунаѣ, Днѣстрѣ и Днѣпровскомъ Лиманѣ, а также для обороны отъ случайныхъ нападений на наши мелководные порты, состояла тогда приблизительно изъ 170 вооруженныхъ и отчасти транспортныхъ всякаго рода судовъ.

Послѣднія общія предположенія Потемкина по устройству черноморскаго флота состояли въ нижеслѣдующемъ:

1) Флотъ содержать всегда въ комплектъ и всякій годъ практиковать его на морѣ: учить команды лазить и управлять парусами и артиллеріей.

2) Артиллерію имѣть преимущественно мѣдную; отличать ее на литейномъ заводѣ, устроенномъ въ Херсонѣ, а до времени употреблять частью англійскую.

3) Лѣса для кораблестроенія доставлять изъ австрійскихъ земель, Молдавіи и другихъ мѣстъ; или же приобрѣтать въ Россіи отъ владѣльцевъ.

4) Такъ какъ доставка лѣсовъ въ Севастополь сопряжена съ большими неудобствами и дороговизною, то всѣ суда для тимберовки приводить въ Николаевъ, и близъ его, въ Спасскомъ, устроить докъ; другой же докъ имѣть въ Севастополѣ, для осмотра подводной части судовъ и небольшихъ исправленій.

5) По удобству Николаевского порта и его здоровому мѣстоположенію, перевести туда все кораблестроеніе изъ Херсона, оставя въ послѣднемъ одни только магазины и постройку малыхъ судовъ, могущихъ проходить безъ камелей. Мелководныя мѣста по фарватеру, въ Ингулѣ и противъ Очакова, значительно углубить сильными землечерпательными машинами (1).

6) На Днѣпрѣ, ниже пороговъ, завести строеніе су-

---

(1) Землечерпательная машина была уже устроена и посредствомъ нея, для опыта, углубленъ былъ ингульскій фарватеръ въ одномъ мѣстѣ слишкомъ до 15 футовъ. (Въ дѣлахъ Потемкина).

довъ для гребнаго флота и канатный заводъ. На бугскихъ порогахъ устроить водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ, починки якорей, приготовленія ружей и проч.; на Ингульцѣ имѣть лѣсопильную мельницу. Въ слободахъ Балацкой и Христофоровкѣ, въ 35 верстахъ отъ Николаева, построить пороховой заводъ для потребностей черноморскаго флота.

7) Для приготовленія офицеровъ въ черноморскій флотъ, въ Николаевѣ учредить, на счетъ казны, кадетскій корпусъ на 360 благородныхъ воспитанниковъ, и на такое же число разночинцевъ, поступающихъ въ штурмана, шкипера и другія званія. Кромѣ этого, имѣть особое училище, на 50 человекъ, для преподаванія корабельной архитектуры, снабдивъ его новѣйшими англійскими и французскими сочиненіями о кораблестроеніи и планами разнаго рода судовъ, и доставивъ свѣдущихъ преподавателей. Лучшихъ воспитанниковъ, по изученіи курса теоріи, посылать въ чужіе края для усовершенствованія практическихъ познаній.

8) Чтобы навсегда устранить затрудненія, встрѣтившіяся въ полученіи мастеровыхъ изъ отдаленныхъ губерній, поселить близъ Николаева не менѣе 2,000 человекъ, занятыхъ поочередно заниматься работой въ адмиралтействахъ, и содержать себя хлѣбопашествомъ. (Въ нѣкоторыхъ слободахъ этихъ поселены уже были тогда заштатные церковники, безпаспортные бродяги, выходцы изъ Польши, женатые рекруты, и до 850 собственныхъ крестьянъ Потемкина. По берегамъ Буга и Лимана поселены были люди, способные къ рыбной ловлѣ и могущіе служить лоцманами)<sup>(1)</sup>.

9) Въ селѣ Богоявленскѣ, близъ Николаева, построить инвалидный домъ, лучший госпиталь, развести аптекарскій садъ и основать земледѣльческую ферму, по образцу англійской, изъ которой можно бы было снабжать флотъ горохомъ, фасолью, саломъ и проч., и производить въ ней соленіе мяса, потому что заготавливаемое съ подряда оказы-

(1) У Скаловскаго. Жизнь Ушакова.

валось всегда негоднымъ. При всѣхъ адмиралтейскихъ слободахъ садить и сѣять лѣса, особенно дубъ.

Но всѣ эти предположенія, съ кончиной Потемкина, остались на храненіе въ архивныхъ дѣлахъ и должны были приводиться въ исполненіе, уже не вслѣдствіе тѣхъ основныхъ предположеній, которыя были имъ задуманы на дальнѣйшее благоустройство самаго края, а вслѣдствіе нашихъ случайныхъ и дальнѣйшихъ военныхъ потребностей.

За тѣмъ, другое событіе—прекращеніе войны, могло двоякимъ образомъ повліять на самый Севастополь. Положеніе Ахтырской бухты, въ которомъ мы нашли ее въ 1782 году, было непривлекательно. Хищническій образъ жизни тогдашняго магометанскаго населенія Крыма былъ причиной, что плодородный новороссійскій край въ теченіе пяти столѣтій сряду представлялъ самую безотрадную пустыню, и Севастополь, по своему географическому положенію, являлся пунктомъ далеко, очень далеко отрѣзаннымъ отъ всякихъ коммерческихъ путей и цѣлей. Единственнымъ основаніемъ къ его послѣдующему занятію подъ корабельный портъ была потребность исключительно военная, и онъ долженъ былъ сполна отъ нея покуда зависѣть. А потому, и при временной даже утратѣ непосредственной военной потребности въ нашемъ флотѣ, послѣдній могъ постепенно приходить въ упадокъ, съ чѣмъ вмѣстѣ и Севастополь могъ, если не приходить тоже въ упадокъ, то, относительно городскихъ и портовыхъ построекъ, сохранять свой первобытный видъ, такъ какъ до 1791 года онъ мало чѣмъ увеличился съ самаго своего основанія, то есть со времени Мекензи.

Были однакожъ двѣ или три причины, которыя успѣли повліять на него въ смыслѣ благопріятномъ: и первая причина состояла въ постоянномъ существованіи довольно большой опасности отъ возобновленія войны съ Турціей и необходимости поддерживать то, что въ видахъ этого было уже сдѣлано.

Вторая причина состояла въ томъ, что черноморскій флотъ нашъ не только существовалъ уже въ порядочныхъ

размѣрахъ но и организованъ былъ такъ, что всѣ принадлежащія къ нему верфи заняты были строящимися вновь судами, и снабжены всѣми припасами для ихъ достройки и вооруженія.

Третья же причина состояла въ личномъ характерѣ начальника севастопольскаго порта и дѣйствующаго флота. Репутація Ушакова, какъ воина, не смотря на существованіе у него довольно сильныхъ враговъ, успѣла на долго, и послѣ кончины Потемкина, обезпечить за нимъ его постъ, а твердость его характера, его неуклонно добрыхъ стремленія къ благоустройству той части, которая ему была ввѣрена, его несомнѣнныя административныя способности и умѣнье взяться за всякое хозяйственное дѣло, много содѣйствовали тому, что Севастополь, какъ городъ, въ теченіе послѣдующаго времени его управленія, вошелъ въ возможные для него размѣры. Со стороны казны, средствъ на это почти никакихъ не было потрачено, кромѣ содѣйствія со стороны нашихъ флотскихъ командъ. Послѣднія, въ свободное время, за очень скромную добавочную плату, строили то казенныя зданія, то офицерскіе дома, то даже свои мазанки—если который нибудь изъ матросовъ имѣлъ рѣдкій случай завестись собственнымъ своимъ семействомъ, и скоро не только гора, лежащая на западной сторонѣ южной бухты или гавани, но и другія ближайшія мѣстности и хуторныя участки, розданные флотскимъ офицерамъ еще при князѣ Потемкинѣ, довольно порядочно обстроились: хорошіе садики и огороды точно также появились въ его окрестностяхъ. Всѣ портовые постройки и самое адмиралтейство по прежнему были расположены по берегамъ южной и корабельной бухтъ. Городскія частныя зданія занимали уже всю севастопольскую гору, и сверхъ того существовали: артиллерійская и корабельная слободка на мѣстностяхъ, ближайшихъ къ бухтамъ того же названія, а въ закрытой долиинѣ, находящейся верстахъ въ двухъ отъ города и получившей названіе Ушаковой балки, устроенъ былъ садъ для общественнаго гулянья. Все это хорошо можно видѣть на картѣ Севастополя и его окрестностей,

составленной капитаномъ Биллингсомъ въ 1797 г., т. е. пять лѣтъ спустя по окончаніи Потемкинской (1) войны.

Вообще же, о состояніи Севастополя, какъ военнаго порта и главнаго сборнаго пункта военныхъ судовъ нашего черноморскаго флота, можно судить изъ донесенія контръ-адмирала Карцева, который 20-го января 1797 года, по порученію императора Павла Петровича, отправленъ былъ къ осмотру нашихъ черноморскихъ портовъ и писалъ собственно о Севастополѣ нижеслѣдующее (2):

«Въ севастопольскомъ портѣ производились только починки и исправленія кораблей; никакого же новаго строенія судовъ не было. Флотскихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ состояло всего 7,126; морской артиллеріи 1,238, флотскихъ черноморскихъ батальоновъ 1,130, вѣдомства адмиралтейскаго и интендантскаго 390. Итого 10,088 человекъ. Адмиралтейство, съ его магазинами и разными мастерскими, построено съ заведенія порта, при входѣ въ гавань, на низменности берега. Килебанокъ съ магазинами помѣщенъ въ другой бухтѣ. Корабли, фрегаты и прочія суда расположены на якоряхъ подлѣ берега, въ который врыты, вмѣсто паловъ, также якоря для закрѣпленія швартововъ. Всѣ суда содержатся чисто и со всевозможной бережливостію; но только причинялся большой вредъ въ фальшивыхъ обшивкахъ отъ червей, коими здѣшнія воды изобилуютъ, почему каждое судно необходимо было килевать чрезъ каждые два года».

«Главныхъ строеній портовыхъ никакихъ не производилось, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по бухтѣ, гдѣ стояли швартованные корабли и прочія военныя суда, уравнивался берегъ для построенія магазиновъ и удобнаго положенія на немъ корабельныхъ вещей. Противъ многихъ судовъ такія пристани уже окончены и на нихъ сложены артиллерія и запасный рангоутъ, а въ магазинахъ помѣщены всѣ припасы и такелажъ. Казармы для служителей

(1) Многие называютъ первую турецкую войну въ царствованіе императрицы Екатерины II *Румлицевскою*, а вторую *Потемкинскою*.

(2) Донесеніе Карцева въ дѣлахъ графа Куселева, въ морскомъ архивѣ.

построены на высотахъ береговъ кругомъ гавани и противъ каждаго корабля; онѣ каменные, покрытыя черепицею, а иныя землею; нѣкоторыя же достраиваются и всѣ вообще весьма сухи и чисты. Строеіе казармъ, корабельныхъ магазиновъ и отдѣлка береговъ производились корабельными служителями, безъ всякой платы отъ казны и только съ небольшимъ употребленіемъ казенныхъ матеріаловъ. Пороховыхъ погребовъ не имѣется, но порохъ удобно хранится въ прибрежныхъ пещерахъ, нарочно вырытыхъ большею частію въ Инкерманѣ. Каменная двухъ-этажная госпиталь на 300 человекъ построена на высотѣ берега въ Южной бухтѣ противъ города, и содержится въ наилучшемъ порядкѣ; при ней имѣется казарма для госпитальной прислуги. Въ городѣ находятся двѣ церкви, одна построенная отъ казны и трудами морскихъ служителей, а другая греческая; въ числѣ домовъ есть до 20 казенныхъ, прочіе же, большею частью, принадлежатъ флотскимъ офицерамъ и адмиралтейскимъ чинамъ. При входѣ въ заливъ, на сѣверномъ и южномъ мысахъ, также возлѣ города и при самой водѣ, построены, для защищенія входа, довольно сильныя каменные батареи».

Въ теченіе всего промежутка времени, прошедшаго съ турецкой войны до 1797 года, ежегодно, подъ начальствомъ Ушакова, выходила изъ Севастополя корабельная эскадра для практическаго крейсерства по Черному морю.

### УШ.

#### СЕВАСТОПОЛЬ И ФЛОТЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Административныя перемѣны по флоту и севастопольскому порту послѣ Потемкина. — Наличныя суда флота въ началѣ этого царствованія. — Политическія обстоятельства послужившія поводомъ къ выступленію нашего флота изъ Севастополя въ 1798 году; его прибытіе въ Константинополь и всгрѣча его тамъ; его дѣйствія въ Средиземномъ морѣ и возвращеніе въ Севастополь.

Дѣла административныя по флоту тегли, между тѣмъ, своимъ порядкомъ:

Почти немедленно за кончиной Потемкина, начальникомъ черноморскаго флота сдѣланъ былъ снова Николай Семеновичъ Мордвиновъ, состоявшій уже тогда въ чинѣ вице-адмирала (1).

28-го февраля 1792 г. черноморскому адмиралтейскому управленію данъ былъ высочайшій указъ такого содержания: «Со умноженіемъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ, за благо призвали мы оставить на прежнемъ основаніи черноморское адмиралтейское правленіе, опредѣляя въ оное предсѣдательствующимъ нашего вице-адмирала Мордвинова и повелѣвая помянутому черноморскому адмиралтейскому правленію, во всемъ до управленія, снабженія, содержанія и продовольствія флотовъ касающемся, поступать въ точной силѣ наказовъ и инструкцій коллегіи адмиралтейской данныхъ. Произвожденіе въ чины по флотамъ и адмиралтейству на убылыя ваканціи дѣлать сему правленію законнымъ порядкомъ до капитанъ-лейтенантовъ или премьер-майоровъ. О произвожденіи же въ высшіе чины представлять намъ доклады; но что касается до флагмановъ, то пожалованіе оныхъ должно быть вообще по флотамъ, для чего, какъ списки о всѣхъ чинахъ морскаго департамента, подъ вѣдомствомъ черноморскаго правленія находящихся, такъ по связи флотовъ и надлежащія рапорты и вѣдомости въ узаконенныя времена доставлять генераль-адмиралу флотовъ нашихъ».

Такимъ образомъ дѣйствительный начальникъ и слава черноморскаго нашего флота, гроза турецкихъ силъ на Черномъ морѣ при Потемкинѣ, Федоръ Федоровичъ Ушаковъ—состоя въ званіи только старшаго члена черноморскаго адмиралтейскаго правленія—поступилъ къ Мордвинову подъ команду, и оставаясь, какъ бы случайно только, старшимъ начальникомъ севастопольскаго наличнаго флота, онъ, по строгому смыслу указа 28-го февраля—гдѣ Мордвинову предоставлялось даже производство въ чины флотскихъ офицеровъ—долженъ былъ находиться въ его безапелляціонномъ повиновеніи. 2-го сентября 1793 года Федоръ

(1) Произведенъ былъ 24 февраля 1792 г.

Федоровичъ Ушаковъ былъ произведенъ самъ, по линіи, въ вице-адмиралы.

Генераль-аншефъ Михаилъ Васильевичъ Каховскій, принявшій (17 окт. 1791 г.) послѣ Потемкина въ свое главное управленіе новороссійскій край, на основаніи общихъ наказовъ, сдѣлался до нѣкоторой степени и главнымъ начальникомъ черноморскаго флота; но при немъ это начальствованіе простиралось, на дѣлѣ, только на такіе случаи общихъ правительственныхъ распоряженій по цѣлому краю, съ которыми должны были сообразоваться и распоряженія черноморскаго адмиралтейскаго правленія.

Въ 1794 году, екатеринославскимъ и таврическимъ генераль-губернаторомъ сдѣланъ былъ генераль-фельдцейхмейстеръ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ — полномочія котораго, относительно черноморскаго флота, дѣлались нѣсколько шире, сравнительно съ тѣми, которыя назначены были Каховскому — какъ это видно изъ высочайшаго рескрипта, даннаго на его имя по этому поводу 19 іюня 1796 года: «По главному начальству вашему въ краѣ», сказано было въ рескриптѣ», гдѣ наши флоты и адмиралтейства черноморскіе имѣютъ свое пребываніе, повелѣваемъ быть имъ въ полномъ вѣдѣніи и управленіи вашемъ. Вслѣдствіе чего, черноморское адмиралтейское правленіе о всемъ, что до строенія, снабженія и всякаго распоряженія касается, вамъ единственно представлять и отъ васъ наставленій и предписаній требовать обязано; но при томъ, по связи флотовъ нашихъ, вы имѣете въ узаконенное время доставлять надлежащіе рапорты и вѣдомости генераль-адмиралу. Произвожденіе въ чины по флотамъ и адмиралтейству, на основаніи установленій морской службы, до капитанъ-лейтенантовъ отъ васъ имѣеть зависѣть; о поступающихъ же на высшія ваканціи представлять къ намъ».

6-го ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина; а 12-го ноября послѣдовалъ отъ государя Павла Петровича повелѣніе: «о бытіи въ вѣдѣніи Государственной адмиралтейской коллегіи черноморскому адмиралтейскому правленію со всеми флотами, портами и верфями въ вѣдомствѣ сего правленія состоящими». По тому же указу



«главнымъ командиромъ черноморскаго флота» назначался вице-адмиралъ Мордвиновъ, «флотскимъ начальникомъ» въ севастопольскомъ портѣ—вице-адмиралъ Ушаковъ, который, въ то же время, въ распоряженіяхъ своихъ дѣйствующими силами флота, по смыслу указа, дѣлался нѣсколько независимѣе. Но это не помѣшало тому, что Мордвиновъ, пользуясь своимъ административнымъ положеніемъ и не содѣйствуя процвѣтанію севастопольскаго порта, наносилъ различныя оскорбленія его дѣйствительному и прямому начальнику Ушакову (1), какъ это, по долгу изложенія не лицемѣрной исторической истины, съ прискорбіемъ приходится намъ занести въ нашу севастопольскую хронику.

Вотъ подлинныя выраженія Ушакова въ прошеніи его, поданномъ на высочайшее имя Государя 8-го мая 1798 года: «Ревность и усердіе о сохраненіи интереса Вашего Императорскаго Величества», писалъ Ушаковъ, «съ нѣкотораго времени подвергли меня гнѣву и негодованію моего начальника (Мордвинова)... Смерть предпочитаю я легчайшею несоотвѣтственному поведенію и безчестному служенію; подчиненные усомнятся во мнѣ въ довѣренности и надеждѣ; военная дисциплина и субординація придуть въ упадокъ; кто защититъ меня, неимущаго покровительства, при малой и недостаточной еще моей заслугѣ. Всеподданнѣйше испрашиваю Высочайшаго позволенія, послѣ окончанія кампаніи, быть мнѣ на малое время въ Петербургъ, пасть къ стопамъ Вашимъ».

Въ донесеніи адмиралтействъ-коллегіи Ушаковъ говоритъ въ объясненіе, что поводомъ къ такимъ притѣсненіямъ со стороны Мордвинова онъ почитаетъ старинное его недоброежелательство, возникшее со времени удаленія Мордвинова Потемкинымъ изъ черноморскаго правленія, и назначенія на его должность Ушакова, и—какъ слѣдуетъ напомнить—назначенія, поддержаннаго блестящимъ образомъ послѣдующими дѣйствіями самого Ушакова.

(1) Все дѣло объ этомъ довольно подробно описано у Скаловскаго въ его сочиненіи «Жизнь адмирала Ушакова».

Вступленіе императора Павла Петровича на престолъ имѣло еще нѣкоторое вліяніе на портовое управленіе Севастополя въ смыслѣ учрежденія болѣе строгой отчетности въ дѣлахъ, относящихся до состоянія командъ и суммъ, которыя расходовались по надобностямъ флота и севастопольскаго порта.

17-го ноября 1796 года послѣдовала общая перемѣна формы по флотамъ для одежды всѣхъ морскихъ чиновъ; 25-го февраля 1797 года изданъ былъ морской уставъ, а 1-го января 1798 года были обнародованы новые штаты флотовъ, по которымъ на Черномъ морѣ, а, слѣдовательно, и въ главномъ портѣ его наличнаго флота, положено было содержать кораблей: 100-пушечныхъ 3, 70-пушечныхъ 9, 60-пушечныхъ 3; фрегатовъ: 50-пушечныхъ 6, 36-пушечныхъ 4, 2 бомбарды и 2 каттера; а кромѣ того, гребной флотиліи и разныхъ транспортныхъ и другихъ судовъ — числомъ 268. Корабельный флотъ долженъ былъ составлять одну «дивизию», раздѣленную на три «эскадры».

Сверхъ того, согласно съ общими нововведеніями по военному вѣдомству относительно научныхъ занятій офицеровъ въ неслужебное время, Ушаковъ точно также получилъ на свое имя высочайшій указъ, отъ 26-го января 1797 года, въ которомъ предписывалось ему: «учредить классъ для флагмановъ, капитановъ и офицеровъ, въ которомъ собираться всѣмъ тѣмъ, кто того дня службою занятъ не будетъ, и проходить всѣ нужныя для морскаго офицера науки, какъ то: тактику и о эволюцію, навигацію, практику и о корабельной архитектурѣ, равномѣрно чтеніе устава».

Въ ноябрѣ 1797 года состоялось высочайшее повелѣніе объ именованіи *Севастополя* его старымъ названіемъ «*Ахтіара*».

Въ 1797 году, судовъ черноморскаго флота, годныхъ къ плаванію, у насъ въ наличіи состояло:

Число ору- дй.	Имена судовъ.	Мѣсто постройки.	Годъ заклад- ки.	Годъ спуска.
<b>Кораблей:</b>				
84	Святой Павелъ . . . . .	Николаевъ	1791	1794
74	— Петръ . . . . .	Херсонъ.	1794	1794
—	Захарій и Елисавета . . . . .	—	1794	1795
—	Симеонъ и Анна . . . . .	—	1795	1797
66	Богоявление . . . . .	—	1789	1791
—	Святая Троица . . . . .	Николаевъ.	1790	1791
—	Святой Владиміръ . . . . .	Херсонъ.	1782	1787
—	Марія Магдалина . . . . .	—	1788	1789
<b>Фрегатовъ:</b>				
50	Святой Александръ . . . . .	Херсонъ.	1785	1787
—	Григорій Великія Армені . . . . .	—	1790	1791
—	Святой Михаилъ . . . . .	—	1795	1796
46	— Николай . . . . .	Николаевъ.	1790	1790
—	Царь Константинъ . . . . .	Рогожскіе хутора.	1788	1789
—	Федоръ Стратилать . . . . .	—	1788	1789
—	Сошествіе Св. Духа . . . . .	Херсонъ.	1789	1791
—	Казанская Богородица . . . . .	—	1789	1791
—	Вознесеніе Господне . . . . .	—	1789	1790
32	Счастливый . . . . .	Рогожскіе хутора.	1793	1793

Итого: кораблей 8 — изъ нихъ два уже довольно старыхъ: фрегатовъ 10 — изъ нихъ одинъ только новый; меньшихъ судовъ: 3 бомбардирскихъ, 2 коттера и до 30 крейсеровскихъ — не считая транспортныхъ.

Число наличныхъ судовъ лиманской и азовской флотиліи, вмѣстѣ съ транспортными, доходило до 140.

Сверхъ этихъ наличныхъ и годныхъ къ плаванію судовъ, на херсонской верфи въ постройкѣ находился 74-хъ-пушечный корабль «Михаилъ».

Все вышеизложенное даетъ нѣкоторое понятіе объ административной обстановкѣ Севастополя и томъ наличномъ флотѣ, который имѣлъ въ немъ постоянное пребываніе въ началѣ царствованія императора Павла Петровича.

Французская революція, возникшая въ концѣ восемнадцатаго вѣка, произвела великій переполохъ во всѣхъ прежнихъ политическихъ комбинаціяхъ европейскихъ государствъ.

Первое внѣшнее впечатлѣніе этой революціи имѣло весь эффектъ пожара, охватившаго такое зданіе, которое старались сжечь сами его хозяева, и горяція головни отъ котораго летѣли на всѣхъ его сосѣдей. Тогда какъ, за тушеніе этого пожара принялись не только тѣ изъ его зрителей, имуществу которыхъ угрожало его пламя, по близкому ихъ сосѣдству—но также и тѣ, которымъ только было видно его зарево. Но такъ какъ, по естественному порядку вещей, всѣ лица, которыя имѣли расположеніе предавать огню свое собственное, историческимъ путемъ нажитое, имущество, необходимо должны были находиться въ изступленномъ состояніи, то всѣ дальніе и ближніе ихъ сосѣди, являвшіеся на пожаръ—встрѣтили, во-первыхъ—сопротивленіе; а потомъ возбудили въ нихъ и чувство мести, вслѣдствіе котораго эти лица, въ свою очередь, бросились жечь имущество не только у тѣхъ, кто приходилъ тушить ихъ зданіе, но также и у тѣхъ, которые помогали его сжигать, и у тѣхъ, кто только смотрѣлъ на пожаръ. Тогда—сосѣди эти, только что ссорившіеся между собою за большій или меньшій имущественный интересъ, бросили всякую частную вражду между собою, и соединились противъ изступленныхъ зажигателей.

Припомнимъ только всѣ фазисы французской революціи. Припомнимъ борьбу великихъ феодаловъ Франціи до Людовика XI и послѣ него; припомнимъ кровавое гоненіе, воздвигнутое французами противъ своихъ же соотечественниковъ гугенотовъ, представлявшихъ собою первую оппозицію отечественнымъ и религіознымъ злоупотребленіямъ—и мы увидимъ, что Франція, въ исходѣ 18-го столѣтія, сжигала свое собственное, ею самой возведенное, монархическое зданіе. А всѣ послѣдующія войны Франціи, за время директоріи и Наполеона I, были тѣмъ изступленнымъ ея состояніемъ, въ которомъ она бросалась, безъ разбора и основательныхъ причинъ, на друзей и недруговъ

своей революціи, и сражалась: то съ Австріей, Англіей и Россіей, то съ Турціей и Испаніей, и совершенно сряду: то огнемъ и мечемъ поддерживала всюду принципы своей революціи, то напрягала всевозможныя свои средства, чтобы съ корнемъ ихъ вырвать.

Въ 1798 году, Франція находилась уже во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи, но въ самыхъ дружественныхъ къ Турціи — и все заставляло насъ ожидать, что сильный флотъ, который она готовила въ своихъ южныхъ портахъ, могъ обратиться на поддержку Турціи, въ новыхъ притязаніяхъ послѣдней на уступленныя намъ новороссійскія провинціи, и мы заботились о приведеніи на военную ногу нашего черноморскаго флота и укрѣпленіи нашихъ южныхъ портовъ. Вотъ текстъ высочайшаго указа, даннаго по этому поводу вице-адмиралу Мордвинову 4-го февраля 1798 г. «По дошедшимъ извѣстіямъ, Оттоманская Порты отправляетъ въ Черное море флотилію, которой назначено собраться въ Варнѣ и потомъ идти въ Дунай; и хотя со стороны Порты не видно никакихъ къ разрыву мира съ Россіей покушеній, объявляя, что сіе вооруженіе флотиліи производится для содѣйствованія морскихъ силъ ихъ, вмѣстѣ съ сухопутными, противъ бунтующаго паши Пасванъ-Оглу и его сообщниковъ; однакожь, поелику прямой цѣли сего движенія неизвѣстно, и что можетъ быть сіе сборище морскихъ и сухопутныхъ войскъ турецкихъ, идущихъ на Дунай, дѣлается по внушеніямъ недоброхотствующихъ намъ французовъ, дабы, подъ предлогомъ усмиренія помянутаго паши, напасть внезапно на предѣлы Россійской имперіи: того ради, въ предосторожность отъ сего, повелѣваемъ черноморскіе берега и порты привести въ готовность къ оборонѣ и вооружить двѣнадцать линейныхъ кораблей, включая въ то число могущіе по нуждѣ лежать въ линіи 50-ти и 40-пушечные фрегаты, придавъ къ онымъ пристойное число легкихъ судовъ или авизовъ. Надъ флотомъ симъ поручается главное начальство вице-адмиралу Ушакову и подъ нимъ контръ-адмиралу Овцыну».

Въ послѣдующемъ высочайшемъ указѣ 9-го апрѣля того же года, данномъ на имя Ушакова сказано было:

«По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, французы вводятъ эскадру въ Бѣлое (Средиземное) море и, какъ прямого ихъ намѣренія еще неизвѣстно, того ради повелѣваемъ вамъ, съ вооруженною нынѣ эскадрою, выйти въ море и крейсеровать между Севастополемъ и Одессою, прикрывая берега сіи со всевозможною предосторожностію и не допуская французскую эскадру войти въ Черное море, буде бы она на то покусилась.

Въ такихъ видахъ вооружался въ Севастополь нашъ флотъ съ весны 1798 года, и вышелъ, 25-го апрѣля, на севастопольскій рейдъ. Судовъ наличныхъ и годныхъ къ дальнему плаванію, въ этотъ моментъ, состояло въ немъ: 7 кораблей, 5 большихъ фрегатовъ и 4 малыхъ, а всего 16 военныхъ. Команды и служащихъ на нихъ всякаго званія 6,690 человекъ. Главное начальство надъ портомъ Ушаковъ сдалъ, временно, контръ-адмиралу Вильсону.

Въ упомянутомъ выше составѣ, 5-го мая, эскадра вышла въ крейсерство. Во время плаванія, она занималась эволюціями, упражненіемъ командъ въ управленіи парусами и дѣйствіяхъ орудіями и ручнымъ оружіемъ при абордажныхъ схваткахъ—какъ это обыкновенно принято было дѣлать во время практическаго плаванія эскадръ вообще. Въ іюль мѣсяцѣ получены были въ Севастополь извѣстія о появленіи большаго французскаго флота на Средиземномъ морѣ и слѣдованіи его къ востоку, а потомъ—о занятіи имъ, на пути, острова Мальты и усиленныхъ вооруженіяхъ, происходящихъ на флотъ турецкомъ.

Прибытіе французскаго республиканскаго флота съ большими десантными войсками въ Египетъ—вассальную землю турецкаго султана, разрѣшало для насъ окончательно военный вопросъ. Русское правительство съ самаго начала находилось въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ французской революціи; Мальта же состояла подъ личнымъ покровительствомъ нашего императора Павла Петровича, и потому вступленіе французскихъ войскъ въ Египетъ имѣло послѣдствіемъ сближеніе наше съ Турціей и заключеніе съ ней наступательнаго и оборонительнаго союза.

На первый случай, наши отношенія къ послѣдней достаточно выражены были въ высочайшемъ указѣ, данномъ Ушакову 25-го іюля.

«Господинъ вице-адмиралъ Ушаковъ» — сказано было въ немъ. «По полученіи сего имѣете вы, со вѣренною вамъ эскадрою, отправиться немедленно въ крейсерство къ Константинопольскому проливу, куда прибывъ, пошлите предварительно одно изъ легкихъ судовъ къ министру нашему въ Константинополь, г. тайному совѣтнику Томарѣ, извѣстятъ его, что вы имѣете повелѣніе отъ насъ, буде Порта потребуетъ помощи, гдѣ бы то ни было, всею вашею эскадрою ей содѣйствовать; и буде отъ министра нашего получите увѣдомленіе о требованіи, отъ Блистательной Порты, вашей помощи, то имѣете тотчасъ слѣдовать и содѣйствовать турецкому флоту противъ французовъ, хотя бы то и далѣе Константинополя случилось».

Этотъ указъ полученъ былъ Ушаковымъ 4 августа, когда онъ находился въ морѣ, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Севастополь — какъ для приведенія всѣхъ судовъ флота въ готовность къ болѣе продолжительному и дальнему плаванію, такъ и для возобновленія на нихъ запасовъ провизіи и прѣсной воды. Сверхъ того ему необходимо было, также въ видахъ дальнаго плаванія, сдѣлать и нѣкоторыя перемѣны въ составѣ своей эскадры. 7-го августа того же года, даны были Ушакову дальнѣйшія инструкціи такого содержанія: «Господинъ вице-адмиралъ Ушаковъ! По доношенію пребывающаго въ Константинополь министра нашего тайнаго совѣтника Томары, о желаніи Блистательной Порты вступить съ нами въ тѣснѣйшій союзъ и требовать отъ насъ помощи противъ зловредныхъ намѣреній французовъ, яко буйнаго народа, истребившаго не только въ предѣлахъ своихъ Вѣру и Богомъ установленное правительство и законы, водимаго единымъ хищеніемъ и грабленіемъ чужаго, разрушившаго всѣ правила общежитія, но и у сосѣднихъ народовъ, которые по несчастію были ими побѣждены или обмануты вѣроломническими ихъ внушеніями—чему показали очевид-

ный примѣръ, сдѣлавъ нынѣ впаденіе во владѣнія Блистательной Порты, въ Египтъ, на портъ Александрію».

«Вслѣдствіе сего и повелѣли мы приступить къ такому союзу министру нашему; но доколѣ всѣ нужныя статьи утверждены будутъ, повелѣваемъ вамъ, со ввѣренною въ команду вашу частію флота, согласно повелѣнію данному отъ насъ отъ 25 іюля, слѣдовать немедленно къ Константинопольскому проливу»... «а буде Porta требовать будетъ, то вы тотчасъ должны будете слѣдовать туда, гдѣ ваша помощь нужна будетъ, о чемъ и получите извѣщеніе отъ нашего министра».

«Буде нужда потребуеть, можете дѣйствовать соединенно съ турецкимъ флотомъ, какъ у дарданельскихъ крѣпостей, въ Мраморномъ морѣ, такъ и въ самомъ Архипелагѣ; равномерно — имѣя мы союзъ и съ Великобританіей и одну цѣль съ нею — благосостояніе сосѣдственныхъ державъ, дозволяетъ вамъ, когда обстоятельства потребуютъ, дѣйствовать соединенно съ англійскою эскадрою, находящеюся въ Средиземномъ морѣ и дѣлающей поиски надъ хищнымъ французскимъ флотомъ».

Ушаковъ спѣшилъ исполнить данныя ему повелѣнія. Спустя 7 дней по прибытіи въ Севастополь—13, августа онъ выступилъ уже со флотомъ въ море и пошелъ къ сторонѣ Константинополя. На основаніи всѣхъ вышеупомянутыхъ перемѣнъ, составъ наличныхъ судовъ его эскадры былъ слѣдующій:



Число ору- дій.	Названіе судовъ.	Командиры и флагмано.	Число командъ.
<b>Корабли:</b>			
84	Св. Павелъ . . . .	Капитанъ 1-го ранга Евстафій <i>Сирандинаки</i> .	857
74	Св. Петръ . . . .	Подъ флагомъ вице-адмирала <i>Ушакова</i> .	712
—	Св. Захарія и Ели- саветы . . . .	Капитанъ 1-го ранга Дмитрій <i>Сенявинъ</i> .	717
72	Св. Троицы . . . .	— — — Иванъ <i>Селивачевъ</i> .	732
—	Богоявленіе Господ- не . . . .	— 2-го — Иванъ <i>Поскочинъ</i> .	705
68	Марія Магдалина .	— 1-го — Антонъ <i>Алексіано</i> .	590
		— 2-го — Григорій <i>Тимченко</i> .	
<b>Фрегаты:</b>			
50	Григорій Великія Арменія . . . .	Капитанъ-лейтенантъ Иванъ <i>Шостакъ</i> .	428
48	Св. Михайлъ . . . .	— 2-го ранга Александръ <i>Сорокинъ</i> .	416
46	Св. Николай . . . .	— лейтенантъ Павелъ <i>Маринъ</i> .	424
44	Казанская Богоро- дица . . . .	— — — Фома <i>Мессеръ</i> .	424
—	Навархія . . . .	— — — Графъ Николай <i>Вой- новичъ</i> .	420
—	Сошествіе Св. Духа.	— — — Кирьякъ <i>Константи- новъ</i> .	404
32	Счастливый . . . .	— — — Генрихъ <i>Белле</i> .	276
<b>Авизы:</b>			
18	Св. Ирина . . . .	Лейтенантъ Анастасій <i>Влито</i> .	107
14	Павагія Апотумен- гана . . . .	Капитанъ (адмиралтейскихъ баталіоновъ) Егоръ <i>Кондратьевъ</i> .	76
—	Красноселье . . . .	Лейтенантъ <i>Рябининъ</i> .	92

Всѣхъ судовъ 16; орудій на нихъ всякаго калибра 798; число людей всякихъ чиновъ въ командахъ 7407—въ этомъ счету флотскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ находилось 136; солдатскихъ командъ черноморскихъ баталіоновъ — какъ въ пополненіе флотскихъ комплектовъ, такъ и на случай десантовъ, посажено было на эскадру 1700 чело-  
вѣкъ.

Что касалось до качества судовъ, вошедшихъ въ составъ этой дѣйствующей эскадры, то еще оно далеко не было удовлетворительно. Подводная ихъ часть была и

тогда еще обшита сосновыми дюймовками по парусинѣ или войлоку, не смотря на то, что въ балтійскомъ флотѣ преобладала уже мѣдная обшивка. О ихъ прочихъ недостаткахъ можно судить, напримѣръ, изъ нижеслѣдующаго замѣчанія Ушакова въ письмѣ его къ вице-президенту адм. коллегіи, графу Крушелеву, отъ 5 августа 1798 года.

«Долгомъ поставляю къ свѣдѣнію вашему донести, что корабли и фрегаты въ прошлую войну строились съ великой поспѣшностью: только чтобы поспѣвали на военное дѣло; и отъ такого поспѣшнаго построения не такъ крѣпки; а часто и многія гнилости уже въ членахъ показываются. Артиллерія на всей эскадрѣ весьма тяжелая; а по сему всегда, когда хожу я на морѣ, стараюсь для сохранения судовъ избѣгать крѣпкихъ вѣтровъ и уходить въ закрытіе къ берегамъ».

Но это была одна только сторона всего дѣла, потому что и всѣ прочія суда, выстроенныя послѣ войны, не были изъяты отъ тѣхъ же самыхъ недостатковъ въ постройкѣ — какъ это и не замедлило okazaться на самомъ дѣлѣ. На третій же день по выходѣ эскадры изъ Севастополя, она была застигнута крѣпкимъ южнымъ вѣтромъ и почти всѣ корабли сильно потекли; а одинъ изъ новыхъ «Св. Троица», получилъ такія поврежденія, для исправленія которыхъ ему необходимо было возвратиться въ портъ. Всѣ прочія боевыя суда нашей эскадры, числомъ 12, 22 августа подошли къ Константинопольскому проливу, а по полученіи увѣдомленія отъ нашего посланника, въ него вошли, и расположились на якорь въ Беюгдере. При первомъ извѣстіи о появленіи нашего флота, французскій посланникъ, по мѣстному обычаю—въ знакъ торжественнаго нарушенія мира, посаженъ былъ въ тюремный замокъ.

Все константинопольское населеніе высыпало на встрѣчу нашему флоту, и страшныя массы народа, съ обоихъ береговъ пролива, его привѣтствовали маханіемъ шляпъ, шапокъ и платковъ и восторженными криками. Въ этой восторженной встрѣчѣ высказывалось многое, и во первыхъ: то, что въ русской крови никогда не существовало

той религиозной нетерпимости, вслѣдствіе которой мы въ магометанинѣ видѣли бы человѣка низшаго разряда—какъ это тогда просвѣчивало въ обращеніи съ турками у прочихъ европейскихъ націй; а во вторыхъ: что общечеловѣческія и общежительныя личныя отношенія наши къ туркамъ, установленныя императрицей Екатериной и Потемкинымъ, оставили въ нихъ гораздо лучшее впечатлѣніе, сравнительно съ тѣмъ, которое могли внушить имъ западныя державы—то искавшія у нихъ поддержки въ ихъ взаимной враждѣ, то старавшіяся всеми мѣрами ихъ склонять къ нанесенію вреда Россіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ инстинкты массъ говорили совсѣмъ иное. Далѣе видно было, что Турція въ своемъ союзникѣ получала твердую опору; а репутація ея новаго поборника, въ лицѣ адмирала Ушакова, неподражаемаго мастера морскихъ сраженій, во много разъ возвышала цѣнность этого союза.

Въ самый день прибытія нашего адмирала въ Константинополь, посланецъ отъ верховнаго визиря подносилъ ему, по восточному обычаю, плоды и цвѣты въ знакъ дружескаго искренняго привѣтствія; а султану до того любопытно было видѣть русскую эскадру, что онъ, передѣтый, ѣздилъ изъ Константинополя <sup>(1)</sup> на шлюпкѣ ее осматривать. На другой же день Ушаковъ получилъ отъ него большую золотую табакерку, осыпанную драгоценными камнями, и 2000 червонцевъ для раздачи командамъ. 31 августа присоединился ко флоту и корабль «Св. Троица».

Между тѣмъ, на конференціи уполномоченныхъ, происходившей 28 августа и состоявшей изъ нашего и англійскаго пословъ, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, еще одного турецкаго же сановника и нашего адмирала Ушакова, положено было употребить съ самаго начала нашу эскадру на то, чтобы отнять у французовъ Ионическіе острова, и такое предположеніе было одобрено нашимъ императоромъ.

(1) Беоудере въ 15 верстахъ отъ Константинополя.

Послѣ того, флотъ нашъ задержанъ былъ въ Константинополь противными вѣтрами и, пользуясь этимъ временемъ, новые союзники успѣли другъ друга осмотрѣть, и нѣсколько между собою знакомиться: по Ушаковъ былъ принятъ всюду съ такой особенной довѣренностью и такимъ почтеніемъ, что всякое его мнѣніе и сужденіе по морскому дѣлу принимались въ смыслѣ окончательнаго приговора, и все спѣшило во всемъ ему повиноваться; Турки широко и съ почтеніемъ передъ нимъ разступались: «Во всѣхъ мѣстахъ оказаны мнѣ отличная учтивость и благопріятство, также и довѣренность неограниченная», писалъ въ донесеніи своемъ государю Ушаковъ. «Учтивство, ловкость и доброжелательство ихъ во всѣхъ случаяхъ совершенны», повторялъ онъ въ другомъ своемъ донесеніи.

«Ему (начальнику турецкой вспомогательной эскадры), отъ Порты внушено именемъ султана почитать нашего вице-адмирала яко учителя» — писалъ посланникъ нашъ Томара государю. «Вице-адмиралъ Ушаковъ», писалъ онъ еще: «запретилъ было матросамъ пѣть пѣсни на нашихъ корабляхъ, близъ домовъ на рейдѣ стоящихъ. Сіе всѣхъ изумило, и нынѣ, къ общему удовольствію публики, на всѣхъ корабляхъ пѣть дозволено». Дисциплина, которая соблюдалась на нашей эскадрѣ, опрятность и порядокъ въ исполненіи всякаго маневра приводили въ удивленіе турокъ. Одинъ изъ турецкихъ адмираловъ, описывая своему великому визирю все, что видѣлъ на русской эскадрѣ, говорилъ, что на всѣхъ двѣнадцати русскихъ линейныхъ судахъ, вмѣстѣ взятыхъ, во время маневровъ, бываетъ меньше шума, чѣмъ на одномъ турецкомъ кирлангичѣ.

За то, осматривая постройку турецкихъ кораблей, Ушаковъ еще разъ нашелъ объясненіе тому, какимъ образомъ они постоянно успѣвали скрываться отъ его преслѣдованій: Всѣ они были строены изъ хорошо заготовленнаго и выбереженнаго лѣса, и всѣ были обшиты мѣдью; тогда какъ наши — тяжело сидѣли на водѣ, имѣли подводную часть, обшитую сосновыми досками и толщиною на цѣлый дюймъ покрытую ракушкой и водяными наростами.

8-го сентабря эскадра наша, согласно своему назначенію, пошла изъ Константинополя въ Мраморное море и съ ней вмѣстѣ, подъ начальствомъ Ушакова, вышла вспомогательная эскадра, состоявшая изъ 4 кораблей, 6 фрегатъ и 18 другихъ малыхъ военныхъ судовъ.

Въ числѣ прочихъ земельныхъ захватовъ, сдѣланныхъ французами по поводу ихъ революціоннаго движенія и войнъ съ сосѣдями, находились также и Ионическіе острова, которыми они овладѣли въ 1797 году у венеціанской республики. По географическому положенію и національности ихъ населенія, эти острова должны были составлять принадлежность Греціи, и турки считали ихъ какъ бы отнятою у нихъ собственностью, на томъ основаніи, что всю греческую націю безъ исключенія привыкли видѣть у себя въ подданствѣ. Австрія издавна уже дѣлала притязанія на Венецію и восточные берега Адриатическаго моря; сверхъ того, она владѣла уже многими славянскими землями, и потому, почти на томъ основаніи какъ и Турція, сохраняла также притязанія и на прилежащіе къ послѣднимъ, греческіе острова. Англія, какъ и всегда, по всѣмъ концамъ свѣта искала опорныхъ пунктовъ для пристанища и дѣйствій своего флота на поддержку своихъ коммерческихъ интересовъ и не переставала, въ этихъ видахъ, сохранять надежду и на овладѣніе Ионическими островами. Турція, сверхъ того, имѣла въ это время сильнаго полу-независимаго вассала въ лицѣ Али-паши янинскаго, владѣнія котораго точно также прилегали къ Ионическимъ островамъ, и ему, какъ ближайшему ихъ сосѣду, казались они такимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, для котораго можно было рискнуть всѣми возможными своими средствами. А такъ какъ эти острова находились теперь въ рукахъ французовъ, и для каждой изъ помянутыхъ державъ отдѣльно, въ силу общей ихъ непріязни къ Франціи, должны были почитаться вражеской собственностью, то каждая изъ нихъ ставила себѣ въ обязанность найти удобный моментъ, когда прочіе ея союзники, въ общей войнѣ противъ Франціи, будутъ заняты болѣе крупными дѣлами, чтобы подъ шумокъ

отнять ихъ у французовъ. Тогда какъ послѣдніе, въ свою очередь, привели ихъ въ хорошее оборонительное положеніе и надѣялись удержать за собою—особенно *Корфу*, крѣпость котораго, по своему природному положенію и устроеннымъ для нея защитами и верками, почиталась наравнѣ съ укрѣпленнымъ островомъ Мальтой, одной изъ первоклассныхъ крѣпостей въ Европѣ. Изъ числа прочихъ шести Ионическихъ острововъ болѣе крупныя: Чериго, Цанте, Кефалонія и Санта-Мавра, имѣли точно также хорошія цитадели, способныя хорошо обороняться и были снабжены теперь французскимъ гарнизономъ, съ достаточнымъ количествомъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

На основаніи всѣхъ сказанныхъ соображеній, покореніе всѣхъ этихъ острововъ и ихъ крѣпостей возложено было союзниками, или скорѣе всѣми противниками Франціи, на русскую эскадру и нашего адмирала—не безъ особенныхъ недружелюбивыхъ видовъ со стороны каждаго. Турція рассчитывала навѣрное, что русскому флоту никогда не придется удержаться въ Средиземномъ морѣ, и потому—разъ, что острова будутъ находиться во власти Россіи, она принуждена будетъ ей уступить ихъ, въ видѣ вознагражденія за какія либо льготы, сдѣланныя ей въ торговыхъ или иныхъ отношеніяхъ на Черномъ морѣ. Англія надѣялась дать занятіе нашему флоту и вмѣстѣ хотѣла озаботить французовъ. Крѣпость на Корфу она считала не подь-силу для нашей эскадры и сохраняла относительно насъ такіе же точно виды на будущее время, какъ и Турція. Австрія въ конференціи уполномоченныхъ, въ Константинополь, не участвовала по неимѣнію флота.

Цѣль завоеванія Ионическихъ острововъ, съ нашей стороны, должна была состоять въ освобожденіи ихъ греческаго народонаселенія отъ тяжкаго гнета французскихъ республиканскихъ властей, и образованіе изъ нихъ независимой республики. Вотъ узелъ тѣхъ политическихъ complications, на который попадалъ Ушаковъ, слѣдуя съ эскадрой къ Ионическимъ островамъ. Всѣ наши видимые союзники, какъ то: Австрія, Англія и Турція были не болѣе

какъ зрителями и тайными нашими врагами (1), старавшимися всѣми мѣрами вредить Ушакову, и готовыми на всякіе козни, чтобы останавливать его успѣхи. Отдаленность нашей эскадры отъ своихъ портовъ ставила ее, сверхъ того, въ крайне уединенное положеніе, при которомъ единственные ея боевые, матеріальные и продовольственные ресурсы должны были основываться исключительно на нравственныхъ ресурсахъ начальника нашей экспедиціи, то есть на его мужествѣ и твердости характера и способности нашихъ командъ и офицеровъ къ перенесенію всякаго рода бѣдствій, трудовъ и лишеній.

Огромный французско-испанскій флотъ, готовый выступить изъ портовъ Средиземнаго моря въ обоихъ этихъ государствахъ, по счастію для насъ, давалъ довольно занятія англичанамъ, и дѣйствія нашей эскадры не встрѣчали покуда виѣшнихъ препятствій. При первомъ извѣстіи о появленіи нашей эскадры, французы очистили самый островъ Чериго, а его форты, послѣ первой отъ насъ атаки съ моря и сухаго пути, 1-го октября сдались на капитуляцію. 13-го октября былъ нами занятъ съ боя островъ Цанте. 17-го октября десантныя наши войска заняли Кефалонію. 23-го октября устроены были у насъ батареи на островѣ Санта-Мавра и крѣпость его, 5 го ноября, точно также сдалась Ушакову на капитуляцію. На всѣхъ четырехъ большихъ Ионическихъ островахъ взято было въ плѣнъ 1,300 человекъ, и въ томъ числѣ 70 офицеровъ, французскаго гарнизона, орудій взято 202; малые острова Феака и Паксо очищены были французами безъ боя. Потеря со стороны нашей, при занятіи всѣхъ этихъ острововъ, состояла всего изъ 2-хъ человекъ убитыми и 6 ранеными. Единственные задержки на своемъ пути, эскадра наша встрѣчала отъ бур-

(1) Нельсонъ хотѣлъ насъ предупредить въ занятіи Ионическихъ острововъ и, 7-го октября 1798 года, писалъ англійскому посланнику въ Константинополь: «Послѣ Египта, я намѣренъ обратиться къ Мальтѣ, Корфу и прочимъ этимъ островамъ, почему надѣюсь, что русскому флоту назначено будетъ находиться на востокѣ. Если же допустятъ ихъ утвердиться въ Средиземномъ морѣ, то Порта будетъ имѣть порядочную занозу въ боку» (у Скаловскаго).

наго осеняго времени, мѣшавшаго передвиженію тогдашнихъ парусныхъ судовъ, и козней Али-паши янинскаго, которому хотѣлось во что бы то ни стало самому захватить ближайшій къ нему островъ Санта-Мавру. Адмиралъ нашъ приписывалъ скорое овладѣніе Ионическими островами приверженности къ намъ жителей, и писалъ графу Куселеву, что одни турки ни съ какими силами не могли бы ихъ завоевать, потому что тогда жители ихъ присоединились бы къ французскимъ гарнизонамъ и дали бы имъ болѣе нежели достаточный отпоръ, на что, конечно, французы много рассчитывали, надѣясь удержать острова за собой. Много трудовъ стоило и самому Ушакову убѣдить этихъ жителей пустить вмѣстѣ съ нашими солдатами и по нѣскольку человѣкъ турокъ для занятія гарнизона въ завоеванныхъ крѣпостяхъ. Последнее же необходимо было потому, что одно только большое нравственное вліяніе нашего адмирала устраняло насъ отъ вооруженнаго столкновенія съ нашими безпорядочными союзниками. При всякомъ вступленіи на землю греческихъ острововъ, приходилось ихъ удерживать отъ грабежа и убійства—и допущеніе ихъ къ малому участию въ занятіи крѣпостей было единственнымъ условіемъ, не столько къ возбужденію ихъ ничтожнаго военнаго содѣйствія, сколько къ сохраненію съ ними согласія и мира.

Блокада Корфу — наиболѣе важной крѣпости на всѣхъ островахъ—была начата съ 20-го октября однимъ изъ отрядовъ нашего русско-турецкаго флота, а весь флотъ прибылъ къ ней 12-го ноября. При отдѣленіи крейсеровъ, для наблюденія съ моря за возможнымъ появленіемъ французскихъ военныхъ судовъ, валичныхъ судовъ обѣихъ націй, съ которыми предпринялъ Ушаковъ овладѣніе крѣпостью Корфу, у него состояло: 8 кораблей, 7 фрегатовъ и нѣсколько меньшихъ. Но главная бѣда наша заключалась въ томъ, что турки, состоя даже и подъ командой нашего адмирала, не измѣняли своему военному характеру: они прятались отъ всякой большой опасности и не заслуживали никакой довѣренности по охраненію сторожевыхъ постовъ. А это все, въ результатъ, имѣло то обстоятельство, что вся тягость морской военной службы во всякое время и



на всѣхъ опасныхъ пунктахъ падала сполна на наши суда и нашихъ людей. При всякой атакѣ на крѣпость со стороны моря, турецкія суда становились не ближе какъ на рикошетный выстрѣлъ изъ непріятельскихъ орудій, и намъ приходилось довольствоваться отъ нихъ однимъ только демонстративнымъ увеличеніемъ нашихъ силъ. Сверхъ того, за неимѣніемъ достаточнаго числа своихъ сухопутныхъ войскъ и всякихъ техникувъ для веденія осадныхъ работъ, Ушаковъ не могъ съ достаточной энергіей производить и съ моря атаку на крѣпость. Береговыя апроши вели наши флотскія команды подъ руководствомъ случайныхъ людей и своихъ флотскихъ офицеровъ, которымъ въ прежнее военное время удавалось бывать на осадныхъ работахъ; батареями управляли наши морскія артиллерійскія команды и орудія на нихъ были употреблены съ нашихъ судовъ. При малѣйшей же надеждѣ на пособіе турецко-албанскихъ войскъ, мы нѣсколько разъ имѣли на своихъ плечахъ непріятельскія вылазки и теряли напрасно людей.

30-го декабря прибыли къ нашей эскадрѣ еще два новые 74-пушечные корабля: «Симеонъ и Анна», подъ командой капитана 2-го ранга Константина Леонтовича, и «Св. Михаилъ», подъ командой капитана 2-го ранга Ивана Салтанова. Эти корабли наскоро были вооружены и, подъ начальствомъ контръ-адмирала Павла Васильевича Пустошкина, вышли еще 26-го октября изъ Севастополя, но были на пути задержаны крѣпкими противными вѣтрами.

Прибытіе такого подкрѣпленія дало Ушакову средства еще тѣснѣе обложить крѣпость и 18-го февраля 1799 года, послѣ жестокой атаки, поведенной Ушаковымъ съ моря на всѣ укрѣпленія окружавшія Корфу, при пособіи нашего десанта, онъ овладѣлъ островомъ Видо, составлявшихъ передовое укрѣпленіе города и его гавани.

«Турецкіе же корабли и фрегаты», писалъ Ушаковъ, къ нашему посланнику въ Константинополь—«всѣ были позади насъ и не близко къ острову. Если они и стрѣляли на оный, то черезъ насъ, и два ядра въ бокъ моего корабля посадили со стороны противоположной острову».

Атака 18-го февраля поведена была съ такой настой-

чивостью и энергіей; наши выстрѣлы отличались такой вѣрностью прицѣла и наносили французамъ столько вреда, что французскіе генералы потеряли всякую надежду на дальнѣйшее успѣшное сопротивленіе, и старшій изъ нихъ, Шабо, въ тотъ же день, 18-го февраля, изъявилъ желаніе сдаться. А за тѣмъ состоялось перемиріе, и 20-го числа первоклассная европейская крѣпость со всѣми военными запасами и трехъ тысячнымъ гарнизономъ, остававшимся въ живыхъ, сдалась Ушакову. Покореніе Корфу, съ тѣми средствами, которыми могъ располагать Ушаковъ, по убѣжденію современниковъ, было дѣломъ такого военнаго подвига, что, говорятъ, по полученіи объ этомъ извѣстіи нашъ Суворовъ сказалъ: «Сожалѣю, что не былъ при этомъ хоть мичманомъ».

Между тѣмъ, для того, чтобы усилить коалицію противъ Франціи, нашъ государь рѣшился приступить къ дѣйствительному союзу съ Австріей и появленіе въ Ломбардіи нашей вспомогательной арміи, подъ начальствомъ Суворова, заставило французовъ стягивать туда всѣ свои войска, которыя до того времени занимали Апеннинскій полуостровъ. А при этомъ они всѣми мѣрами старались сохранить революціонное положеніе во всѣхъ тѣхъ итальянскихъ провинціяхъ, которыя имъ приходилось очищать, и съ этой цѣлью ославляли тамъ повсюду своихъ агентовъ и даже небольшіе отряды войскъ. Послѣдующее назначеніе нашей эскадры состояло въ утвержденіи прежняго, или законнаго порядка въ Неаполѣ и другихъ государствахъ на полуостровѣ, и наши черноморскіе моряки, наши севастиопольцы, въ теченіе послѣдующаго времени въ 1799-мъ и 1800 годахъ, возстановляли власть неаполитанскаго короля, утверждали его на престолѣ и, съ оружіемъ въ рукахъ, успѣли водворить общее спокойствіе въ средней и южной Италиі. При этомъ они показали столько храбрости и гражданскаго такта, что оставили по себѣ во всѣхъ этихъ мѣстахъ самое лучшее воспоминаніе, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ современные итальянскіе писатели.

Одновременно съ этимъ, на Ионическихъ островахъ, по порученію нашего правительства, были собраны Ушако-

вымъ мѣстные народные представители и, подъ его руководствомъ, учреждено было республиканское правленіе.

Затѣмъ императоръ нашъ имѣлъ въ виду освобожденіе изъ подъ власти французовъ острова Мальты, и для этого, на усиленіе флота, находившагося подъ начальствомъ Ушакова, была прислана въ 1799 году изъ Балтійскаго моря еще эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Карцева, состоявшая изъ трехъ кораблей: 74-хъ пушечнаго «Исидоръ», 66-ти пушечныхъ «Азія» и «Побѣда» и 38-ми пушечнаго фрегата «Поспѣшный». Но англичане успѣли насъ предупредить—овладѣли этимъ островомъ безъ нашего вѣдома и удержали его за собой. А въ то же время и всѣ прочіе политическіе расчеты нашихъ созниковъ по немногу начинали обнаруживаться и приводить насъ съ ними въ враждебныя соприкосновенія. Все это было причиной, что нашимъ сухопутнымъ войскамъ, находящимся внѣ предѣловъ государства, дано было повелѣніе возвратиться въ Россію, а также и флоту идти къ своимъ портамъ. И потому, съ половины 1800 года, всѣ суда, состоявшія подъ начальствомъ Ушакова, сосредоточивались въ Корфу. Здѣсь нашему адмиралу <sup>(1)</sup> поднесены были членами правительства новой іонической республики, отъ каждаго изъ ея семи острововъ, различные подарки, состоявшіе изъ драгоценныхъ эмблематическихъ предметовъ съ привѣтственными надписями въ воспоминаніе благодарности, которую изъявляли ему всѣ жители ихъ—за ихъ освобожденіе отъ французской власти, за учрежденіе представительнаго правленія согласно съ самыми лучшими его принципами, и дружеское его попеченіе о спокойствіи населенія острововъ во время войны—какъ это было все выражено въ поднесенныхъ ему привѣтственныхъ адресахъ. Отъ нашего государя Ушаковъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и командорскій крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; отъ турецкаго султана Селима III—алмазное перо или челенгъ—одну изъ выс-

(1) Федоръ Федоровичъ, за взятіе Корфу, 25 марта 1799 г. произведенъ былъ въ рангъ полнаго адмирала.

шихъ награды за военные подвиги, табакерку осыпанную брильянтами и соболью шубу.

6-го іюня Ушаковъ вышелъ со флотомъ изъ Корфу при весьма трогательно выраженныхъ, отъ его жителей, напутственныхъ привѣтствіяхъ.

10-го сентября онъ прибылъ въ Константинополь. Здѣсь султанъ его снова принялъ съ почетомъ и подарилъ ему еще пять мѣдныхъ пушекъ въ знакъ особенной признательности къ личнымъ его достоинствамъ и умѣнью поддерживать дружескія отношенія союзныхъ войскъ, находившихся у него подъ командой. Все это ему было высказано султаномъ на словахъ.

23-го октября 1800 года нашъ флотъ вышелъ изъ Константинополя и 28-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Ахтырь, въ составѣ 9-ти кораблей 1 го фрегата и 4-хъ меньшихъ судовъ; два корабля и два малыя судна отстали на пути и прибыли туда же 30-го числа. Три фрегата наши оставались до слѣдующаго года въ Корфу, подъ командой капитана 2-го ранга Войновича; а три фрегата, подъ командой капитана 1-го ранга Сорокина, оставленные на нѣкоторое время въ Неаполѣ, возвратились въ Севастополь въ 1802 году. Сверхъ того одинъ фрегатъ («Поспѣшный»), который приведенъ былъ изъ балтійскаго флота и въ послѣдствіи отправленъ отъ пристани Глубокой съ различными запасами на эскадру Ушакова, 9-го сентября 1800 года, былъ брошенъ бурей на румилійскій берегъ и потонулъ. И такимъ образомъ нашъ севастопольскій флотъ, собравшійся къ осени 1800 года въ своемъ портѣ, состоялъ изъ 11 линейныхъ кораблей, считая въ томъ числѣ и три корабля, прибывшіе съ Карцевымъ изъ Балтійскаго моря, и 7-ми фрегатовъ. За время пребыванія его въ Средиземномъ морѣ онъ увеличенъ былъ двумя взятыми у французовъ судами, изъ которыхъ одно было названо у насъ шебекой «Макарій», а другое бригамъ «Александръ».

Не лишнимъ будетъ здѣсь еще замѣтить, что всѣ военныя суда, отправлявшіяся изъ Севастополя въ эскадры Ушакова въ Средиземное море въ 1798 году, и находившіяся даже и тогда, какъ было выше упомянуто, въ до-

волью плохомъ состояніи — такъ какъ больше половины изъ нихъ было старыхъ и всѣ они были дурно строены и имѣли наружную обшивку изъ досогъ—послѣ двухлѣтняго плаванія и неоднократныхъ военныхъ дѣйствій, всѣ въ цѣлости возвратились къ своимъ портамъ; и все это, конечно, ни чему другому нельзя приписать, какъ только неусыпной заботливости и хорошимъ распоряженіямъ главнаго начальника экспедиціи, адмирала Ушакова, и его офицеровъ.

Между тѣмъ, въ отсутствіе Ушакова, также какъ и послѣ прибытія его со флотомъ въ Севастополь, произошли различныя перемѣны въ черноморской портовой администраціи; а именно: 21-го января 1799 года уволенъ былъ отъ службы главный командиръ черноморскаго флота вице-адмиралъ Мордвиновъ. Въ нашихъ архивныхъ дѣлахъ просто сказано «отставленъ»; но его оправдательныя письма къ Государю и другая переписка, возникшая одновременно съ этимъ въ адмиралтействъ-коллегіи, показываютъ, что не малую долю въ причинахъ къ этому увольненію занимала его явная вражда къ Ушакову. На должность главнаго командира черноморскимъ флотомъ вмѣсто Мордвинова назначенъ былъ адмиралъ Виллимъ Петровичъ Фондезинъ (1).

15-го февраля 1800 года состоялось нижеслѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ, видя изъ донесеній адмирала Ушакова, что суда на Черномъ и въ Средиземномъ моряхъ до того повреждаемы бываютъ червями, что обшивка почти отваливается прочь, и потому самые корабли подвергаются чрезъ то опасности, Высочайше соизволилъ предположить всѣ корабли и фрегаты и 44-пушечные, имѣющіе строиться въ тамошнихъ портахъ обшивать мѣдью».

Общихъ перемѣнъ по портовымъ дѣламъ, въ самомъ Севастополѣ за время отсутствія нашего флота изъ Чернаго моря, произошло очень мало: всѣ они ограничивались

(1) Фондезинъ началъ службу въ 1754 году; въ 1797 году произведенъ въ адмиралы.

нѣкоторыми незначительными прибавленіями въ постройкѣ частныхъ домовъ, какъ это лучше всего видѣть можно при сравненіи имѣющихся у насъ современныхъ плановъ города за 1797 и 1803 годы, и въ весьма небольшой прибавкѣ осѣдлыхъ жителей изъ окрестныхъ мѣстъ, преимущественно промышленнаго класса и между ними небольшого числа караимовъ. Сверхъ того, въ 1801 году прибылъ въ Севастополь первый 100-пушечный корабль «Іегу-діилъ», построенный еще въ Херсонѣ, въ 1800 году.

## IX.

### СЕВАСТОПОЛЬ И ФЛОТЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-ГО.

Черноморскій флотъ въ началѣ этого царствованія. Предположенія маркиза де-Траверсе по устройству севастопольскаго порта.—Перечень дѣйствій судовъ нашего флота въ теченіе турецкой войны 1806—1812 годовъ: Авапа Сухумъ, Суджукъ.—Крейсерство у береговъ Абхазіи.—Состояніе Севастополя и флота въ концѣ царствованія Александра I.

Въ началѣ 1801 года Федоръ Федоровичъ Ушаковъ былъ переведенъ въ балтійскій флотъ <sup>(1)</sup>, а вмѣсто него «флотскимъ начальникомъ» въ севастопольскій портъ назначенъ былъ вице-адмиралъ Павелъ Васильевичъ Пустошкинъ <sup>(2)</sup>.

1802 года, августа 4, Фондезинъ былъ переведенъ въ балтійскій флотъ и назначенъ членомъ «комитета по образованію флота», а главнымъ командиромъ черноморскаго флота сдѣланъ былъ адмиралъ маркизь де-Траверсе <sup>(3)</sup>.

О составѣ наличнаго севастопольскаго флота въ началѣ царствованія Государя Императора Александра Павловича, то есть въ 1801 году, можно будетъ судить по нижеслѣдующей таблицѣ, извлеченной изъ современныхъ документовъ морскаго архива:

---

<sup>(1)</sup> Ф. Ф. Ушаковъ 17 января 1807 года уволенъ по прошенію отъ службы. Скончался въ 1817 году.

<sup>(2)</sup> Изъ дворянъ Новоладожскаго уѣзда, родился въ 1749 году. Скончался 14 октября 1829.

<sup>(3)</sup> Иванъ Ивановичъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ имѣются въ воен. Энци. Лексиконѣ.

Число орудій	Имена и ранги судовъ.	Мѣсто постройки.	Время закладки.	Время спуска.	Гдѣ находился въ 1801 году.
<b>Корабли:</b>					
110	Тегудиль . . . . .	Херсонъ.	6 декабря 1799 г.	17 ноября 1800 г.	Въ Севастополѣ.
—	Ратный . . . . .	—	29 марта 1801 г.	»	На стапелѣ.
84	Св. Павелъ . . . . .	Николаевъ.	1791 г.	1794 г.	Въ Николаевѣ для перетимберовки.
76	Правый . . . . .	—	14 юля 1801 г.	»	На стапелѣ.
74	Исидоръ . . . . .	С.-Петербургъ.	»	1794 г.	Въ Севастополѣ.
—	Св. Петръ . . . . .	Херсонъ.	1794 г.	—	Въ Николаевѣ для исправленій.
—	Захарія и Елисавета . . . . .	—	1794 г.	1795 г.	—
—	Симонъ и Анна . . . . .	—	1795 г.	1797 г.	Въ Севастополѣ.
—	Св. Михайлъ . . . . .	—	31 октября 1796 г.	20 юня 1798 г.	—
—	Марія Магдалина . . . . .	Николаевъ.	9 марта 1798 г.	7 августа 1799 г.	—
—	Тольская Богородица . . . . .	—	—	—	—
74	Св. Пераскева . . . . .	Херсонъ.	16 ноября 1798 г.	6 ноября 1799 г.	—
66	Богоявленіе . . . . .	—	1789 г.	1791 г.	Въ Севастополѣ, ветхъ.
—	Св. Троица . . . . .	Николаевъ.	1790 г.	—	—
—	Азія . . . . .	С.-Петербургъ.	«	1796 г.	Въ Севастополѣ.
—	Побѣда . . . . .	—	«	1797 г.	—
—	Варахиль . . . . .	Херсонъ.	6 ноября 1799 г.	12 октября 1800 г.	—
<b>Фрегаты:</b>					
50	Григорій Великія Арменіи.	Херсонъ.	1790 г.	1791 г.	Въ Неаполѣ и Корфу въ отрядѣ капитана 1 ранга Сорокина.
—	Св. Михайлъ . . . . .	—	1795 г.	1796 г.	Находился тамъ же.
—	Крѣпкій . . . . .	—	13 января 1801 г.	—	На стапелѣ.
46	Св. Николай . . . . .	Николаевъ.	1790 г.	1790 г.	Въ Неаполѣ и Корфу въ отрядѣ капитана 1 ранга Сорокина.
—	Навархія . . . . .	Херсонъ.	1789 г.	1790 г.	Въ отрядѣ капитана 2 ранга Войновича въ Корфу и Константинополѣ почиваютъ.
—	Сомествіе Св. Духа . . . . .			1791 г.	
—	Казанская Богородица . . . . .			—	
44	Назаретъ . . . . .	—	6 ноября 1799 г.	17 ноября 1800 г.	Въ Севастополѣ.
36	Николай Бѣломорскій . . . . .			1797 г.	
—	Поспѣшный . . . . .	Николаевъ.	1798 г.	19 мая 1799 г.	—
32	Счастливый . . . . .	Рогожскіе хутора.	1793 г.	1793 г.	Въ Севастополѣ, ветхъ.

Изъ этой таблицы видно, что собственно наличныхъ и годныхъ къ плаванію, въ 1801 году, боевыхъ военныхъ судовъ въ Севастополь состояло: линейныхъ кораблей 10, да строилось и чинилось 5; фрегатовъ 4 (одинъ изъ нихъ временно въ Корфу), да въ постройкѣ одинъ — всѣ прочія были ветхи. Сверхъ того, имѣлось нѣсколько транспортныхъ.

За время главнаго командованія черноморскимъ флотомъ маркиза де-Траверсе мы видимъ его заботливость объ улучшеніи состоянія Севастополя, какъ порта. Онъ первый подавалъ мысль о болѣе самостоятельной его организации. Въ его проектѣ, составленномъ 2-го апрѣля 1803 года и поданномъ на Высочайшее разсмотрѣніе, онъ предполагалъ отдѣлить всѣ казенныя зданія отъ существующихъ партикулярныхъ, и для помѣщенія адмиралтейства, всѣхъ морскихъ командъ и офицеровъ, возвести достаточное число строеній на мѣстѣ, гдѣ находилась Корабельная слободка, то есть на возвышеніи находящемся по восточную сторону Южной бухты или гавани, на ея берегу, противоположномъ самому городу. Названіе этой вновь проектированной части города дано имъ было, по плану — «Новый Ахтырь». Около Корабельной бухты, онъ предполагалъ расположить адмиралтейство и въ глубинѣ ея построить элинги и сухіе доки для капитальныхъ исправленій въ подводной части военныхъ судовъ; онъ предполагалъ также построить мокрый докъ въ самомъ углубленіи Южной бухты; по берегамъ же послѣдней расположить одни судовые магазины. Все это видно во всей подробности на представленномъ имъ тогда же планѣ. Этотъ проектъ не былъ, однакожъ, приведенъ въ исполненіе, по причинѣ большой стоимости предполагаемыхъ построекъ, и на представленіи де-Траверсе находимъ помѣтку рукой П. В. Чичагова «хранить до востребованія».

Въ 1807 году де-Траверсе проситъ о дозволеніи коммерческимъ судамъ привозить въ Севастополь товары. Онъ представляетъ, что, по дурному состоянію промышленности у главнаго населенія въ Крыму — татаръ, цѣнность на всѣ предметы первой необходимости держатся въ Севастополь



выше нежели въ Петербургѣ. Изъ тѣхъ возраженій, которыя сдѣланы были де-Траверсе отъ нашего морскаго министерства, видно, что приходъ коммерческимъ судамъ воспрещенъ былъ по несомвѣстности правилъ о допущеніи такихъ судовъ производить торговлю въ военномъ портѣ, и потому въ 1808 году окончательно разрѣшено было учредить коммерческій портъ не иначе, какъ въ возможной близости отъ Севастополя, и для этого избрана была Балаклава.

30-го апрѣля 1809 года, по ходатайству маркиза де-Траверсе, разрѣшено было въ Севастополѣ поднимать крѣпостной флагъ.

Сверхъ того, съ 1805 года де-Траверсе дѣлаетъ представленіе о необходимости укрѣпить Севастополь съ сухаго пути. Переписка объ этомъ происходила въ теченіе довольно продолжительнаго времени. «Несчастливое положеніе ахтырскаго порта», писалъ онъ 29-го марта 1806 года, «много затрудняетъ въ принятіи надежнѣйшихъ мѣръ; поелику отъ Стрѣльской бухты и далѣе къ мысу Херсонесу со стороны моря непріятель можетъ имѣть покушеніе, и батареи хотя охранены будутъ и съ тыла, но по положенію мѣста непріятель, находясь на высотѣ, всегда будетъ имѣть преимущество и командовать оными». Въ заключеніе — въ 1809 году онъ представлялъ проектъ на возведеніе Севастополя на степень первостепенной крѣпости и предполагалъ, для этого, весь городъ обнести каменными сплошными верками съ надлежащими рвами, по тѣмъ же самымъ линіямъ, какъ были возведены укрѣпленія впоследствии для обороны Севастополя въ 1854 и 1855 годахъ—съ той разницей только, что, по проекту де-Траверсе, всѣ укрѣпленія предполагалось возводить долговременныя—какъ это и видно на планѣ, представленномъ въ этомъ году на разсмотрѣніе императора Александра Павловича. Но судьба этого плана была точно такая же, какъ и его проекта на портовые преобразованія въ 1803 году.

Все современное расположеніе окрестныхъ дачъ Севастополя и его проектированныхъ укрѣпленій можно видѣть въ достаточной подробности на картѣ севастопольскаго рейда 1808 года.

Наконецъ, 20-го марта 1805 года, къ должности главнаго командира черноморскаго флота присоединено было званіе «николаевскаго и севастопольскаго военнаго губернатора».

По возвращеніи нашего флота въ Севастополь изъ Средиземнаго моря, плаваніе нашихъ большихъ военныхъ судовъ состояло въ практическомъ крейсерствѣ по Черному морю: а малыя занимались доставкой провизіи и судовыхъ принадлежностей по своимъ портамъ.

Въ 1804 году, по поводу различныхъ политическихъ соображеній, почти всѣ военныя суда черноморскаго флота были употреблены на доставку нашихъ десантныхъ сухопутныхъ войскъ и запасовъ провіанта въ Корфу и къ устьямъ Ріона. Нѣкоторыя изъ числа первыхъ судовъ, въ ожиданіи послѣдующихъ событій, удержаны были въ Корфу и потомъ составленъ былъ изъ нихъ отрядъ подъ командой капитанъ-командора (1) Сорокина, въ которой вошли два корабля, «Параскева» и «Азія», и четыре фрегата: «Крѣпкій», «Св. Михаилъ», «Поспѣшный» и «Николай Бѣломорскій»; а третій корабль «Св. Николай», вслѣдствіе претерпѣнныхъ имъ поврежденій отъ бури, оставался зимовать въ Константинополь.

Изъ числа судовъ плававшихъ къ Ріону, корабль «Тольская Богородица», 8-го декабря 1804 года, потерпѣлъ крушеніе при устьѣ рѣки Хопи (2). Во время его якорной стоянки, при самой тихой погодѣ, появилась съ моря зыбь, при чемъ корабль сначала не имѣлъ достаточно вѣтра, для того, чтобы отойти отъ берега, а потомъ вѣтеръ въ томъ же направленіи засвѣжѣлъ, обратился въ штормъ,

(1) Чинъ флота капитанъ-командора былъ возстановленъ 23 сентября 1798 года, съ отѣной чиновъ капитана бригадирскаго и генераль-маіорскаго ранговъ.

(2) Тамъ, гдѣ находилось укрѣпленіе Редутъ-Кале.

сорвалъ его съ якорей и разбилъ въ дребезги. При этомъ погибъ командиръ корабля, капитанъ 1-го ранга Иванъ Шостакъ, одинъ изъ наиболѣе храбрыхъ офицеровъ, завѣдывавшій осадными работами при обложеніи Корфу въ 1798—99 годахъ, и съ нимъ еще 7 человекъ офицеровъ и 156 рядовыхъ.

Въ 1805 году прибылъ въ Севастополь первый линейный корабль черноморскаго флота, получившій мѣдную обшивку. Это былъ 76-пушечный «Правый», построенный въ Николаевѣ и спущенный со стапеля 10-го іюля 1804 года. Въ этомъ году многія изъ судовъ севастопольскаго флота снова заняты были перевозкой войскъ и другихъ предметовъ изъ черноморскихъ портовъ въ Корфу и также по своимъ портамъ; а 4 корабля и 2 фрегата, вмѣстѣ съ другими нашими военными судами, прибывшими изъ Балтійскаго моря, по поводу военныхъ обстоятельствъ, заняты были доставкой нашихъ сухопутныхъ войскъ изъ Корфу въ королевство Обѣихъ Сицилій и обратно.

Въ концѣ 1806 года у насъ объявлена была война съ Турціей. Для дѣйствій въ Архипелагѣ отправлена была эскадра изъ Балтійскаго моря, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, и Турція, для защиты архипелажскихъ береговъ, должна была вывести туда весь свой флотъ. Черное море, вслѣдствіе этого, оставалось для насъ свободнымъ, и на 1807 годъ предположено было, чтобы нашъ севастопольскій флотъ открылъ дѣйствія противъ Константинополя. Но такъ какъ съ 1801 года въ немъ, изъ новыхъ военныхъ судовъ прибавились только одинъ 74-пушечный корабль и одинъ 32-пушечный фрегатъ, тогда какъ въ теченіе того же времени судовъ, выбывшихъ и пришедшихъ въ ветхость, было очень много, то къ 1807 году мы наличными имѣли только 6 кораблей и 4 фрегата, а эта сила оказалась очень недостаточной для произведенія какой-либо самостоятельной военной операціи на румилійскихъ берегахъ, и рѣшено было ограничиться одними поисками на южный и восточный берега Чернаго моря. Для этой цѣли сначала была выслана изъ Севастополя небольшая эскадра, подъ начальствомъ капитанъ-коман-

дора Перскаго, къ Синопу; а потомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выведенъ былъ въ море и весь флотъ подъ начальствомъ Павла Васильевича Пустошкина. Но онъ былъ застигнутъ въ морѣ крѣпкимъ вѣтромъ, многіе корабли его раскачало и онъ принужденъ былъ возвратиться въ Севастополь. А когда снова вышелъ въ море, то два болѣе поврежденные и ветхіе корабля пришлось оставить въ портѣ. 27-го апрѣля Пустошкинъ приблизился къ Анапѣ, и послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ ея турецко-татарскимъ гарнизономъ, 29-го числа высадилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея батальонъ морскихъ солдатъ (1). Дессантные наши суда, вооруженныя орудіями, сначала обстрѣливали берегъ и очистили его отъ черкесскихъ скопищъ, а потомъ солдаты пошли на крѣпость. Одновременно же со свозомъ дессанта; открыта была по Анапѣ пальба изъ бомбовыхъ орудій и въ ней произведенъ пожаръ, а потомъ произведена была сильная канонада ядрами. Турки намъ отвѣчали сначала довольно бѣглымъ огнемъ; но когда пламя отъ пожара усилилось, то побросали всѣ орудія и вмѣстѣ съ жителями убѣжали изъ Анапы. Наши дессантные войска немедленно же, по пятамъ бѣгущихъ, ее заняли и успѣли тамъ захватить въ плѣнъ 30 человекъ; орудій найдено было въ ней 86 мѣдныхъ и 12 чугунныхъ; сверхъ того, досталось намъ множество снарядовъ и разнаго военнаго и другаго имущества. Открытый анапскій рейдъ не позволялъ Пустошкину долго тамъ оставаться съ эскадрой; а между тѣмъ, извѣстій отъ нашихъ сухопутныхъ войскъ, находившихся на Кавказѣ, онъ не получалъ, и потому, погрузивши все, что возможно было взять въ крѣпости, на свои суда, онъ раззорилъ и взорвалъ сколько могъ ея укрѣпленія, и 6 го мая ушелъ въ Севастополь.

Въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, произведенъ былъ еще нашимъ флотомъ поискъ къ сторонѣ Трепизонда, но

---

(1) Тогда на флотъ часть судовыхъ командъ составляли солдаты морскихъ полковъ, имѣвшіе обязанность занимать корабельные караулы, помогать матросамъ во время общихъ работъ и дѣйствовать на сухомъ пути въ десантахъ.

безъ важныхъ результатовъ. А въ іюлѣ пришло повелѣніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и суда наши въ остальное время года занимались перевозкой провіанта по своимъ портамъ и къ устью Хопи.

Въ 1807 году Павелъ Васильевичъ Пустошкинъ, по разстроенному здоровью, уволенъ былъ отъ службы съ полнымъ пенсіономъ и ношеніемъ мундира; мѣсто его, по командованію портомъ, временно заступилъ старшій членъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія, вице-адмиралъ Николай Львовичъ Языковъ.

Въ 1808 году мы находились въ войнѣ съ Турціей, Англійей и Швеціей. При всемъ томъ, подъ влияніемъ различныхъ политическихъ complicацій, возникавшихъ тогда почти исключительно изъ главнаго мотива всѣхъ военныхъ столкновеній — борьбы Наполеона I съ Англійей, мы вели дѣятельно войну съ одной Швеціей. Англія была слишкомъ занята своими дѣлами съ Франціей и воевала съ нами неохотно. Турція не пропускала англичанъ въ Дарданеллы, и была очень склонна къ миру — если бы снова ее не побуждали къ войнѣ, смотря по надобности, то Франція, то Англія. Въ 1808 году тянулись у насъ съ Турціей мирные переговоры и нашъ флотъ оставался въ бездѣйствіи.

Въ 1809 году, съ весны, по поводу продолжавшейся войны съ Англійей, Севастополь былъ приведенъ въ оборонительное положеніе со стороны моря. На сѣверномъ берегу большаго севастопольскаго залива или рейда, къ его западной оконечности, поставлено было пять батарей — отчасти на старыхъ мѣстахъ, гдѣ существовали укрѣпленія, возведенныя въ 1782—83 годахъ де-Бальменомъ. На южной сторонѣ цѣпь земляныхъ укрѣпленій протянута была отъ карантинной бухты до южной, какъ это можно видѣть на планѣ севастопольскаго (ахтырскаго) рейда 1808 года. Всѣ эти укрѣпленія усилены были нѣкоторымъ числомъ канонерскихъ лодокъ, приведенныхъ съ Лимана и разставленныхъ по дистанціямъ въ заливахъ.

Въ этомъ году весь флотъ вышелъ на рейдъ 19 апрѣля. Онъ состоялъ теперь изъ кораблей: 110-пушечныхъ — «Іегудиль» и «Ратный», 74-хъ-пушечныхъ — «Правый»,

«Исидоръ» и вновь построенныхъ въ Херсонѣ: «Анапа» и «Марія», 66-ти-пушечныхъ — «Варахилъ» и «Побѣда», всѣхъ—8; фрегатовъ: 54-пушечнаго—«Крѣпкій», 44-пушечнаго «Назаретъ», 36-пушечныхъ — «Легкій» и «Поспѣшный», 32-пушечнаго «Іоаннъ Златоустъ», всѣхъ—5. Флагъ командующаго на этой эскадрѣ имѣлъ контръ-адмиралъ Трескинъ, при эскадрѣ находилось пять бригавъ и одна бомбарда. Сверхъ упомянутыхъ судовъ, въ апрѣлѣ же, фрегатъ «Воинъ» и одна шкуна отправлены были въ крейсерство къ устьямъ Дуная.

Послѣдующія движенія судовъ черноморскаго флота въ этомъ году состояли въ томъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ небольшая эскадра, изъ двухъ линейныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ и другихъ мелкихъ судовъ, доставила на восточный берегъ Чернаго моря для занятія Анапы отрядъ сухопутныхъ войскъ, состоявшій изъ 1,138 человекъ и содѣйствовала къ возстановленію въ ней разрушенныхъ укрѣпленій. Эскадра эта находилась подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Перхурова. Потомъ наши меньшія суда крейсеровали посмѣнно у абхазскихъ и румилійскихъ береговъ: въ первой мѣстности — для воспрепятствованія сношенія черкесовъ съ англичанами и турками, а во второй—для наблюденія за движеніемъ военныхъ турецкихъ судовъ. И тамъ и тутъ, нашими судами сдѣлано было нѣсколько небольшихъ призовъ. Къ осени турецкая эскадра, состоявшая изъ 5 кораблей, появилась въ окрестностяхъ Варны. Мы имѣли намѣреніе ее атаковать, и даже начальнику севастопольскаго порта, вице-адмиралу Алексіано, предписано было отправить для этого въ море достаточное число судовъ; но двѣ эскадры наши вышли изъ порта порознь; потомъ, по причинѣ осеннихъ крѣпкихъ вѣтровъ, не успѣли между собой соединиться, и въ ноябрѣ окончательно всѣ суда флота возвратились въ Севастополь.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года маркизъ де-Траверсе былъ сдѣланъ министромъ морскихъ силъ, Языковъ поступилъ на его мѣсто (1) — на должность главнаго командира чер-

(1) Утвержденъ въ званіи главнаго командира 12 декабря 1811 года.

номорскаго флота, а въ командованіи севастопольскимъ портомъ его замѣнилъ вице-адмиралъ Антонъ Павловичъ Алексіано (1).

5-го сентября 1809 года, война со Швеціей у насъ была окончена присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи и мы имѣли однимъ непріателемъ меньше.

Въ 1810 году, въ теченіе войны, продолжавшейся у насъ съ Турціей, характеръ дѣйствій нашего флота на Черномъ морѣ мало въ чемъ измѣнился. Съ начала этого года, мы выслали своихъ крейсеровъ къ восточнымъ и западнымъ берегамъ Чернаго моря. На восточномъ берегу отряды наши занимались истребленіемъ турецкихъ и черкесскихъ малыхъ коммерческихъ судовъ, поддерживавшихъ сообщеніе жителей Абхазіи съ Анатоліей и Константинополемъ, и обстрѣливали укрѣпленія возведенныя черкесами, при помощи турокъ, въ Суджукъ-Кале и Геленджикъ. Потомъ, въ началѣ іюля, отрядъ нашихъ судовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Додта, состоявшій изъ корабля «Варахилъ» и двухъ фрегативъ «Воинъ» и «Назаретъ», имѣвшій у себя 600 человекъ десантныхъ войскъ, совершилъ плаваніе къ Сухумъ-Кале. Тамъ, въ теченіе послѣдняго времени, турки, вмѣстѣ съ черкесами, подъ руководствомъ европейскихъ инженеривъ, возвели значительную крѣпость, которая должна была служить опорнымъ пунктомъ ихъ взаимныхъ сношеній.

Крѣпость вооружена была достаточнымъ числомъ орудій и занята значительнымъ гарнизономъ, состоявшимъ большею частію изъ кавказскихъ горцевъ, а потому и предположено было у насъ ее уничтожить. Додтъ прибылъ туда съ отрядомъ своимъ 9-го іюля, приблизился къ крѣпости на самое близкое разстояніе и, не смотря на произведенную съ нея сильную канонаду, въ теченіе двухъ дней ее бомбардировалъ и обратилъ въ развалины, а потомъ, при помощи десанта, овладѣлъ ею окончательно. При этомъ войска непріятельскія разсѣялись и убѣжали въ горы, а въ крѣпости найдено было 64 пушки, 9 знаменъ,

(1) Изъ грековъ, 1770 г. марта 4 волонтеромъ на флотъ, 1773 мичманомъ, 1780 лейт., 1785 кап.лейт., 1805 вице-адмираломъ.

запасы снарядовъ и пороху. Съ нашей стороны, въ теченіе двухъ сутокъ перестрѣлки съ крѣпостью, убитыхъ и раненыхъ было 109 человекъ. Суда, находившіяся въ этой экспедиціи, возвратились въ Севастополь 5-го августа.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1810 года, скончался вице-адмиралъ Алексіано и на его мѣсто флотскимъ начальникомъ въ Севастополь, прибылъ изъ Петербурга 7-го іюня контръ-адмиралъ Алексѣй Андреевичъ Сарычевъ.

Между тѣмъ, 20-го іюня, получены были извѣстія, что турецкій флотъ, въ числѣ 13 кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и другихъ судовъ, выступилъ изъ Константинополя, и потому всѣ военныя суда, находившіяся въ Севастополь, за разсылкой отрядовъ, положено было выслать для дѣйствій противъ него. 30-го іюня нашъ флотъ вышелъ въ море подъ начальствомъ командира порта Алексѣя Андреевича Сарычева. Онъ состоялъ изъ трехъ 110-пушечныхъ кораблей, прежнихъ—«Іегудилъ» и «Ратный», и новаго «Полтава», трехъ 74-хъ пушечныхъ—«Правый», «Анапа» и «Марія», двухъ фрегатовъ—«Крѣпкій» и «Лилія», и двухъ бриговъ. Къ нему присоединился, въ августъ, отрядъ Додта и другія суда. 17-го августа, съ него видны уже были суда турецкаго флота на высотѣ Калиакріи, и отъ насъ насчитано было у турокъ 10 кораблей и до 20 другихъ судовъ. Но этотъ флотъ не имѣлъ желанія вступить съ нами въ сраженіе. Нѣсколько дней онъ продержался у насъ въ виду, а потомъ, 24-го августа, скрылся къ сторонѣ Константинополя, а потому и нашъ флотъ, 28-го числа, тоже возвратился въ Севастополь. 6-го октября, онъ еще разъ выходилъ изъ Севастополя съ десантнымъ отрядомъ къ Трепизонду, имѣя повелѣніе овладѣть этимъ городомъ. Но, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи и неудачно выполненной десантной экспедиціи, ничего важнаго предпринять не могъ и 30-го октября снова возвратился въ Севастополь на зимовку.

11-го декабря этого года изъ Севастополя еще отправленъ былъ отрядъ судовъ, состоявшій изъ трехъ фрегатовъ, для занятія турецкаго укрѣпленія Суджукъ-Кале (1), кото-

(1) На восточномъ берегу Чернаго моря, южнѣ Анапы.



рымъ мы и овладѣли 22 числа безъ боя, такъ какъ гарнизонъ его, при самомъ появленіи нашихъ судовъ, бѣжалъ въ горы.

Въ Севастополь, до 1808 года, еще, по началу, положенному контръ-адмираломъ Мекензи, строились въ адмиралтействѣ барказы и другія плюнки и потомъ небольшія палубныя суда, а въ 1808 году, ноября 15-го, заложено было первое военное судно—корветъ «Крымъ», который и былъ спущенъ на воду въ 1810 году, января 13-го.

Война съ Турціей продолжалась у насъ и въ 1811 году, и снова съ марта мѣсяца были высланы изъ Севастополя крейсера къ восточному и западному берегамъ Чернаго моря.

Контръ-адмирала Сарычева, 16 февраля 1811 года, въ командованіи портомъ, смѣнилъ вице-адмиралъ Галль. Последний, 15-го мая, вывелъ всѣ наличныя суда нашего флота на рейдъ. Флотъ состоялъ теперь изъ трехъ кораблей 110-пушечныхъ, пяти 74-пушечныхъ и двухъ 66-пушечныхъ, всего 10; одного фрегата и одного брига, кромѣ тѣхъ судовъ, которыя были уже отправлены въ крейсерство. 27-го іюня онъ вышелъ въ море и отправился къ румилійскому берегу, въ намѣреніи отыскать флотъ непріятельскій и вступить съ нимъ въ сраженіе. Но послѣдній не выходилъ изъ Константинополя, а только по извѣстіямъ, полученнымъ отъ купеческихъ судовъ, одинъ фрегатъ и корветъ пошли оттуда къ Пендараклии (на мало-азійскомъ берегу), а потому Галль отправилъ туда же два корабля и фрегатъ, которые и овладѣли 24-го іюня упомянутыми турецкими судами безъ боя. Всѣ прочія суда нашего флота 20-го августа возвратились снова въ Севастополь и 1 сентября весь флотъ вошелъ въ гавань.

Въ теченіе всей этой войны, съ самаго ея начала, нашъ флотъ какъ бы сохранялъ выгодное для насъ историческое свое значеніе. Послѣдняя екатерининская война и дѣйствія адмирала Ушакова твердо оставались въ воспоминаніи у турокъ, и они во все время не рѣшались у насъ оспаривать господства на Черномъ морѣ, а тѣмъ менѣе атаковать Севастополь, что безспорно доставляло намъ

огромныя выгоды въ томъ отношеніи, что тылъ нашей дѣйствующей арміи и ея лѣвый флангъ, при всѣхъ ея военныхъ операціяхъ на правомъ берегу Дуная, оставались въ полной безопасности со стороны моря и сама она пользовалась спокойнымъ сообщеніемъ по Дунаю, съ нашими портами и свободнымъ подвозомъ къ ней этимъ путемъ провизіи и военныхъ припасовъ.

Съ половины 1811 года намъ сдѣлались извѣстны непріязненныя намѣренія Наполеона. Подъ его влияніемъ, Турція напрягала свои послѣднія силы и стягивала всѣ войска къ Дунаю. Флотъ ея оставался въ бездѣйствіи, уже и потому, что всѣ люди, которыхъ она могла призывать къ оружію, необходимы были на пополненіе убитыхъ и убитыхъ въ ея арміи; а послѣ страшнаго истребленія этой арміи, которое произвелъ въ ней Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ, въ ноябрѣ 1811 г. у Слободзеи подъ Рущукомъ, людей для военныхъ потребностей въ Турціи еще сдѣлалось меньше; а потому намъ даже нельзя было и ожидать какихъ либо наступательныхъ дѣйствій со стороны турецкаго флота на 1812 годъ. Кромѣ того, съ самаго начала этого года шли уже у насъ мирныя переговоры съ Турціей; мы сами были озабочены наступленіемъ Наполеона — военныя дѣйствія на югъ тянулись съ обѣихъ сторонъ нехотя и вяло, и ограничивались одной малой войной. Наши крейсера, въ этомъ году, съ весны успѣли сдѣлать у турокъ нѣсколько призовъ. Флотъ вооружался и готовился принять десантныя войска для совершенія угрожающей диверсіи къ сторонѣ Константинополя; но 6-го мая подписаны уже были въ Бухарестѣ предварительныя статьи мирнаго договора, а 16-го и самыя условія мира съ Турціей. 6-го же мая прибылъ въ Бухарестъ, назначенный на смѣну Михаила Илларионовича Кутузова, новый главнокомандующій нашей дунайской арміей, адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, которому, по его званію главнокомандующаго южной арміей, временно подчиненъ былъ и черноморскій флотъ.

По окончаніи турецкой войны, севастопольскій, наличный, флотъ состоялъ изъ нижеслѣдующихъ судовъ:

Число орудій.	Имена судовъ.	Мѣсто постройки.	Время закладки.	Время спуска.	Въ футахъ.		
					Длина.	Ширина.	Углубленіе въ водѣ.
<b>К о р а б л и:</b>							
100	Иегудиль . . . . .	Херсонъ.	6 декабря 1779.	17 ноября 1800.	188	51 <sup>3</sup> / <sub>4</sub>	22 <sup>1</sup> / <sub>3</sub>
—	Ратный . . . . .	Тоже.	29 марта 1801.	17 ноября 1802.	190	52	23 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>
—	Полтава . . . . .	Тоже.	30 октября 1806.	20 іюня 1808.	190	52	24
—	Двѣнадцать Апостоловъ.	Тоже.	12 ноября 1808.	31 мая 1811.	190	52	24
76	Правый . . . . .	Николаевъ.	14 іюля 1801.	10 іюля 1804.	178	48	20 <sup>2</sup> / <sub>3</sub>
74	Анапа . . . . .	Херсонъ.	5 февраля 1806.	30 сентября 1807.	180	47 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	22
—	Марія . . . . .	Тоже.	28 февраля 1807.	12 ноября 1808.	180	47 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	22
—	Дмитрій Донской . . . . .	Тоже.	28 іюня 1807.	6 ноября 1809.	180	47 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	22
—	Азія . . . . .	Тоже.	20 ноября 1807.	5 августа 1810.	180	47 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	22
—	Льское . . . . .	Николаевъ.	»	5 іюля 1811.	180	47 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	22
—	Максимъ Исповѣдникъ . . . . .	Херсонъ.	23 февраля 1810.	9 іюля 1812.	180	47 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	22
68	Варахиль . . . . .	Тоже.	6 ноября 1799.	12 октября 1800.	168	45 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	19 <sup>1</sup> / <sub>3</sub>
<b>Ф р е г а т ы:</b>							
54	Крѣпкій . . . . .	Тоже.	13 января 1801.	10 ноября 1801.	176	46	19
44	Назаретъ . . . . .	Тоже.	9 ноября 1799.	12 октября 1800.	159 <sup>1</sup> / <sub>4</sub>	41 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	18
36	Лилія . . . . .	Тоже.	28 іюня 1805.	3 октября 1806.	147 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	40	19
—	Минерва . . . . .	Николаевъ.	—	29 октября 1811.	147 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>	40	18 <sup>1</sup> / <sub>2</sub>
32	Воинъ . . . . .	Херсонъ.	5 іюня 1803.	26 октября 1804.	135	35	15 <sup>2</sup> / <sub>3</sub>
—	Африка . . . . .	Николаевъ.	26 октября 1809.	3 іюня 1811.	135	35	15 <sup>2</sup> / <sub>3</sub>

Всего 13 кораблей и 6 фрегатовъ. Изъ нихъ два корабля «Іегудіиль» и «Варахіиль», и фрегаты «Крѣпкій» и «Назареть» были уже довольно ветхи и не считались годными къ дальнему плаванію. На стапеляхъ находились въ Николаевѣ и Херсонѣ 3 корабля и 2 фрегата.

Съ 1812 года настало для Севастополя и нашего черноморскаго флота мирное время, въ теченіе котораго все движеніе судовъ послѣдняго ограничивалось очереднымъ практическимъ плаваніемъ по Черному морю кораблей и фрегатомъ и высылкой фрегатомъ и меньшихъ военныхъ судовъ въ крейсерство къ абхазскому берегу. Эти послѣднія экспедиціи, со времени турецкой войны въ царствованіе государя императора Александра Павловича, сдѣлались постояннымъ занятіемъ для меньшихъ судовъ нашего флота и лучшей школой для его командъ и офицеровъ въ морскомъ практическомъ плаваніи. Вызваны онѣ были снова, при нѣкоторомъ посредствѣ непріязненнаго расположенія къ намъ западныхъ державъ.

Мы напомнимъ, что Крымъ составлялъ большое мѣсто Россіи до того самаго времени, когда ничтожное его магометанское населеніе могло составлять самостоятельную разбойничью шайку, и могло грабить всѣ окрестныя степи Новороссіи и южныя наши селенія. Основаніе нашихъ портовъ на Черномъ морѣ, и преимущественно Севастополя, въ которомъ, по мысли Потемкина Таврическаго, сосредоточень былъ нашъ флотъ, съ корнемъ вырвали эту нашу язву. Татары обратились въ винопѣловъ, и вошли въ составъ спокойнаго крымскаго населенія, подчиненнаго русской полицейской власти. Со времени Ушакова Севастополь принялъ почтенные размѣры, а флотъ нашъ продолжалъ господствовать на Черномъ морѣ. Крымъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ по существу дѣла, и турецкой тайной агентациі положены были прочныя предѣлы. Тогда нашелся пригоднымъ на его замѣну въ этомъ отношеніи Кавказъ. И послѣдній сдѣлался наследственной нашей политической язвой послѣ Крыма. Въ этомъ отношеніи онъ замѣнилъ послѣдній, даже съ нѣкоторой выгодой для нашихъ политическихъ противниковъ. Здѣсь существовали

горы, ущелья и стремнины, которые могли служить природными укрѣпленіями для мѣстныхъ хищниковъ. Религія связывала послѣднихъ съ Турціей, сосѣдство и приманка добычи ихъ ставила въ прямыя вѣчныя враждебныя отношенія съ Россіей. Все это наилучшимъ образомъ соотвѣтствовало упомянутой здѣсь цѣли. Кавказскимъ горцамъ доставлялись въ теченіе довольно продолжительнаго времени отъ Турціи и Англій оружіе и боевые запасы, поддерживалась религіозная вражда съ христіанскимъ населеніемъ, облежавшимъ съ юга и сѣвера Кавказъ, и производился торгъ человѣческимъ мясомъ, въ образѣ черкесскихъ женщинъ и мальчиковъ, вывозимыхъ въ турецкіе города. Цѣль оправдывала средства. Борьба за вывозъ изъ Африки невольниковъ утрачивала здѣсь свое политическое приращеніе, и вотъ, съ окончаніемъ турецкой войны въ 1812 году, мы вынуждены были содержать въ осадномъ положеніи все магометанское населеніе Кавказа. Съ сухаго пути, внутри кавказскихъ горъ, мы строили крѣпости, а съ моря содержали крейсеровъ, обязанности которыхъ состояли въ прегражденіи подвоза съ моря въ горы оружія, и вывоза тѣмъ же путемъ въ Турцію невольниковъ и невольницъ.

Матеріальное существованіе и процвѣтаніе Севастополя преимущественно, и даже исключительно, зависѣло тогда отъ пребыванія въ немъ нашего флота. Вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ послѣдняго, выросталъ и Севастополь; а оба вмѣстѣ—и флотъ и Севастополь—почти одновременно и постепенно приходили въ извѣстную норму. Съ 1801 г., т. е. со времени Ушакова, послѣдній понемногу еще увеличивался, хотя собственно портовые постройки не получили какихъ либо значительныхъ преобразованій. Для лучшаго же обзора положенія Севастополя въ концѣ царствованія Государя Императора Александра Павловича, мы приведемъ здѣсь въ текстѣ его описаніе, приложенное къ плану, который былъ доставленъ 25-го марта 1826 года въ «Комитетъ образованія флота», за подписью главнаго командира черноморскаго флота вице-адмирала Грейга:

«Севастопольскій портъ находится на Таврическомъ

полуостровъ, въ широтѣ подѣ  $44^{\circ} 36' 18''$  и долготѣ отъ С.-Петербурга  $2^{\circ} 56' 20''$ ; существованіе свое имѣетъ со времени покоренія Россіею Крыма).

«Пространный рейдъ севастопольскаго порта, со многими закрытыми заливами или бухтами, удобенъ къ помѣщенію великаго флота. Городъ Севастополь обнимается изъ сихъ бухтъ двумя, въ первой—Южной, по обоимъ берегамъ помѣщаются разоруженные корабли и суда, въ другой—Артиллерійской, становятся купеческія суда, привозящія провіантъ сухопутнаго вѣдомства, коихъ въ ней безопасно можетъ помѣститься до 30.

Положеніе севастопольскаго рейда OSO и WNW; течения и прилива воды незамѣтно, кромѣ производимаго вѣтрами, изъ коихъ господствующіе суть, во все лѣто, безъ измѣненія: днемъ—западные съ моря, а ночью—восточные, съ горъ въ море; глубина рейда и гаваней почти вездѣ одинакова, отъ 6 до 10 сажень; грунтъ чистый илъ; въ гаваняхъ вездѣ берега приглубые; въ разстояніи 10 сажень отъ берега могутъ стоять 100-пушечные корабли; но, со времени заведенія порта, морской червь размножился до того, что нынѣ всѣ корабли и портовые гребныя суда и барказы необходимою сочтено обшивать мѣдью. Берега по обѣимъ сторонамъ рейда состоятъ изъ выдавшихся мысовъ, кои при входѣ укрѣплены батареями.

«Въ устьѣ Южной бухты, вдавшійся къ востоку рукавъ, называется Корабельною бухтою, гдѣ также у пристаней вокругъ оной бухты ошвартовливаются самого большаго ранга корабли, и въ обоихъ военныхъ гаваняхъ, т. е. Южной и Корабельной, могутъ стоять до 50 кораблей и судовъ свободно».

«Нынѣ въ Севастополь находится 12 кораблей, 7 фрегатовъ и до 25 бриговъ, авизовъ и транспортныхъ судовъ».

«Въ концѣ Южной бухты помѣщены всѣ запасныя артиллерійскія орудія, снаряды и магазины; здѣсь также разбираются ветхіе корабли до киля; также, за неимѣніемъ острога, помѣщаются до 1000 арестантовъ, присылае-

мыхъ изъ губерній для работъ къ севастопольскому порту на двухъ старыхъ корабляхъ, Полтавѣ и Лѣсномъ».

«Рейдъ оканчивается къ востоку Акерманскою долиною, по коей между каменныхъ горъ, въ коихъ изсѣчены въ неизвѣстныхъ времена пещеры, протекаетъ изъ Байдаръ небольшая рѣчка, Чоргуна или Узень, впадающая въ сію оконечность рейда».

«Между Корабельною бухтою, и Акерманомъ, вдался глубокой и узкой заливъ, называемый Киленбалкою, въ коей прежде килевались корабли, обитые отъ червоядія досчатою фальшивою обшивкою, вмѣсто нынѣшней мѣдной, почему въ оной бухтѣ теперь рѣдко исправляются корабли, а килуются только однѣ купеческія суда».

«За Артиллерійскою бухтою слѣдуетъ Карантинная, гдѣ устроенъ карантинъ, который здѣсь существуетъ подъ названіемъ «военнаго карантина», но зависящаго отъ вѣдѣнія гражданскаго начальника; бухта сія способна для малыхъ судовъ, какъ то: бриговъ и купеческихъ, коихъ могутъ помѣститься до 20-ти».

«За Карантинною бухтою, слѣдуютъ: Стрѣльская, Камышевая и Казачья, кругомъ которыхъ видны остатки развалинь древняго Херсонесса, и на берегахъ не имѣется никакихъ строеній, кромѣ малыхъ батарей и карантинныхъ и таможенныхъ кардоновъ; бухты сіи имѣютъ способную глубину къ помѣщенію купеческихъ судовъ въ небольшомъ числѣ. За сими бухтами, на самой оконечности Херсонесскаго мыса, построены въ 1818 году каменные маякъ въ 15 сажень вышиною, освѣщаемый 18-ю рефракторами, закрывающимися чрезъ 4 минуты, для различія сего маяка, отъ тархангутскаго постояннаго, подобно сему на Тархангутскомъ мысѣ построеннаго, и два маяка акерманскіе, по створу коихъ можно и ночью войти на рейдъ, освѣщены въ 1820 году».

07  
«Въ заливѣ Южной бухты, на городской сторонѣ, помѣщено адмиралтейство, которое съ начала заведенія порта ограничивалось при берегѣ малымъ пространствомъ, служило для небольшихъ исправленій кораблей и судовъ, нынѣ же ограждено каменною стѣною отъ Графской при-

стани до Южной гавани, и, кромѣ исправленія кораблей и судовъ, строятся здѣсь всегда на трехъ элингахъ бриги, корветы и малыя суда изъ крымскихъ дубовыхъ лѣсовъ, и нынѣ отстраиваются фрегатъ и бригъ, а по мѣстоположенію адмиралтейства, можно строить и корабли, для коихъ однаковъ лѣса и матеріалы должны быть доставляемы изъ внутреннихъ портовъ моремъ».

«Мастерскія и магазины всѣ давняго и непрочнаго строенія. Нынѣ производятся въ адмиралтействѣ строенія: шлюпочный сарай съ корабельною чертежной на аркахъ въ два этажа, и адмиралтейскія ворота съ башнею и городскими часами».

«Въ концѣ Корабельной бухты, по низменному мѣстоположенію, окруженному горами, предположено построеніе дока, столь необходимаго для сего рѣдкаго порта».

«Берега гавани предположено укрѣпить камнемъ; сіе много послужитъ къ сохраненію сего порта, ибо гавань замѣтно засаривается отъ сносной дождями съ горъ земли; на берегахъ сихъ можно устроить корабельные магазины».

«Служители помѣщаются въ ветхихъ казармахъ, издавна построенныхъ адмираломъ Ушаковымъ, почему и выстроены двѣ каменные прочныя двухъ-этажныя казармы, для 2,500 человекъ, и предположено построить еще одну такую же. Но и сего недостаточно для помѣщенія, такъ какъ прочія казармы и магазины: экипажескіе, комиссаріатскіе и провіантскіе, какъ и въ адмиралтействѣ мастерскіе, ветхи».

«Адмиралы и нѣкоторые капитаны кораблей помѣщаются въ казенныхъ домахъ, также пришедшихъ отъ долговременности въ ветхость; морскіе же офицеры и чиновники всѣ для жительства нанимаютъ въ городѣ квартиры».

«Контора севастопольскаго порта и всѣ присутственныя мѣста: комиссаріатское, провіантское, контрольная и казначейство помѣщаются стѣсненно въ одномъ казенномъ домѣ».

«Морская госпиталь, съ начала основанія Севастополя была помѣщена контръ-адмираломъ Мекензи въ концѣ



бухты, гдѣ былъ древній Ахтиаръ, но по неудобству и дальности отъ города перемѣщена въ Южную бухту, и устроена на возвышенномъ и самомъ удобномъ мѣстѣ для больныхъ. Въ 1820 году построенъ новый флигель, со всеми надобностями, а два старыхъ предположены къ перестройкѣ; въ томъ же году на площади двора госпитальнаго построены церковь Петра и Павла, для аптечной лабораторіи домъ, и новая госпитальная кухня, съ погребками на сводахъ».

«Пороховой погребъ въ особой балкѣ для всего флота; складка казенныхъ лѣсовъ въ устроенной голландіи; сахарный заводъ, провіантскіе магазины и складка дровъ, въ концѣ рейда, отдалены отъ города до 7-ми верстъ и все доставляется чрезъ воду».

б | «Мѣстоположеніе города Севастополя отъ отлогаго мыса Никольской батареи, возвышается горнымъ пространствомъ на западную сторону Южной бухты, и съ рейда имѣетъ наипрекраснѣйшій видъ».

«Климатъ въ Севастополѣ весьма здоровый, повальныхъ болѣзней никакихъ не существуетъ; лѣтомъ всегда прохладается западными съ моря вѣтрами, а зимою, т. е. съ половины декабря до марта мѣсяца, холода и небольшіе морозы случаются только при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, и появляющійся иногда снѣгъ скоро таетъ».

у | «Нынѣ городъ Севастополь имѣетъ до 2,000 каменныхъ домовъ».

«Почва земли повсемѣстно каменистая, но плодородная, и берега бухтъ вездѣ глинистаго и известковаго камня».

«При нынѣшнемъ разселеніи, городъ имѣетъ крайнюю нужду въ прѣсной водѣ: одинъ колодезь только въ адмиралтейской бухтѣ довольствуетъ всѣхъ жителей; флотъ же наливается водою изъ колодцевъ, расположенныхъ по берегамъ бухты, которыхъ хотя и много, но вообще вода солена и не хороша. Во избѣжаніе сего великаго недостатка прѣсной воды, контръ-адмиралъ Мекензи предпринялъ-было провести въ городъ воду съ дачи капитана Сарандинаки, въ 7-ми верстахъ отъ Севастополя состоя-

щей, но не успѣлъ; нынѣ же сей недостатокъ прѣсной воды каждый годъ дѣлается чувствительнѣе, и потому необходимо нужно провести оную изъ окрестныхъ возвышенныхъ мѣстъ».

«Церковь въ Севастополѣ, называемая Адмиралтейскій Соборъ Николая Чудотворца, по числу военныхъ командъ и жителей, весьма мала; другая, въ городѣ Петра и Павла, греческая».

«Есть флотское училище юнговъ, въ которомъ воспитывается до 250 морскихъ служительскихъ дѣтей, по методу Ланкастера. Сверхъ же онаго нѣтъ ни уѣзднаго училища, ни другаго сего рода заведенія».

«Библиотека, учрежденная 1822 года, для морскихъ офицеровъ, добровольнымъ согласіемъ, оставляя отъ жалованья по 1 коп. съ рубля, поддерживается хорошими установленіями отъ начальства. Есть въ городѣ магистратъ, полиція и городовая дума. Съ 1824 года разводится общественный садъ отъ морскаго вѣдомства. Переправа чрезъ рейдъ учреждена для перевоза служащихъ на двухъ катерахъ; а прочіе перевозятся на вольно-наемныхъ яликахъ, которыхъ находится до 20-ти».

Вообще же всѣхъ жилыхъ казенныхъ зданій въ севастопольскомъ портѣ состояло:

Домъ для пріѣзжающихъ особъ дворцомъ называемый . . . . .	1
Домъ для флотскаго начальника. . . . .	1
Училище флотскихъ юнговъ . . . . .	1
Общее для экзамена собраніе . . . . .	1
Библиотека. . . . .	1
Домовъ для чиновниковъ, караулень и канцеляріи.	29
Казармъ для помѣщенія флотскихъ и прочихъ командъ служителей до 10,000 человекъ.	

Къ этому свѣдѣнію приложена вѣдомость о построенныхъ судахъ при севастопольскомъ портѣ:

1811	16 мая 1816	Забрелъ	14
1812	8 февраля 1816	Николаевъ	—
1813	10 февраля 1816	Томъ	—
1814	20 мая 1821	Забрелъ	—

Орудій.	Имена судовъ.	Годъ закладки и спуска.	
		Заложены.	Спущены.
18	Корветъ Крымъ . . . . .	1808.	1810.
16	Бригъ Мингрелія . . . . .	1811.	1813.
24	Корветъ Язовъ . . . . .	1814.	1815.
14	Шхуна Севастополь . . . . .	1815.	1818.
8	Катеръ Діонисій . . . . .	1816.	1817.
20	Бригъ Меркурій . . . . .	1819.	1820.
	Транспортъ Утка . . . . .	—	1819.
12	Катеръ Соколы . . . . .	1820.	1821.
	Транспортъ Лебедь . . . . .	—	—
28	Шлюпъ Діана . . . . .	1821.	1823.
	Яхта Голубка . . . . .	—	1822.
	Люгеръ Стрѣла . . . . .	1822.	—
	Требага Утка . . . . .	1823.	1824.
10	Бригантина Елисавета . . . . .	—	—
12	Катеръ Жаворонокъ . . . . .	1825.	1825.
	Сверхъ того строятся:		
36	Фрегатъ Рафаилъ . . . . .	1825.	
20	Бригъ Пегасъ . . . . .		

Наличный севастопольскій флотъ въ то же время состоялъ изъ нижеслѣдующихъ судовъ:

Число орудій.	Имена судовъ.	Мѣсто постройки.	Время закладки.	Время спуска.
<b>Корабли:</b>				
110	Императоръ Францъ . . . . .	Херсонъ.	8 мая 1818.	25 июня 1821.
80	Пантелеимонъ . . . . .	Николаевъ.	17 октябр. 1823.	8 ноября 1824.
74	Красный . . . . .	Херсонъ.	1 июля 1813.	16 мая 1816.
—	Николай . . . . .	Николаевъ.	25 ноября 1811.	16 июля 1816.
—	Скорый . . . . .	Херсонъ.	15 мая 1816.	8 мая 1818.
—	Нордъ-Адлеръ . . . . .	Николаевъ.	21 мая 1817.	24 мая 1820.
—	Пимень . . . . .	Херсонъ.	26 мая 1822.	2 сентября 1823.
—	Пармень . . . . .	Николаевъ.	27 апрѣля 1822.	18 октябр. 1823.
—	Іоаннъ Златоустъ . . . . .	Херсонъ.	30 января 1824.	7 сентября 1825.
<b>Фрегаты:</b>				
44	Евстафій . . . . .	Херсонъ.	16 мая 1816.	7 октября 1817.
—	Флора . . . . .	Николаевъ.	8 февраля 1816.	7 мая 1818.
—	Посѣлшнй . . . . .	Тоже.	10 февраля 1816.	2 ноября 1824.
—	Штандартъ . . . . .	Херсонъ.	26 мая 1822.	31 мая 1824.

То есть всего въ Севастополѣ находилось наличныхъ и годныхъ въ плаваніе большихъ судовъ нашего флота 9 кораблей и 4 фрегата, а всѣхъ меньшихъ военныхъ же судовъ, какъ то: корветовъ, бриговъ, бригантинь, могоеровъ и тендеровъ 17; три яхты и до 20 транспортныхъ. Сверхъ того на стапеляхъ съ 1825 на 1826 г. находились въ Николаевѣ: 110 пушечный корабль «Дербентъ» (1), заложенный 17 октября 1825 года, и первый пароходъ, строившійся для черноморскаго флота «Молнія», заложенный 28 іюля 1825 года.

Изъ таблицы этой видно также, что до 1826 года число военныхъ судовъ, строившихся въ Херсонѣ и Николаевѣ, было еще одинаково, и что со времени Пютемкина предположеніе его о перенесеніи всего судостроенія въ Николаевъ намъ не удалось еще привести окончательно въ исполненіе.

Послѣ турецкой войны 1806 — 12 годовъ, въ теченіе вышеупомянутаго времени, административныя перемѣны по севастопольскому порту заключались въ нижеслѣдующемъ:

Въ 1813 году командирамъ нашихъ главныхъ портовъ назначены были помощники въ званіи «директоровъ надъ портомъ» и 15 марта 1813 года «директоромъ» надъ черноморскими портами назначенъ былъ капитанъ-командоръ Рожновъ.

Высочайшимъ указомъ 1 марта 1816 года учреждены были по флотамъ экипажи, на основаніи армейскаго батальоннаго комплекта и упразднены морскіе полки. А такъ какъ, съ отмѣной послѣднихъ, вся сторожевая линейная служба падала уже на флотскія команды, то матросамъ даны были ружья и по одной ротѣ изъ экипажа стали учить ружейнымъ приѣмамъ и пѣхотному строю. Комплектъ экипажей черноморскаго флота былъ опредѣленъ числомъ 17 (съ № 28—44), до 1,000 человекъ въ каждомъ. Какъ суда, такъ и экипажи флота раздѣлены были на двѣ дивизіи, а впослѣдствіи каждая дивизія подраздѣлилась еще на три бригады.

(1) Впослѣдствіи переименованный въ «Паряжъ».

1 марта 1816 года, главный командиръ черноморскаго флота вице-адмиралъ, Николай Львовичъ Языковъ, былъ уволенъ по болѣзни въ отпускъ, а на должность его назначенъ вице-адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ (1); а одновременно съ этимъ, на должность командира севастопольскаго порта (флотскаго начальника) назначенъ былъ контръ-адмиралъ Филиппъ Тимофѣевичъ Быченскій.

Въ 1825 году посѣтилъ Севастополь Государь Императоръ Александръ Павловичъ. Уступая приглашеніямъ ковороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова (2) осмотрѣть Крымъ, государь выѣхалъ, для этого, изъ Таганрога 20 октября 1825 года и сѣвернымъ берегомъ Азовскаго моря на Перекопъ и Симферополь доѣхалъ сначала до Алупки; а 27 октября вечеромъ прибылъ въ Севастополь, гдѣ онъ и проѣхалъ прямо въ церковь (3). Слѣдующій день, 28-го государь посвятилъ осмотру кораблей нашего флота и окрестныхъ загородныхъ строеній, а 29 октября выѣхалъ изъ Севастополя въ Бахчисарай. Это было, какъ извѣстно, незадолго до его кончины.

## X.

### Севастополь и флотъ въ царствованіе императора Николая I.

Севастополь и флотъ въ царствованіе императора Николая I. — Война съ Турціей въ 1828—1829 годахъ: взятіе Анапы и Варны; дѣло Казарскаго. Чума. — Пребываніе флота въ Босфорѣ въ 1833 г. — Михаилъ Петровичъ Лазаревъ и его время: Абхазскіе крейсера; Севастополь; флотъ.

Политическіе наши расчеты съ Турціей не были окон-

---

(1) Родился въ 1775 году, скончался 18 января 1845. Сжатость этого историческаго описанія Севастополя не позволяетъ намъ приводить полныхъ біографическихъ свѣдѣній о нашихъ замѣчательныхъ черноморскихъ дѣятеляхъ.

(2) У М. Н. Богдановича.

(3) Въ описаніи М. И. Богдановича все это мѣсто загадочно: Государь, будто бы, ночью дѣлалъ морскимъ командамъ смотръ и потомъ присутствовалъ при спускѣ корабля, когда въ Севастополѣ такихъ судовъ не строилось

чены въ 1811 году турки, по своимъ религіознымъ принципамъ, и до нашего времени, остались гостями въ Европѣ. Различіе ихъ вѣрованій, многихъ нравственныхъ убѣжденій, условій общежитія и даже способа выражаться на письмѣ—все это мѣшало и мѣшаетъ имъ до нашего времени слиться съ которымъ нибудь изъ покоренныхъ ими народовъ, и дѣлаетъ владѣнія ихъ не только въ Европѣ, но и въ Азіи вѣчной кипятильной всякихъ національныхъ вопросовъ, способныхъ разрѣшаться только при помощи кровопролитія.

Съ 1814 года очередной вопросъ, по этой категоріи дѣлъ, былъ поднять греческій. Мы видимъ даже, что Англія, Франція и Россія сѣдинились вмѣстѣ, для разрѣшенія этого вопроса, и вмѣстѣ, въ 1827 году, истребляли турецкій флотъ при Наваринѣ. Мы оставляемъ въ сторонѣ политическія complicаціи, которыя послужили поводомъ къ войнѣ нашей съ Турціей, начавшейся съ этого сраженія и объявленной только въ слѣдующемъ 1828 году. Не смотря на ихъ близкое соотношеніе къ Севастополю, объемъ предлагаемаго сочиненія не позволяетъ здѣсь вдаваться въ большія историческія подробности по этому предмету, и мы обратимся къ событіямъ ближайшимъ и собственно портовымъ (1).

11 апрѣля 1828 года нашъ черноморскій флотъ, находившійся въ Севастополѣ, выведенъ былъ на рейдъ. Онъ состоялъ тогда изъ 8 кораблей, 5 фрегатовъ 20 меньшихъ парусныхъ судовъ и 3-хъ пароходовъ; всего 36-ть военныхъ судовъ—одинъ только корабль покуда остался въ гавани. На всѣхъ этихъ судахъ, наличныхъ флотскихъ чиновъ доходило до 12 тысячъ. 14 числа этого мѣсяца на флотъ поднялъ флагъ главный его командиръ, вице-адмиралъ Грейгъ, и прибылъ на него начальникъ десантныхъ войскъ, генераль-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ. Онъ въ три версты въ морской госпиталь, который находился черезъ бухту шириной въ 300 сажень.

(1) Подробности дѣйствій флота въ Морскомъ Сборникѣ 1850 г., статья В. И. Молихова.

шиковъ (1); а въ продолженіе послѣдующихъ дней сажали на суда флота десантный корпусъ, состоявшій приблизительно изъ 5 тысячъ человѣкъ. 29 числа флотъ выступилъ изъ Севастополя и 2 мая прибылъ къ Анапѣ. Эта крѣпость была турками восстановлена, послѣ прошедшей войны, имѣла до 5 тысячъ гарнизона и не располагала сдаться; а потому и атака на нее поведена была съ сухаго пути и моря. Съ берега заложены были батареи и апроши, а съ моря съ судовъ нашихъ открыто бомбардированіе, и послѣ нѣсколькихъ схватокъ нашихъ войскъ, на вылазкахъ, съ турецкими гарнизонными войсками и большими толпами горцевъ, старавшихся разрушить наши осадныя работы, 12 іюня крѣпость сдалась на капитуляцію, при чемъ взято было въ ней до 4 тысячъ человѣкъ плѣнныхъ, 80 орудій и большое число военныхъ запасовъ. Сверхъ того нашими крейсерами переловлено было нѣсколько турецкихъ судовъ съ десантными войсками, которыя были отправлены на помощь анапскому гарнизону изъ Трепизонда, и всѣхъ людей на нихъ захвачено еще близко тысячи человѣкъ. Анапа почиталась значительнымъ опорнымъ пунктомъ для турокъ на кавказскомъ берегу, и потому, съ началомъ каждой войны нашей съ Турціей, у насъ признавалось необходимымъ заручиться этой крѣпостью; а это и было причиной, что ея приобрѣтеніе было важнымъ для насъ успѣхомъ въ военномъ отношеніи.

Въ теченіе того же времени наши главные сухопутныя силы вступали въ турецкія владѣнія: на востокъ—со стороны Кавказа и Грузіи, а на западъ—отъ устьевъ Дуная и Валлахіи. А при этомъ, такъ какъ большая часть турецкаго флота была уже истреблена при Наваринѣ, и мы не могли встрѣтить сильнаго соперничества со стороны турокъ на Черномъ морѣ, то и всѣ будущія военныя операціи нашей арміи въ Европейской Турціи рассчитаны были на поддержкѣ нашего флота. А именно: послѣдній долженъ былъ прикрывать транспортныя суда; назначенныя для подвоза военныхъ запасовъ и провизіи къ арміи,

(1) Начальникъ морскаго штаба Его Императорскаго Величества.

отъ Одессы и другихъ нашихъ портовъ. Точно также на флотъ возложена была обязанность производить диверсіи по всему румилійскому берегу въ тылу у турецкихъ сухопутныхъ войскъ, къ сторонѣ Константинополя; а вмѣстѣ ему поручено было, по мѣрѣ возможности, занять которыя нибудь береговыя укрѣпленія, въ видахъ учрежденія опорныхъ и складочныхъ пунктовъ военныхъ для запасовъ, при дальнѣйшихъ наступательныхъ движеніяхъ нашей арміи къ югу.

На основаніи всего этого, еще въ маѣ мѣсяцѣ, отъ флота нашего изъ-подъ Анапы отдѣлена была эскадра изъ трехъ кораблей и двухъ фрегатовъ. Она отправлена была къ турецкимъ берегамъ для крейсерства отъ Кюстенджи до Кальякрии, и прикрытія транспортовъ; а для наблюденія за судами, выходившими на Черное море изъ Константинопольскаго пролива, высланы были меньшіе крейсера. По взятіи же Анапы, и всѣ прочія суда нашего флота, вмѣстѣ съ десантнымъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ подъ командой князя Меншикова, обращены были на овладѣніе большой турецкой крѣпостью Варной, лежащей на западномъ берегу Чернаго моря.

22-го іюля большая часть судовъ нашего флота собралась у Варны, а 24-го посѣщала флотъ государь императоръ Николай Павловичъ, находившійся въ это время при нашей арміи. Затѣмъ, послѣ обычныхъ формальностей, по требованію о сдачѣ крѣпости, она обложена была дѣйствующими нашими силами съ сухаго пути и моря.

Первымъ актомъ атаки нашей, было дѣло нашихъ моряковъ. Въ ночь на 27 іюня гребныя суда нашего флота, подъ командой капитана 2-го ранга Мелихова, вырѣзали изъ подъ крѣпостныхъ выстрѣловъ 14 вооруженныхъ турецкихъ судовъ. Послѣ того, со флота открыта была пальба по крѣпости, а съ сухаго пути поведены траншеи, въ работахъ надъ которыми значительной долей участвовали наши флотскія команды. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ крѣпость уже была достаточно разрушена. 25-го числа этого мѣсяца вызваны были охотники штурмовать передовыя ея укрѣпленія, и въ числѣ первыхъ находились: лейтенантъ



Зайцевскій, мичманъ Гюленгекъ и 100 человекъ матросовъ; а 29-го сентября, послѣ упорной обороны, крѣпость была сдана на капитуляцію.

Въ продолженіе осады Варны, 17-го августа, нашъ крейсерскій отрядъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Критскаго, при посредствѣ флотскаго десанта, штурмовалъ береговое укрѣпленіе Инаду и овладѣлъ имъ; потомъ захватилъ на суда крѣпостныя орудія, а укрѣпленіе взорвалъ и этимъ поискомъ произвелъ значительную тревогу въ Константинополь, отъ котораго Инада лежала только на разстояніи верстъ 120.

Государь императоръ, находившійся во все время обложеніи Варны при нашихъ войскахъ, и принимавшій на себя заботу въ ихъ ободреніи и обезпеченіи всѣмъ нужнымъ, по взятіи этой крѣпости пожелалъ сдѣлать переѣздъ въ Одессу моремъ. Онъ помѣстился, со всей своей свитой, на 84-хъ пушечномъ кораблѣ «Императрица Марія», м 2-го октября послѣдній снялся съ якоря.

Но море неблагопріятно встрѣтило нашего высокаго путника. Съ ранняго утра 3-го октября вѣтеръ мѣнялся: то забѣгалъ онъ съ сѣвера, то съ сѣверо-запада; а сильная зыбь, предвѣстница бури, расхаживала широкими буграми отъ сѣверо-востока. 4-го октября вѣтеръ усилился въ этомъ направленіи, обратился въ штормъ и снесъ на кораблѣ части верхняго рангоута. Корабль былъ недавно только вооружень, и потому стоячій его такелажъ вытягивался, а мачты размахивали до того, что въ теченіе нѣкотораго времени, покуда не успѣли принять всѣхъ мѣръ къ уменьшенію потрясеній корабля, онъ находился въ нѣкоторой опасности. По счастью, вѣтеръ 5-го числа измѣнился отъ берега, потомъ сталъ стихать и дозволилъ ему прибыть въ ночь на 8 октября благополучно по своему назначенію.

Съ 6-го октября суда нашего флота стали постепенно возвращаться на зимнее время въ Севастополь, а въ ноябрѣ былъ посланъ отрядъ изъ 2-хъ кораблей и 2-хъ другихъ судовъ для наблюденія за Босфоромъ.

Война продолжалась и въ 1829 году. Флотъ нашъ снова дѣйствовалъ подъ начальствомъ адмирала Грейга.

Двѣ длинныя природныя преграды являлись для нашей арміи при ея наступательныхъ движеніяхъ по европейской Турціи, и первой такой преградой былъ Дунай, а второй — высокій хребетъ Балканскихъ горъ, протянувшійся южнѣ Дуная, отъ самаго западнаго берега Чернаго моря, до моря Адриатическаго. Для облегченія перехода за Балканы нашей арміи, положено было угрожать туркамъ съ тыла къ сторонѣ Константинополя; а для этого, при помощи флота, овладѣть крѣпостями, лежащими по Бургасскому или Фаросскому заливу, и во первыхъ—Сизополемъ, который расположенъ былъ на полуостровѣ, и потому лучше другихъ могъ быть укрѣпленъ и удержанъ со стороны моря. Экспедиція для занятія этой крѣпости назначена была подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани. Она состояла изъ 3-хъ кораблей, 2-хъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ съ десантнымъ отрядомъ сухопутнаго войска, числомъ до тысячи человекъ. 11-го февраля Кумани вышелъ изъ Варны, 15-го обстрѣливалъ крѣпость и высадилъ десантъ, а 16-го нашелъ ее оставленной гарнизономъ.

Послѣ того, нашъ флотъ еще принималъ дѣятельное участіе въ овладѣніи другими крѣпостями по турецкому берегу, какъ-то: Мессемвріей, Ахіолло, Бургасомъ, Василико, Агатополемъ, вновь Инадаю и, самой южной изъ нихъ—Мидіей, находящейся въ 90 верстахъ отъ Константинополя. Сверхъ того, нашими крейсерами было сдѣлано много призовъ, а въ Пендараклии на южномъ берегу Чернаго моря, соженъ былъ новый турецкій корабль.

Въ теченіе этого времени турецкій флотъ, имѣвшій пребываніе въ Беюгдере и состоявшій изъ 6 кораблей, 2 или 3 фрегатовъ и нѣсколькихъ малыхъ судовъ, раза четыре, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, очень робко выходилъ изъ Босфора. Не удаляясь много отъ азіатскаго берега, онъ проходилъ вдоль него, на нѣкоторое разстояніе, и снова скрывался въ проливъ—не имѣя, повидимому, ни малѣйшаго желанія вступать въ сраженіе съ нашимъ флотомъ. Во время своихъ выходовъ, онъ обыкновенно гонялся за ближайшими нашими крейсерами, сторожившими Босфоръ. Такимъ образомъ, въ ночное время, на 12 мая, при

взаимномъ недоразумѣніи о національности видимыхъ судовъ, онъ сошелся съ однимъ изъ нашихъ фрегатовъ «Рафаиль» и, по неосторожности его капитана, успѣлъ захватить его въ плѣнъ. За то онъ потерпѣлъ самую позорную неудачу въ преслѣдованіи другаго нашего крейсера — брига «Меркурій», находившагося подъ командой капитанъ-лейтенанта Козарскаго.

14-мая, точно также на разсвѣтѣ, нашъ бригъ оказался въ очень близкомъ разстояніи отъ турецкаго флота, и два турецкіе корабля — одинъ 110-пушечный капитанъ-Пашинскій, а другой 74-пушечный, также флагманскій, пустились за нимъ въ погоню. Большая часть турецкихъ судовъ были лучшими ходоками сравнительно съ нашими, и потому оба корабля послѣ нѣкотораго преслѣдованія успѣли догнать бригъ «Меркурій» и сблизиться съ нимъ по обѣ его стороны на самый короткій выстрѣлъ. Очень трудно было бы вообразить тому, кто не находился на палубѣ тогдашняго сто-пушечнаго корабля, какую малую и ничтожную фигуру представлялъ передъ нимъ нашъ бригъ. Казалось, два большіе медвѣдя бѣжали травить очень малога зайца. Правда или нѣтъ? Офицеры, находившіеся на фрегатѣ «Рафаиль», рассказывали впоследствии <sup>(1)</sup>, что у нихъ не было добрыхъ ладовъ со своимъ капитаномъ, и всѣ равнодушно относились къ общему дѣлу защиты фрегата. А это, кажется, и было причиной безусловной его сдачи туркамъ; при чемъ, конечно, и оказывается, что командиръ его, капитанъ 2-го ранга Стройниковъ, былъ прямо виной своей послѣдующей печальной участи <sup>(2)</sup>, не по одному только акту сдачи своего суда, а также и по принципу его методы командованія. У Козарскаго же на бригѣ было совсѣмъ на оборотъ: Находясь въ критическихъ обстоятельствахъ, онъ собралъ совѣтъ, и первый, младшій изъ офицеровъ, штурманъ Прокофьевъ, смѣло подалъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ драться до крайности, а

(1) Этотъ рассказъ пишущій это слышалъ самъ отъ бывшихъ офицеровъ «Рафаила».

(2) Онъ былъ по суду разжалованъ и опредѣленъ въ арестантскія роты.

за тѣмъ сдѣпиться и взорваться. И голосъ храбраго былъ всѣми одобренъ. На видное мѣсто положенъ былъ пистолеть, которымъ послѣдній остающійся въ живыхъ, изъ лицъ, находившихся на совѣтѣ, обязанъ былъ выстрѣлить по пороху въ крѣпость-камерѣ (1).

За тѣмъ, также какъ и въ былыя потемкинскія времена сдѣлалъ это Верекинъ, на крикъ съ одного изъ турецкихъ кораблей о томъ, чтобы бригъ сдавался, послѣдній отвѣчалъ ему цѣлымъ залпомъ ядеръ, кнпелей и ружейныхъ пуль по большому его кузову, а со своего другаго борта, такимъ же залпомъ, встрѣчалъ онъ и другой непріятельскій корабль; и всего этого для турокъ было слишкомъ достаточно, чтобы ихъ привести въ большое замѣшательство. А тогда съ обоихъ кораблей, находившихся на самомъ близкомъ разстояніи по обѣ стороны брига, началась беспорядочная и непрерывная палба, снаряды отъ которой били только изрѣдка по рангоуту брига; а больше его перелетали или попадали взаимно въ бархоты обоихъ атакующихъ. Сражающихся охватило дымомъ. Неугмонные крики на турецкихъ корабляхъ, оглушительный гулъ отъ множества выстрѣловъ изъ тяжелыхъ орудій и стоны раненыхъ — до того были новымъ зрѣлищемъ для турецкихъ матросовъ, набранныхъ только послѣ наваринской катастрофы и дурно дисциплированныхъ, что всѣ они пометались въ разныя стороны (2); при чемъ начальники старались ихъ приводить въ порядокъ посредствомъ бичей, и переполохъ отъ взаимнаго побіенія и мѣткихъ выстрѣловъ нашего брига сдѣлался такъ великъ, что палба съ турецкихъ кораблей очень скоро стала рѣдѣть. Около часу спустя послѣ начала сраженія одинъ изъ нихъ — капитанъ Пашинскій, спохватился въ невыгодности боя и началъ оставлять погоню. Примѣръ его былъ заразителенъ: у турокъ возникло опасеніе, что нашъ бригъ, не побоявшійся защищаться, не побоятся и взлетѣть на воздухъ; а это заставило и дру-

(1) Пороховой погребеъ.

(2) О тогдашнемъ состояніи турецкихъ корабельныхъ командъ можно видѣть изъ статьи «Морскаго Сборника» 1850 г. «Появленіе турецкаго флота» въ 1829 году.

гой турецкій корабль прекратить погоню <sup>(1)</sup> — тогда какъ бригъ, выкидывая весла и исправляя поспѣшно паруса, сталъ удаляться отъ непріятельскаго флота. Загадка же относительно прекращенія сраженія со стороны двухъ большихъ кораблей привела турокъ въ такое недоумѣніе, что ни одно судно изъ ихъ флота не пустилось преслѣдовать Козарскаго, и онъ съ довольно изувѣченнымъ рангоутомъ и, слѣдовательно, при уменьшенной парусности, спокойно уже продолжалъ уходить въ Сизополь на соединеніе къ своему флоту.

Послѣ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ нашими арміями въ европейскихъ и азіатскихъ владѣніяхъ Турціи, 2-го сентября 1829 года, въ Адрианополь, послѣдовало заключеніе мира, и 17-го октября нашъ флотъ возвратился въ Севастополь. Мы приобрѣли на этотъ разъ отъ Турціи на Черномъ морѣ крѣпости Анапу и Поти съ ихъ округами.

Въ 1829 году умеръ командиръ севастопольскаго порта вице-адмиралъ Филиппъ Тимофеевичъ Быченскій и мѣсто его заступилъ вице-адмиралъ Патаніоти.

Съ 1830 года суда нашего флота заняты были доставкой, изъ Сизополя, Варны и другихъ турецкихъ крѣпостей, нашихъ сухопутныхъ войскъ, больныхъ, снарядовъ и военныхъ тяжестей, по своимъ портамъ. Многія изъ нихъ починались; запасы флота возстановлялись и все, послѣ военного времени, приводилось въ порядокъ въ севастопольскомъ портѣ.

А между тѣмъ, во все время войны, не смотря на всякія предосторожности, чума безпрестанно появлялась въ нашей арміи и на флотѣ. Она доходила къ намъ то изъ турецкаго лагеря, то на зафрактованныхъ для арміи судахъ. А это имѣло послѣдствіемъ, что въ нашихъ черноморскихъ портахъ были приняты очень строгія карантинныя мѣры, которыя, въ свою очередь, не обошлись безъ значительныхъ злоупотребленій со стороны лицъ, имѣвшихъ денежный интересъ въ доставкѣ продуктовъ жите-

---

(1) Все это подтверждается общимъ свидѣтельствомъ турокъ и офицеровъ фрегата «Рафаилъ», находившихся на турецкихъ корабляхъ.

лямъ оцѣпленныхъ мѣсть (1). Злоупотребленія же повели къ тому, что нуждающееся населеніе въ Севастополѣ, преимущественно женщины, взволновалось — 4-го іюня 1830 года произошелъ общій взрывъ и дѣло окончилось очистительными жертвами, въ числѣ пяти лицъ, которыя звѣрски были растерзаны остервенившейся толпой, уничтожившей вмѣстѣ съ тѣмъ и все карантинныя преграды.

Въ 1832 году, 17-го февраля, начальникомъ штаба черноморскаго флота и портовъ назначенъ былъ контръ-адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ (2).

Въ этомъ же году, новыя политическія обстоятельства вызывали нашъ черноморскій флотъ еще на военное поприще: Одинъ изъ намѣстниковъ Оттоманской порты, египетскій паша Мегметъ-Али, возмутился противъ турецкаго султана. Возстаніе это имѣло обширное значеніе для турецкой монархіи: оно дѣлалось выраженіемъ оппозиціи магометанства противъ европейскихъ нововведеній, которыя понемногу водворялись въ правительственныхъ кружкахъ султана и его прочихъ намѣстниковъ — и вызывало въ большинствѣ турецкаго населенія значительное ему сочувствіе. Войска Мегмедъ-Али заняли Сирію, вступили въ Азіатскую Турцію, разбили армию султана и, постоянно увеличиваясь новыми приверженцами, грозили самому Константинополю. Самъ султанъ становился въ оппозиціи азіатскому нашествію, и по естественному порядку вещей, долженъ былъ найти у насъ поддержку.

Въ исходѣ 1832 года, отправленъ былъ въ Турцію и Египетъ, полномочнымъ агентомъ отъ нашего двора, генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, которому поручено было уладить все дѣло дипломатическимъ путемъ. А между тѣмъ, всему черноморскому флоту нашему дано было повелѣніе готовиться къ выступленію. Политическій вопросъ разгорался. Противники наши на западѣ,

---

(1) Образчики карантинныхъ стѣсненій въ Крыму можно видѣть въ сочин. Муравьева «Русскіе въ Босфорѣ» изд. 1869 г. стр. 436—440; о Севастополѣ же въ «Запискахъ врача» Закревскаго въ Морскомъ Сборникѣ.

(2) Біографическія свѣдѣнія о немъ имѣются въ Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ.

опасаясь всякаго вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи, готовились точно также къ вооруженному посредничеству.

Въ началѣ 1833 года, суда нашего флота постепенно выходили на севастопольскій рейдъ. Первое ихъ отдѣленіе— 4 линейные корабли, 3 фрегата, 1 корветъ и 1 бригъ, составили эскадру подъ командой Михаила Петровича Лазарева. Въ первыхъ числахъ февраля онъ выводилъ ее въ море и 8-го входилъ въ Беюгдере. Другія двѣ эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани и Стожевскаго, приняли въ Одессѣ 10-ти-тысячный корпусъ нашихъ сухопутныхъ войскъ и въ мартъ и апрѣль мѣсяцахъ перевезли ихъ, точно также, въ Босфоръ и высаживали на южномъ берегу этого пролива. Такое пособіе султану съ нашей стороны совершенно было достаточно для спасенія его столицы и престола, и послѣдующее усмиреніе возмущившагося наши окончилось очень скоро, послѣ того, уже дипломатическимъ путемъ. За тѣмъ нашъ флотъ въ началѣ іюля того же года перевезъ наши десантныя войска изъ Босфора обратно въ Феодосію и, по выдержаніи въ плаваніи карантиннаго времени, въ августъ мѣсяцъ возвратился на севастопольскій рейдъ.

Съ 1833 года на должность командира севастопольскаго порта поступилъ контръ-адмиралъ Кумани.

3-го августа 1833 года адмиралъ Грейгъ (1) сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Мѣсто его, по командованію флотомъ, занялъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, произведенный въ 1833 году въ вице-адмиралы съ назначеніемъ въ званіе генераль-адъютанта. 1834 года декабря 19-го онъ былъ утвержденъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота.

Въ 1837 году посѣтилъ Севастополь Государь Императоръ Николай Павловичъ, и въ память пребыванія своего, назначилъ построеніе соборной церкви во имя Св. Владимира—перваго русскаго государя, владѣвшаго севастопольской мѣстностью и принявшаго на ней крещеніе.

Съ 1834 года, всѣ бывшія суда нашего флота, выхо-

(1) Произведенъ былъ въ адмиралы въ 1829 г.

дили ежегодно по дивизіямъ въ практическое плаваніе, преимущественно по западную сторону Крыма, къ Тарханкуту и Одессѣ.

Въ 1838, 1839 и 1840 годахъ флотъ перевозилъ изъ Тамани корпусъ сухопутныхъ войскъ для занятія мѣстечекъ по абхазскому берегу, на которомъ постепенно возводилась тогда линія береговыхъ укрѣпленій. Корабли наши становились при этихъ случаяхъ ближе къ берегу и обстрѣливали тотъ пунктъ, на который предполагалось свозить войска. Но и за тѣмъ горцы упорно защищали такія мѣста, и ихъ, по большей части, приходилось въ первое время удерживать съ боя.

Большая часть меньшихъ судовъ черноморскаго флота, сверхъ того, занята была постояннымъ крейсерствомъ, по дистанціямъ и, по мѣрѣ, у абхазскаго берега. Всѣ такіе крейсера дѣлились обыкновенно на два отряда: сѣверный, имѣвшій главную станцію въ Суджукъ-Кале, а южный — въ Сухумѣ.

Обязанности ихъ, по прежнему, состояли въ томъ, чтобы не допускать подвоза горцамъ съ моря боевыхъ припасовъ и вывоза отъ нихъ невольниковъ и невольницъ. А также, въ возможныхъ случаяхъ, должны они были оказывать помощь береговымъ укрѣпленіямъ; и по этому поводу командамъ съ нашихъ судовъ приходилось нерѣдко участвовать въ довольно значительныхъ схваткахъ съ вооруженными толпами горцевъ, особенно въ такое время, когда случалось, что юго-западные штормы заставляли этихъ крейсеровъ у берега и они терпѣли крушеніе. И такимъ образомъ на Черномъ морѣ, въ теченіе всего времени, прошедшаго съ турецкой войны въ царствованіе императора Александра Павловича, военныя занятія для нашихъ севастопольскихъ моряковъ никогда не прекращались.

А между тѣмъ, черноморскій флотъ нашъ постепенно увеличивался и входилъ въ данные ему штатные размѣры. Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, въ теченіе нѣкотораго времени, пополнилъ комплектъ черноморскихъ офицеровъ цѣлой семьей своихъ бывшихъ сослуживцевъ, съ которыми онъ сблизился въ теченіе своей служебной карьеры, и сблизился



женіе съ которыми обусловливалось единственно общей ихъ преданностью своему военно-морскому отечественному дѣлу.

Мы вообще не привыкли въ Россіи возвеличивать свое отечественное дѣло. У насъ и до сихъ поръ вы услышите отъ многихъ патріотовъ нашихъ, что Потемкинъ былъ только *чудакъ*, Суворовъ еще того больше, Ушаковъ былъ *простой*, М. П. Лазаревъ былъ тоже *простой*. Но только всѣ эти чудаки и простые люди, начиная съ Минина Сухорукаго, въ простотѣ души своей жертвовавшаго своимъ достояніемъ для спасенія отечества, и съ великаго труженника Петра—также работавшаго въ простотѣ души исключительно для Россіи, и, конечно, никто изъ тѣхъ, которые у насъ трудились изъ одной только прибыли — выстроили наше обширное русское царство. По поводу принципа одного изъ представителей политическихъ интересовъ юго-западныхъ европейскихъ державъ: «языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать мысль», наша императрица Екатерина сказала: «Мы будемъ дѣлать напротивъ: пусть имѣють всегда довѣренность къ выраженію нашихъ мыслей на словахъ» (1). И точно — всѣ наши высшіе государственные дѣятели отличались энергіей и простотой — тѣми самыми качествами, которыя составляли всю силу того безконечнаго нравственнаго вліянія, которое имѣли Михаилъ Петровичъ Лазаревъ и Павелъ Степановичъ Нахимовъ на всю окружающую ихъ среду.

Всякій новый офицеръ, прибывшій на службу въ черноморскій флотъ, незамѣтно для него самого, со всѣхъ сторонъ въ тонкости ощупывался лицами, окружавшими Михаила Петровича, и потомъ, по большей части, отправлялся въ сухумскій или суджукскій отрядъ. Эта школа для нашего моряка была — школой водяной и огненной: для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть изъ «Лѣтописи крушеній и пожаровъ судовъ русскаго флота» (А. П. Соколова) тѣ ея мѣста, которыя относились къ бѣдствіямъ послѣднихъ, претерпѣн-

(1) У Храповицкаго.

ныхъ ими у кавказскаго берега. За тѣмъ, если новый питомецъ возвращался живой изъ своей первой школы, онъ находилъ всегда себѣ мѣсто на одномъ изъ лучшихъ судовъ флота — гдѣ могъ продолжать, незамѣтнымъ образомъ, свое служебное образованіе по части того образцоваго порядка, въ какомъ надлежитъ содержать команду и суда военнаго флота. Очень часто попадалъ онъ въ школу болѣе спеціальную, и дѣлался, сверхъ своего практическаго призванія, еще хорошимъ теоретикомъ въ постройкѣ и вооруженіи судовъ. Всякое проявленіе личнаго труда каждаго изъ тогдашнихъ офицеровъ — личной дѣятельности каждаго — находило лучшихъ знатоковъ и экспертовъ въ особѣ Михаила Петровича и лицъ, непосредственно его окружавшихъ, и то была истинная тонкая и невидимая связь всѣхъ тогдашнихъ сослуживцевъ по черноморскому флоту — независѣвшая ни отъ какихъ почестей и наградъ.

Съ другой стороны, Михаила Петровича Лазарева, по времени и обстоятельствамъ, надлежитъ почитать какъ третьяго строителя севастопольскаго порта — считая первымъ Мекензи, а вторымъ Ушакова: въ этомъ убѣждаютъ васъ неоспоримо самые нелицепріятные свидѣтели дѣла — повременные планы Севастополя. Теперь, въ настоящемъ случаѣ, мы припомнимъ состояніе порта и города при вступленіи на престолъ государя Императора Николая Павловича (описанное выше) (1), и потомъ сдѣлаемъ небольшой обзоръ тому Севастополю, который существовалъ до послѣдней его осады, въ крымскую войну, и тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ немъ за этотъ послѣдній періодъ времени.

Начнемъ съ екатерининской пристани:

Теперь надъ ней устроенъ элегантнѣйшій портикъ съ колонадой и, по сторонамъ, два караульныхъ домика и площадка — это все изъ тесанаго камня. Съ пристани входите вы на чистую, вымощенную площадь — мѣсто вечернихъ прогулокъ

(1) Подробное описаніе тогдашняго Севастополя можно найти еще въ Морскомъ Сборникѣ 1861 г. Т. 53, въ «запискахъ врача морской службы», Загrevскаго.

севастопольскихъ жителей, послѣ знойнаго дня. На этой площади по вечерамъ играетъ музыка. На лѣвую руку отъ пристани идетъ высокая каменная стѣна, отдѣляющая къ берегу Южной бухты адмиралтейство; а вдоль него идетъ главная улица города «Екатерининская», обставленная съ правой стороны хорошими домами, изъ которыхъ первымъ отъ угла — большой каменный домъ офицерскаго собранія. На большое возвышеніе, находящееся рядомъ съ этимъ домомъ и вправо отъ него — нѣкогда знаменитое въ Севастополь, подъ названіемъ «хребта беззаконія» — ведетъ теперь широкая каменная лѣстница, къ саду, окруженному чугунной рѣшеткой, и памятнику Казарскаго, командира брига «Меркурій».

По другую, западную сторону упомянутаго возвышенія, гдѣ, лѣтъ десять только тому назадъ, тянулась изрытая, буристая дорога, перерѣзанная промоинами, теперь пролегаетъ широкая мощеная улица «Морская», обставленная хорошими домами, палисадниками и густыми садами. Она выводитъ васъ къ театральной площади, которую окружаютъ теперь точно также высокіе чистые каменные дома и, въ числѣ нихъ, находите замѣчательное, по своей красивой архитектурѣ, новое зданіе театра. На этой площади — фонтанъ, вода въ который проведена была при адмиралѣ Грейгѣ, изъ тѣхъ источниковъ, гдѣ были начаты водопроводныя работы при Мекензи. На этой же площади смыкаются и обѣ улицы — Морская и Екатерининская, которыми, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ площадями на протяженіи свыше 3 версты опоясываютъ главную городскую гору и, вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ строеніями, выдѣляютъ изъ Севастополя то его пространство, которое называется собственно «городомъ». Изъ числа новыхъ зданій въ самомъ городѣ, наиболее замѣчательны: перестроенныя въ великолѣпномъ стилѣ и въ болѣе обширномъ размѣрѣ — соборная церковь Св. Николая, по прежнему вдавшаяся въ адмиралтейскую стѣнку на Екатерининской улицѣ; на горѣ — церковь Петра и Павла, бывшая греческая; выдѣляющееся изъ ряда всѣхъ прочихъ, по своей красотѣ, зданіе морской

библіотеки, и проэктированный храмъ Св. Владиміра, у котораго выложенъ былъ только еще одинъ фундаментъ.

За тѣмъ, въ ширину свою, городъ, вообще, раза въ три и болѣе увеличивался своими предмѣстіями или слободками. Рядомъ съ нимъ (съ горой) и величиной не меньше его самого, лежала къ западу отъ него «Артиллерійская» слобода, огибавшая своимъ сѣвернымъ концемъ артиллерійскую бухту, а къ югу протянувшаяся дальше самого города.

На Екатерининской площади сохраняется дворецъ, выстроенный при Мекензи, а къ сѣверу заслоняетъ ее обширное зданіе двухъ-ярусной «Николаевской» казематированной батареи, возведенное вновь изъ сплошнаго тесанаго камня и занимающаго въ длину берегъ почти на полверсты. На мысу, за Артиллерійской бухтой, и на двухъ противоположныхъ мысахъ, по ту сторону рейда—гдѣ находились прежде де-бальменовскія земляныя укрѣпленія, возстановленные при Ушаковѣ и де-Траверсе, теперь возведены огромныя двухъ и трехъ-ярусныя батареи съ бастионами, выложенныя также изъ тесанаго камня: «Александровская», «Константиновская» и «Михайловская»; напротивъ Екатерининской пристани на Павловскомъ мыскѣ такая же трехъ ярусная батарея—«Павловская»; а по обѣ стороны рейда, на выдавшихся мѣстахъ, еще — три большія, каменные же, батареи.

Но вѣнецъ собственно портоваго сооруженія находится по другую, восточную, сторону южной бухты; это—«Лазаревское» адмиралтейство и доки. Здѣсь, въ центральномъ пунктѣ севастопольской гавани, скрыта или скорѣе спилена каменная гора, составлявшая прежній высокій мысъ; по снятіи горы образовалась площадь, еще и за тѣмъ возвышающаяся отъ 15 до 20 сажень надъ поверхностью моря; а на ней основаны всѣ зданія, необходимыя для храненія корабельныхъ запасовъ. Корабельная бухта въ глубину просѣчена и продолжена; а въ этомъ углубленіи устроены громадныя и замѣчательныя, по чистотѣ своей отдѣлки, сухіе доки, то есть—такія вмѣстилища для кораблей, на которыя они поднимаются при посредствѣ шлюзовъ и напускной

воды и становятся на сушу. Въ общемъ бассейнъ доковъ находится пять отдѣленій, изъ которыхъ въ трехъ помѣщаются самыя большіе линейныя корабли; а въ двухъ фрегаты. Къ сторонѣ Южной бухты, около того же адмиралтейства, устроенъ элингъ, называемый «мортоновымъ» — для подъема второстепенныхъ и малыхъ судовъ.

Для наполненія доковъ водою, во время, когда забираются внѣшніе ихъ шлюзы, въ томъ случаѣ, если приходится вводить или выводить изъ доковъ суда, устроенъ къ нимъ водопроводъ — который, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворяетъ и другой крайней надобности адмиралтейства, флота и порта, то есть — снабжаетъ ихъ прѣсною водою. Этотъ водопроводъ проектированъ былъ, съ одобренія государя императора Николая Павловича, адмираломъ Грейгомъ и выстроенъ также при М. П. Лазаревѣ. Вода, которая должна его наполнять, взята отъ ключей Черной рѣчки; а водопроводъ, въ формѣ каменнаго канала, выходитъ изъ ея долины и идетъ на протяженіи 18 верстъ до самыхъ доковъ. Каналъ изсѣченъ по всѣмъ изгибамъ каменистой нагорной почвы вдоль окраины южнаго берега рейда, по горизонтальному уровню съ небольшимъ уклономъ къ западу или докамъ, на высотѣ отъ 4 до 8 сажень; въ трехъ мѣстахъ для него просѣчены въ горахъ тунели, и въ четырехъ — устроены каменные арки черезъ лоцины или балки. Но такъ какъ высота самыхъ ключей оказалась впоследствии недостаточной для наполненія доковъ, то доковый бассейнъ пополняется морской водою при посредствѣ паровой машины. На горѣ, между доками и берегомъ Южной бухты, выстроены вновь для флотскихъ чиновъ каменные казармы на 6,000 человекъ.

За тѣмъ — Корабельная слободка и новое адмиралтейство, теперь уже почти непрерывными садами и строеніями связываются съ «Южной» слободкой, бывшей «Каторжной», которая, вмѣстѣ съ новымъ бульваромъ, густыми садами и огородами на широкомъ пространствѣ протягивается по засыпанному углубленію Южной бухты — тому самому углубленію, гдѣ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, по свидѣ-

тельству очевидцев<sup>(1)</sup>, лежало обширное болото, и въ немъ водилось множество озерной рыбы. Южная же слободка, съ хуторами и садами, доходитъ до города и примыкаетъ къ Екатерининской улицѣ.

Число всѣхъ жителей въ Севастополѣ въ 1852 и 53-мъ годахъ доходитъ до 45 и 46 тысячъ человѣкъ; домовъ всѣхъ считается болѣе 2,500, и изъ нихъ казенныхъ жилыхъ 170; лавокъ и магазиновъ 130; главный же рынокъ лежитъ по восточную сторону Артиллерійской бухты.

17 экипажей нашихъ флотскихъ севастопольскихъ командъ находились, въ это время, въ полныхъ комплектахъ, также какъ и суда нашего флота, которыхъ на лицо въ Севастополѣ состояло: 4 корабля 120-пушечныхъ — «Двѣнадцать Апостоловъ», «Парижъ», «Трехъ Святителей», «Великій князь Константинъ»; 11 кораблей 84 пушечныхъ: «Трехъ Іерарховъ», «Гавріиль», «Селафаиль», «Урииль», «Варна», «Іегудиль», «Ростиславъ», «Святославъ», «Храбрый», «Чесме», «Императрица Марія» — всѣ выстроенные по лучшимъ современнымъ образцамъ и хорошіе ходоки; 7 фрегатова: «Мессемврія», «Мидія», «Кулевчи», «Сизополь», «Коварна», «Флора» и «Кагуль»; 4 корвета; 12 бриговъ; 8 шкунтъ; 9 тендеровъ, 2 яхты, 1 бомбарда, 1 палубный ботъ, 5 боевыхъ и 4 посыльныхъ пароходовъ; 12 большихъ и 5 малыхъ транспортовъ, и пять лоцъ-судовъ; то есть 62 военныя судна и 23 транспортныя и посыльныя — не считая вооруженныхъ рѣчныхъ, мелкоходныхъ и портовыхъ, состоявшихъ при другихъ черноморскихъ портахъ, число которыхъ доходило до 90.

Въ теченіе царствованія своего, государь императоръ Николай Павловичъ посѣщалъ Севастополь три раза — въ 1837, 1845 и 1850 годахъ.

Перемѣны по портовой администраціи Севастополя, за время командованія флотомъ М. П. Лазарева, состояли въ томъ, что въ 1835 году командиромъ севастопольскаго порта назначенъ былъ контръ-адмиралъ Стожевскій; а 6-го декабря 1837 года въ этой должности смѣ-

(1) У врача Закревскаго.

нилъ его вице-адмиралъ Александръ Павловичъ Авиновъ. Послѣдній въ 1841 году былъ утвержденъ въ званіи севастопольскаго военнаго губернатора. Въ 1849 году, по перечисленіи Авинова членомъ адмиралтействъ-совѣта, на должность его поступилъ вице-адмиралъ Степанъ Петровичъ Хрущовъ; а начальникомъ штаба черноморскаго флота, вмѣсто Хрущева, назначенъ былъ контръ-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Самъ Михайлъ Петровичъ 10-го октября 1843 года былъ произведенъ въ адмиралы и скончался въ Вѣнѣ 11-го апрѣля 1851 года. Вмѣсто него 8-го апрѣля 1851 года назначенъ былъ временно исправляющимъ должность главнаго командира флота вице-адмиралъ Морицъ Борисовичъ Берхъ. Въ 1852 году командиромъ севастопольскаго порта назначенъ былъ вице-адмиралъ Станюковичъ.

## XI.

### ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Краткій историческій обзоръ севастопольскаго порта, до времени послѣдней его осады, на этомъ оканчивается. Остается перейти къ разсмотрѣнію того, что могутъ намъ дать историческіе выводы.

Значеніе всякаго порта, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать это названіе, то есть: въ смыслѣ хорошей якорной стоянки для судовъ, имѣющей вблизи нѣкоторыя устройства и запасы для случайныхъ потребностей послѣднихъ — можетъ разсматриваться, во первыхъ, въ двухъ отношеніяхъ, а именно: въ значеніи данной мѣстности для цѣлей коммерческихъ и для цѣлей военныхъ.

Наилучшимъ коммерческимъ портомъ, безъ сомнѣнія, должно почитаться хорошее убѣжище для коммерческихъ судовъ, въ такой мѣстности, гдѣ можетъ сосредоточиваться наибольшее количество принимаемыхъ и сдаваемыхъ товарныхъ грузовъ.

До настоящаго времени такими мѣстами, въ мануфактурныхъ странахъ, почитались наиболѣе спокойныя судо-

выя пристанища, ближайшія къ мануфактурному производству—которое само, на оборотъ, по естественному порядку вещей, заводилось тамъ—гдѣ ему удобнѣе и ближе было получать сырье. Примѣры этого легко видѣть въ Англии.

Если же, напротивъ того — страна имѣла надобность сбывать тяжелый грузъ, малоцѣнный, котораго вся стоимость зависѣла отъ его перегрузки и доставки; то наилучшимъ коммерческимъ портомъ въ этой странѣ могъ почитаться такой портъ, который задавался глубже въ данную мѣстность, нуждающуюся въ сбытѣ. Наиболѣе способныя для этого мѣстности, у насъ въ Россіи, лучше всего были бы на такихъ пунктахъ, какъ напримѣръ: въ Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ; но за неимѣніемъ къ нимъ доступа водой, по теоріи, остаются лучшими: Петербургъ, Архангельскъ, Одесса, Таганрогъ.

Благосостояніе города лучше всего обусловливается его торговлей — особенно такого города, который не имѣетъ за собой какого либо административнаго средоточія. Помимо сомнительныхъ преданій, живые, рукотворные признаки, свидѣтельствуютъ намъ лучше всего о величии древняго Херрониса, который занималъ тогда еще, въ отдаленную эпоху своего процвѣтанія, такую значительную мѣстность, какъ Ираклійскій полуостровъ; а это безошибочно также удостовѣряетъ насъ и въ его великомъ торговомъ значеніи въ самой отдаленной древности — когда, видимо, народы его обитавшіе, имѣли уровень просвѣщенія далеко выше того, какой существовалъ впоследствии у татаръ. Предполагать, что обитатели его селились въ немъ только по чувству самосохраненія, спасаясь отъ враговъ—согласно мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ — невозможно. Такое громадное число потребителей, предполагаетъ и громадную окружную производительность — иначе и зданія строить изъ тесанаго камня, съ мраморной отдѣлкой, никто бы изъ нихъ не рѣшился. Все это должно склонять насъ, во первыхъ, къ тому убѣжденію, что нѣкогда весь Крымъ былъ населенъ людьми способными воздѣлывать почву и добиваться отъ нея возможно большаго количества



продуктовъ, въ видахъ прокормленія громаднаго населенія тогдашнихъ таврическихъ городовъ. Но такъ какъ Херронисъ лежалъ не въ центрѣ промысловой мѣстности, гдѣ добывался прямо земляной продуктъ, а на ея окраинѣ, и такъ какъ трудно полагать, по его большому размѣру, чтобы онъ исключительно могъ составлять купеческую факторию, наполненную одними торговыми конторами; то во вторыхъ — слѣдуетъ думать, что онъ заключалъ въ себѣ и средоточіе обширной торговли, состоявшей изъ сбыта и обмѣна мѣстныхъ произведеній, или же изъ предметовъ складочныхъ; а тогда размѣры Херрониса, какъ складочнаго пункта, намъ свидѣлствуютъ довольно ясно о томъ, въ какой степени Черное море могло служить кипучимъ средоточіемъ мѣстной окружной торговли прилегающихъ къ нему странъ. Загадка же о процвѣтаніи Херрониса — если только надъ нами не повторится исторія древняго Рима или Греціи — вѣроятно же всего разрѣшится снова въ Севастополѣ же, для нашего просвѣщеннаго и болѣе промышленнаго потомства, которое гуще заселитъ Новороссію и всѣ роскошные берега Чернаго моря — причемъ очень можетъ быть, что всего быстрѣе приведутъ насъ къ рѣшенію этого вопроса наши желѣзныя дороги.

Вопросъ о существованіи военнаго порта въ Севастополѣ, разрѣшается также гораздо легче на основаніи вопроса коммерческаго. Высшее достоинство военнаго порта обуславливается тремя его главными назначеніями, которыя очень трудно между собою связываются:

Самое простое назначеніе военнаго порта состоитъ въ его достоинствѣ, какъ «порта убѣжища», пристанища, въ тѣсномъ смыслѣ *гавани* (hafen, haven, hamn). Природа въ этомъ отношеніи очень щедро надѣлила Севастополь — какъ это и не замедлили засвидѣтельствовать первые наши моряки, зашедшіе въ севастопольскую бухту: Козляниновъ, Одинцовъ, Клокачевъ. Въ 1853 году, при добавочномъ искусственномъ своемъ устройствѣ, Севастополь въ этомъ отношеніи приближался къ совершенству — по меньшей мѣрѣ, какъ убѣжище для судовъ собственно *военныхъ*.

Другое назначеніе военнаго порта — быть верфью, при

постройкѣ деревянныхъ судовъ встрѣчало многія затрудненія въ мѣстности Севастополя, и оставило въ этомъ отношеніи первенство за Николаевымъ. Доступность ко внутреннимъ средствамъ страны ставитъ военный портъ, въ этомъ отношеніи, въ условія, сходныя съ тѣми, которыя составляютъ потребность порта коммерческаго, а строеніе судовъ желѣзныхъ, при существованіи желѣзныхъ дорогъ и торговаго движенія, много можетъ способствовать упрощенію этого дѣла и въ Севастополь.

Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о существованіи Севастополя, какъ опорнаго пункта для нашихъ военныхъ дѣйствій— вопросъ наиболее сложный, рѣшеніе котораго во всякомъ случаѣ должно строжайшимъ образомъ основываться на исключительныхъ и личныхъ потребностяхъ нашего государства. «Всякій потентатъ, имѣющій единую только армію—единую руку имѣеть; а имѣющій и флотъ и армію—обѣ руки имѣеть». Сказалъ великій Петръ. И конечно, такой потентатъ, какъ Россія, долженъ имѣть всегда заботу о томъ, чтобы одна изъ рукъ его не находилась скованной. Вся исторія нашихъ обоихъ флотовъ вмѣстѣ—и черноморскаго, и балтійскаго, строго подтверждаютъ мысль Петра и вполне насъ удостовѣряютъ, что нашъ военный портъ долженъ быть прежде всего во всякое время свободенъ отъ льда. Этому условію, какъ военный портъ, вполне удовлетворяетъ Севастополь, и единственно онъ одинъ, потому что ни Феодосія, ни Сухумъ, ни Поти, свободныя также отъ льда, и лучшія наши якорныя стоянки послѣ Севастополя на Черномъ морѣ, далеко не имѣютъ ни одного изъ многихъ достоинствъ Севастополя какъ порта-убѣжища.

Наступательная или только оборонительная война предстоить для насъ на Черномъ морѣ; флотъ нашъ долженъ служить намъ преимущественно къ охраненію своихъ береговъ, и если онъ будетъ запертъ непріателемъ, то не выполнитъ своего назначенія. Отвратить такое обстоятельство возможно только употребленіемъ въ дѣло, противъ того же непріятеля, нашего другаго флота—балтійскаго, или иными уже политическими комбинаціями.

Затѣмъ остается еще одинъ вопросъ, самый крайній въ существованіи всякаго флота, это вопросъ—о сохраненіи его матеріальныхъ силъ и средствъ въ томъ случаѣ, когда его силы не въ состояніи оказать никакого противувѣса непріятельскимъ силамъ на морѣ. А относя рѣшеніе этого вопроса къ Севастополю, мы необходимо придемъ къ тому, что намъ слѣдуетъ: а) или содержать матеріальную часть нашего флота въ такомъ состояніи, чтобы ее уничтоженіе не доставляло намъ по времени и цѣнности, никакого значительнаго денежнаго ущерба, б) или, въ случаѣ опасности, уходить нашему флоту въ наиболѣе укрѣпленное мѣсто; или же, наконецъ, в) укрѣпить Севастополь такъ, чтобы матеріальная часть флота оставалась тамъ въ наилучшей безопасности.

Во всякомъ же случаѣ легко уже было намъ понять, не только изъ уроковъ послѣдней войны, но и изъ войны Потемкинской, что вопросъ о сохраненіи флота въ Севастополѣ былъ почти неразрывно связанъ для насъ съ вопросомъ объ удержаніи за собой Тивриды; а въ первой главѣ этого историческаго описанія мы подробно говорили уже о томъ—что такое была *Россія, когда она не владѣла Тавридой*.

КАРТА  
ОКРЕСТНОСТЕЙ  
Г. СЕВАСТОПОЛЯ.

Масштабъ

въ Англійско-мъ дюйма 2 версты.

